

**Научный журнал
«СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»**№ 5 (37) 2012
ISSN 1996-0522**Учредитель**Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации**Издатель**Челябинский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации**РЕДАКЦИОННО-ЭКСПЕРТНЫЙ СОВЕТ****Философия**С.В. Борисов – д.ф.н., профессор
Ю.Г. Ершов – д.ф.н., профессор
В.А. Лоскутов – д.ф.н., профессор
А.В. Павлов – д.ф.н., профессор
В.Д. Попов – д.ф.н., профессор
А.С. Чупров – д.ф.н., профессор**Политология**С.Г. Зырянов – д.полит.н., профессор
А.В. Понеделков – д.полит.н., профессор
О.Ф. Русакова – д.полит.н., профессор**Социология**Е.В. Грунт – д.ф.н., профессор
Н.Б. Костина – д.с.н., профессор**Юриспруденция**В.Г. Графский – д.ю.н., профессор
С.В. Кодан – д.ю.н., профессор
А.Б. Сергеев – д.ю.н., профессор**Экономика**О.В. Артемова – д.э.н., профессор
Т.Ю. Савченко – к.э.н., доцент**Культурология**С.С. Загребин – д.и.н., профессор
Л.Б. Зубанова – д. культурологии, доцент
А.Н. Лукин – к. культурологии, доцент**История**С.В. Нечаева – к.и.н., доцент
В.Н. Новоселов – д.и.н., профессор
С.С. Смирнов – д.и.н., профессор**Главный редактор**доктор политических наук,
профессор С.Г. Зырянов**Заместитель главного редактора**доктор философских наук,
профессор А.С. Чупров**Редакция**А.Н. Лукин – зав. рубрикой философии
С.Г. Зырянов – зав. рубрикой политологии

Е.В. Грунт – зав. рубрикой социологии

А.В. Ильиных – зав. рубрикой
государства и праваТ.Ю. Савченко – зав. рубрикой
экономики и управления

С.С. Загребин – зав. рубрикой культуры

В.Н. Новоселов – зав. рубрикой истории

А.В. Павлов – ответственный
за международные контакты**Ответственный секретарь**

кандидат философских наук А.А. Куштым

Свидетельство о регистрацииПИ № ФС 77-48298 от 24.01.2012 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Подписано в печать 16.10.2012 г.

Формат 70x108^{1/16}. Печ. л. 8,75.

Тираж 1000 экз. Заказ № 635.

Гарнитура FreeSet. Печать офсет.

Издание подготовлено к печати

и отпечатано

Издательским центром «Академия»,

625017, г. Тюмень,

ул. Авторемонтная, 18, стр. 5

Тел./факс: (3452) 68-23-92

E-mail: press@whiteship.ru

Цена свободная

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРАЧелябинский филиал Президентской академии:
двадцать лет по лестнице, ведущей вверх. . . . . 5**СОЦИУМ****Б. С. Павлов**Человеческий потенциал региона:
проблемы воспроизводства,
сбережения и использования . . . . . 7**М. П. Меняева**

Роль согласия в контексте конвергенции. 17

О. В. Шиняева, И. Г. ГоношилинаСоциально-политические установки российской
студенческой молодежи. . . . . 21**Д. В. Руденкин**Концепт политической культуры: основания
социологического подхода . . . . . 26**Н. Г. Хвесюк**

Социологический подход к оценке приватизации. 30

ВЛАСТЬ**А. А. Борисенков**

О понятии политической культуры 35

В. Б. СоколПреодоление «власти дискурса» в феноменологии
Э. Гуссерля. . . . . 43**М. А. Фадеечева**Истина в социально-политической науке постмодерна:
возможности поиска . . . . . 48**А. Н. Лукин**Политическое лидерство
как социально-психологический феномен . . . . . 52**А. Р. Ермолюк**В. В. Розанов о влиянии русской классической
литературы XIX века на восприятие
власти обществом . . . . . 57**И. Н. Лаврикова**

Сфера праздничного – зона идеологического 61

А. С. ИвановПроявления «праздничной стороны» региональной
политики в деятельности руководителя региона
(на примере Республики Башкортостан) . . . . . 66**М. М. Юсупов**Специфика управления регионом в постконфликтной
ситуации 71

**ИНФОРМАЦИЯ
ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ****Научный журнал
«СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»**

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, юриспруденции, экономики, менеджмента, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала и касаться различных (политического, социального, экономического, правового и др.) аспектов состояния социума и его взаимоотношений с государственной и муниципальной властью.

В соответствии с решением президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал «Социум и власть» включен в **перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по направлениям: философия, политология, социология, юриспруденция, экономика, культурология, история.

Рукописи рецензируются.

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть», размещены на странице 139.

**Ваши материалы направляйте
в редакцию по адресу:**

454071, г. Челябинск, а/я 6511

Телефон редакции:

(351) 771-42-30

E-mail: kushtym@rane74.ru

Адрес в Интернет:

<http://rane74.ru>

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов.
Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке
ссылка на журнал обязательна.

Журнал выходит 6 раз в год,
распространяется по подписке
в отделениях почтовой связи.

**Подписной индекс
по Российской Федерации
46536**

Д. Д. Курносов

Тенденции развития идеологии британского правого радикализма в 1970-е — 2000-е гг. 76

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО**Т. И. Ряховская**

«Прямое действие» в системе юридических свойств Конституции России. 80

И. А. Андреева

Основные направления полицейских реформ в европейских странах на рубеже XX–XXI вв. 82

К. И. Фамиева

Правовые предпосылки создания федеральной контрактной системы в Российской Федерации 86

Н. В. Драничникова, С. А. Захарова, А. Б. Сергеев

Проблемы развития спортивного права в России 91

Н. В. Тищенко

Развитие системы наказания и типов преступлений от эпохи Просвещения до наших дней. 96

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ**Н. Ю. Коротина**

Принципы классификации собственных доходов местных бюджетов. 101

Н. М. Логачева

Развитие социальной инфраструктуры регионов как фактор повышения уровня жизни населения 105

ИСТОРИЯ**С. А. Пискунов**

Возвращение на Родину: участие переселенческих органов РСФСР в репатриации польских и советских граждан в 1945–1946 гг. 109

А. А. Пасс, П. А. Рыжий

Огосударствление промысловой кооперации в СССР во второй половине 1950-х гг.: причины и последствия. 114

ДИСКУССИИ И ПОЛЕМИКА**К. В. Пашков**

Заметки о постсекулярной культуре 123

П. Б. Уваров

Поведение современного человека: историко-антропологический этюд 127

**Scientific Journal
SOCIETY AND POWER**

No. 5 (37) 2012
ISSN 1996-0522

Established by
The Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration

Published by
Chelyabinsk Branch
of the Russian Presidential Academy of National
Economy
and Public Administration

**EDITORIAL AND EXPERT BOARD
Philosophy**

S.V. Borisov – Dr.Sc. (Philosophy), Professor
Yu.G. Ershov – Dr.Sc. (Philosophy), Professor
V.A. Loskutov – Dr.Sc. (Philosophy), Professor
A.V. Pavlov – Dr.Sc. (Philosophy), Professor
V.D. Popov – Dr.Sc. (Philosophy), Professor
A.S. Chuprova – Dr.Sc. (Philosophy), Professor

Political Science

S.G. Zyryanov – Dr.Sc. (Politics), Professor
A.V. Ponedelkov – Dr.Sc. (Politics), Professor
O.F. Rusakova – Dr.Sc. (Politics), Professor

Sociology

Ye.V. Grunt – Dr.Sc. (Philosophy), Professor
N.B. Kostina – Dr.Sc. (Sociology), Professor

Law

V.G. Graftskiy – Dr.Sc. (Law), Professor
S.V. Kodan – Dr.Sc. (Law), Professor
A.B. Sergeev – Dr.Sc. (Law), Professor

Economics and Administration

O.V. Artyomova - Dr.Sc. (Economics), Professor
T.Yu. Savchenko – PhD (Economics), Associate
Professor

Cultural Studies

S.S. Zagrebin – Dr.Sc. (History), Professor
L.B. Zubanova – Dr.Sc. (Culturology), Associate
Professor
A.N. Lukin – PhD (Culturology), Associate
Professor

History

S.V. Nechayeva – PhD (History), Associate
Professor
V.N. Novosyolov – Dr.Sc. (History), Professor
S.S. Smirnov – Dr.Sc. (History), Professor

Editor-in-Chief

Dr.Sc. (Politics),
Professor S.G. Zyryanov

Deputy Chief Editor

Dr.Sc. (Philosophy),
Professor A.S. Chuprova

Editorial Board

A.N. Lukin – editor of philosophy column
S.G. Zyryanov – editor of political science column
Ye.V. Grunt – editor of sociology column
A.V. Il'inykh – editor of column
on state and law

T.Yu. Savchenko – editor of column
on economics and management

S.S. Zagrebin – editor of culture column

V.N. Novosyolov – editor of history column

A.V. Pavlov - responsible for
international communication

Executive Secretary

Dr.Sc. (Philosophy) A.A. Kushtym

Certificate of Registration

PI No. FS 77-48298 of 01/24/2012
issued by Russian Federal Surveillance Service
for Mass Media
and Communications

Signed for printing on 10/16/2012

Sheet size 70 x 1081/16. Sheet size units 8.75.

Print run of 1,000 copies. Order No. 635.

Typeset FreeSet. Offset printing.

The issue is edited and printed by

Publishing Center Akademia

625017, Tyumen,

18 Avtoremontnaya Str., building 5

Phone/fax: +7 (3452) 68-23-92

Email: press@whiteship.ru

Open price

FROM THE EDITOR

Chelyabinsk branch of the Presidential Academy:
twenty years up the up staircase. 5

SOCIETY

B.S. Pavlov

Human potential of the region: the problem
of reproduction, conservation and use. 7

M.P. Menyayeva

The role of consent in the context of convergence 17

O.V. Shinyaeva, I.G. Gonoshilina

Social and political attitudes of Russian students. 21

D.V. Rudenkin

The concept of political culture: the basis
of sociological approach 26

N.G. Khvesyuk

Sociological approach to the assessment
of privatization 30

POWER

A.A. Borisenkov

On the concept of political culture 35

V.B. Sokol

Overcoming the «power of discourse»
in the phenomenology of E. Husserl. 43

M.A. Fadeicheva

Truth in the socio-political science
of postmodernism: search opportunities 48

A.N. Lukin

Political leadership as a socio-psychological
phenomenon 52

A.R. Ermolyuk

V.V. Rozanov, on the influence of classical Russian
literature of the XIX century on the public
perception of authority 57

I.N. Lavrikova

The area of the festive - the zone of the ideological 61

A.S. Ivanov

Manifestation of the «festive side» of regional policy in
the region head's actions (case study of the Republic of
Bashkortostan). 66

M.M. Yusupov

Specificity of regional post- conflict management 71

D.D. Kurnosov

Development trends of the ideology
of British right-wing radicalism in the 1970s – 2000s. 76

**INFORMATION
FOR READER AND AUTHOR**

**Scientific Journal
SOCIETY AND POWER**

for specialists in the field of public and municipal administration, philosophy, sociology, political science, law sciences, economics, management, as well as for lecturers, undergraduate students and high school students.

Topics of publications

must correspond with the journal profile and relate to various (political, social, economical, legislative, etc) aspects of state of socium and its interrelationship with governmental and municipal authorities.

In accordance with the resolution of the Presidium of the State Commission for Academic Degrees and Titles under Russian Ministry of Education and Science (VAK of Minobrnauka) Society and Power journal was included in the **list of top peer-reviewed scientific journals and editions that must publish** key research results of these applied for higher doctoral degrees and PhD degrees in the following fields: philosophy, political science, sociology, law sciences, economics, culturology, history.

Manuscripts shall be provided with review.

For requirements of manuscripts of research papers provided for publication in the scientific journal Society and Power please refer to page 140

**Please send your papers
to editorial office address:**

454071, P.O. Box 6511, Chelyabinsk
Phone of the editorial office:
+7 (351) 771-42-30
Email: kushtym@rane74.ru

Website:
<http://rane74.ru>

The authors' views are not necessary supported by the editorial opinion. Responsibility for authenticity and accuracy of citation, person's names, names and other data, including non-infringement of copyright law, is on the authors of the published papers

This publication may not be reproduced without reference to the journal.

Journal is issued bimonthly, distributed by subscription at post offices.

**Subscription Code
in the territory of the Russian Federation
46536**

STATE AND RIGHT

T.I. Ryakhovskaya

«Direct force» in the system of legal properties of the Russian Constitution 80

I.A. Andreeva

The main directions of police reforms in European countries at the turn of XX-XXI centuries. 82

K.I. Famieva

Rightful premises of a federal purchasing system in the Russian Federation 86

N.V. Dranichnikova, S. A. Zakharova, A.B. Sergeev

Problems of development of sports law in Russia 91

N.V. Tishchenko

Development of penal system and crime types from the Enlightenment to the present time. 96

ECONOMY AND MANAGEMENT

N.Y. Korotina

Principles of own revenues classification for local budgets 101

N.M. Logacheva

Social infrastructure development of regions as a factor in increasing social standard of living. 105

HISTORY

S.A. Piskunov

Return home: the participation of the RSFSR migration bodies in the repatriation of Polish and Soviet citizens in 1945-1946. 109

A.A. Pass, P.A. Rizhij

Nationalization of industrial co-operation in the Soviet Union in the second half of the 1950s: Causes and Consequences 114

DISCUSSIONS AND POLEMIC

K.V. Pashkov

Notes on the post-secular culture. 123

P.B. Uvarov

Modern human behavior: historical and anthropological study 127

ЧЕЛЯБИНСКИЙ ФИЛИАЛ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ АКАДЕМИИ: ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ПО ЛЕСТНИЦЕ, ВЕДУЩЕЙ ВВЕРХ

Уважаемые читатели, авторы, сотрудники журнала «Социум и власть»! В канун нового учебного года я посвятил первую встречу со студентами урокам истории. Урокам истории нашего вуза – Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Это обусловлено тем, что нынешний год особый, юбилейный. Двадцать лет назад, 26 октября 1992 года в Челябинске был открыт филиал Уральского кадрового центра по подготовке специалистов-управленцев для новых исполнительных и представительных властных структур и зарождающейся предпринимательской среды. С того дня относительно небольшому по численности, но сплоченному коллективу сотрудников нового вуза довелось пережить немало преобразований и реструктуризаций, выжить и утвердиться на рынке образовательных услуг в нелегкой конкурентной борьбе. Сегодня Челябинский филиал РАНХиГС – лидер в подготовке специалистов высокого класса для государственных, региональных, муниципальных структур власти и бизнеса Челябинской области.

Верно говорят: дорогу осилит идущий. И есть глубокий смысл в том, что, пройдя нелегкий двадцатилетний путь, именно в канун своего юбилея молодой челябинский вуз получил новый статус – стал филиалом крупнейшего, я бы сказал уникального, российского вуза – Президентской академии – так уважительно называют его выпускники РАНХиГС. Убежден, что этот статус мы получили по праву.

Сейчас в филиале академии обучается более 3000 студентов и слушателей. У нас работает около ста преподавателей, 82 процента которых имеют ученые степени и звания, 12 процентов из них – доктора наук, более 30 процентов преподавателей имеют опыт работы в органах власти всех уровней и в успешных бизнес-структурах. Это дает возможность студентам получить качественное, высокопрофессиональное образование, базирующееся не только на теоретических курсах, но и на реальных практических знаниях.

Не скрою, очень приятно слышать отзывы студентов и выпускников о том, что в Челябинском филиале особая, можно сказать, камерная, доброжелательная атмосфера. Мы стараемся сделать всё возможное, чтобы с первых дней обучения вчерашние абитуриенты чувствовали себя максимально комфортно в стенах нашего вуза. К числу достижений коллектива преподавателей и сотрудников я бы не без гордости отнес создание современного учебно-материального комплекса: аудитории с интерактивными средствами обучения, семь компьютерных классов, бесплатный безлимитный доступ в Интернет, в том числе в формате wi-fi. Наша особая гордость – большая библиотека, в фондах которой более ста тысяч томов учебной и научной литературы, которой студенты обеспечиваются на протяжении всего периода обучения. Статус филиала Президентской академии позволил студентам получить доступ к уникальным учебным материалам и программам головного московского кампуса.

В филиале уже много лет успешно реализуются четыре базовых научно-исследовательских направления: 1) пути и способы повышения эффективности управленческой деятельности государственных и муниципальных служащих; 2) проблемы взаимодействия власти и общества на Южном Урале: осмысление исторического опыта и современная практика; 3) управление социально-экономическими и политическими процессами развития Челябинской области в ходе реформ системы государственной власти (региональный и муниципальный аспекты); 4) механизмы совершенствования разграничения полномочий и ответственности между уровнями публичной власти (правовой аспект). Более 15 лет работы профессорско-преподавательского состава по данным направлениям позволило создать на базе филиала центр коллективного использования научных данных и оборудования «Инноватика».

Более 15 лет проводит исследования научно-исследовательская лаборатория

прикладной политологии и социологии. За эти годы лабораторией подготовлены аналитические обзоры, проведены социологические и маркетинговые исследования, основными заказчиками которых выступили представители органов власти и управления различного уровня, политические партии, СМИ, промышленные предприятия и бизнес-элита Челябинской области.

Несомненным достижением филиала стало основание своего научного издания — журнала «Социум и власть», который через год тоже будет отмечать юбилей — десятилетие со дня учреждения. Идея создания журнала принадлежит доктору философских наук, профессору Александру Степановичу Чупрову. На протяжении девяти лет удается реализовать миссию журнала — организацию диалога научного сообщества, власти и бизнес-структур по различным аспектам жизни социума. В журнале достаточно широко представлена география авторов. Авторами тридцати семи уже вышедших в свет номеров стали ученые не только России, но и ближнего и дальнего зарубежья. Издание журнала позволило укрепить научные контакты с вузами и научными центрами как на всероссийском, так и на международном уровне.

За два десятилетия сама жизнь подсказала нам правильность выбранного в нашем филиале корпоративного девиза — «Президентская академия — начало большой карьеры!». В этих словах, считаю, заложен глубокий смысл: знания, полученные в крупнейшем российском вузе, помогают нашим выпускникам найти свое место в управленческой и деловой среде, подняться на самые высокие ступени карьерной лестницы. Естественно, у наших студентов и слушателей есть и другие мотивы для поступления в академию. Это и возможность обмениваться жизненным опытом, и стремление делиться практическими и инновационными навыками, устанавливать деловые связи. Глубоко убежден, что выпускники Президентской академии — это будущее России, элита нашего общества, опора и надежда российского государства.

Дорогие друзья! В день 20-летия Челябинского филиала РАНХиГС я от души желаю всем вам творческих и научных свершений и побед, успеха, счастья и удачи! Пусть наш юбилей станет стимулом для еще более эффективной работы всех подразделений вуза, а студентов вдохновит на покорение новых вершин знаний.

С. Г. ЗЫРЯНОВ,

директор Челябинского филиала РАНХиГС,
доктор политических наук, профессор,
главный редактор научного журнала
«Социум и власть»

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНА: ПРОБЛЕМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА, СБЕРЕЖЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

УДК 316.356.2.003

Б.С. ПАВЛОВ

Понятие «человеческий потенциал» широко используется в современной научной и общественно-политической литературе. Человеческий потенциал любого сообщества (микро- и макрорегиона, страны в целом) представляет собой его человеческие ресурсы, обладающие качествами и свойствами, определяющими потенциальную возможность развития данного социума (или его деградации).

Официальное звучание это понятие приобрело в 1990 г. После официального принятия (1990 г.) понятия индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП), применяемого в рамках специальной программы развития ООН (United Nations Development Program, UNDP), он используется для количественной характеристики успеха страны (региона) в развитии человеческого фактора. ИРЧП показывает степень достижения общечеловеческих целей: продолжительности жизни 85 лет, 100-процентной функциональной грамотности и уровня жизни с учетом мировых стандартов [1].

Новое, уточненное экспертами ПРООН определение, соответствующее практике и научным исследованиям по проблемам развития человека, сформулировано так: *«Развитие человека представляет собой процесс расширения свободы людей жить долгой, здоровой и творческой жизнью, на осуществление других целей, которые, по их мнению, обладают ценностью; активно участвовать в обеспечении справедливости и устойчивости развития на планете».*

В свете этого определения развитие человека имеет три компонента:

1. Благополучие: расширение реальных свобод человека таким образом, чтобы они могли процветать.

2. Расширение прав и возможностей, а также агентность: возможность человека и групп действовать и получать ценные результаты.

3. Справедливость: повышение социальной справедливости, обеспечение устойчивости результатов во времени, уважение прав человека и других целей общества.

В 2010 г. семейство индикаторов, которые измеряют ИРЧП, было расширено, а сам индекс подвергся существенной корректировке.

В дополнение к используемому ИРЧП, который является сводным показателем, опирающимся на среднестатистические данные и не учитывающим внутреннее неравенства, были введены три новых индикатора: индекс человеческого развития, скорректированный с учетом социально-экономического неравенства (ИЧРН), индекс гендерного неравенства (ИГН) и индекс многомерной бедности (ИМБ). В зависимости от значения ИРЧП страны принято классифицировать по уровню развития: очень высокий (42 страны), высокий (43 страны), средний (42 страны) и низкий (42 страны) уровень [2].

В индексе развития человеческого потенциала 2010 г. Россия занимает 65-е место с ИРЧП 0,719. Она находится после Албании (64) и перед Казахстаном (66), в середине списка высокоразвитых, по оценке ООН, государств. Основные показатели Российской Федерации таковы: средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении — 67,2 года; средняя продолжительность получения образования — 8,8 года; ожидаемая продолжительность получения образования — 14,1 года; ВНД на душу населения — \$ 15258 в год. Россия занимает 42-е место в рейтинге социально-экономического неравенства и 41-е место в рейтинге гендерного неравенства. Стоит отметить, что Россия, тем не менее, опережает в рейтинге своих соседей по БРИК. Среди крупнейших стран с быстрорастущей экономикой Бразилия занимает в рейтинге 73-е место, Китай — 89-е, а Индия — 119-е [1].

Важно осознавать и то, что уровень потенциального развития того или иного региона, помимо человеческого потенциала, включает и другие ресурсы развития, как *природные*, так и *созданные в результате человеческой деятельности*. К числу последних относят ресурсы материального и нематериального характера: топливно-энергетические, финансовые, инновационно-инвестиционные, репутационные (репутация территории, её конкурентоспособность, бренд, патенты и др.) [3].

Процесс воспроизводства всех общественных процессов в современной России предпосылает *институту семьи* с его потребностями и потенциальными возможностями

выступать одновременно и в качестве заказчика и в качестве потребителя всех общественных взаимодействий. Семья (и в качестве социального института, и в качестве отдельной первичной ячейки общества) опосредует, с одной стороны, влияние общества на индивида (в процессе его онтогенетического развития и функционирования), с другой стороны, подавляющее большинство индивидов сотрудничает с обществом через семью в процессе реализации своих потребностей и интересов. Можно утверждать, что характер течения всех социально-демографических процессов в обществе в большинстве своем обусловлен прямо или опосредованно состоянием семейно-брачных отношений, уровнем стабильности семьи как социального института, степенью совпадения интересов семьи, направленности ее деятельности о доминирующем векторе общественного развития. Небезосновательны поэтому традиционные обращения экономистов, демографов к семье как доминантному фактору воспроизводства человеческого потенциала той или иной территориальной общности [4].

Комплекс исследований, проведенных в 1999–2011 гг. социологами Института экономики УрО РАН под руководством автора и при его непосредственном участии, позволяет более предметно и доказательно анализировать актуальные проблемы института семьи как объекта и субъекта социальной (семейной) политики государства, основной целью которой является воспроизводство человеческого потенциала в кардинально меняющихся условиях социально-экономического развития российского социума. В нашем случае речь идет о воспроизводстве дееспособного населения Уральского региона. В числе других, в частности, были реализованы следующие социологические проекты:

1999 г. — опрошены 1360 полных зрелых семей из шести регионов РФ: городов Надым, Нижневартовск, Самара и Чита Свердловской и Челябинской областей) по проблемам социализации подростков (14–17 лет) и социального самочувствия малой социальной группы в условиях проводимых экономических реформ — «ЧП-1»;

2003 г. — опрос 2900 молодых супругов в пяти регионах РФ (города: Екатеринбург, Челябинск, Чита, Надым, Нижневартовск), в том числе из однодетных (1190 чел.) и двухдетных (685 чел.) семей — «ЧП-2»;

2007–2008 гг. — в 7 городах и 14 сельских поселениях Пермской, Свердловской

и Челябинской областей по авторским анкетам опрошено пять категорий респондентов: а) учащиеся средних и старших классов городских школ — 900 чел.; б) учащиеся средних и старших классов сельских школ — 540 чел.; в) родители учащихся городских школ — 770 чел.; г) молодые рабочие (в возрасте до 25 лет) с 32 городских предприятий Свердловской и Челябинской областей — 570 чел.; д) специалисты властных структур и преподаватели школ — 220 чел. — «ЧП-3»;

2008 г. — опрос 200 экспертов по проблемам женской трудозанятости в пяти субъектах РФ, входящих в УрФО «ЧП-4»;

2010–2012 гг. — было проведено комплексное социологическое исследование, связанное с анализом ресурсов инновационного развития высшего профессионального образования в регионе. В общую программу исследования входил анкетный опрос по квотно-репрезентативной выборке 1000 студентов IV–V курсов 5 уральских вузов (гг. Екатеринбург, Нижневартовск, Челябинск) — «ЧП-5».

Ниже нами будут рассмотрены некоторые аспекты демографической политики, жизнедеятельности уральских семей, связанные с рождением и воспитанием здорового, умного и трудолюбивого потомства, другими словами, воспроизводством человеческого потенциала в регионе. Вспомним при этом классиков: «Производство жизни — как собственной, посредством труда, так и чужой, посредством рождения — появляется сразу в качестве двоякого отношения: с одной стороны, в качестве естественного, а с другой — в качестве общественного отношения» [5, т. 3, с. 28].

Важнейшим индикатором состояния семейно-брачных отношений в том или ином обществе является жизнедеятельность семьи, связанная с воспроизводством потомства, его количественными и качественными характеристиками. Сужение воспроизводства населения — одна из детерминант, определяющих угрозу экономической безопасности отдельного региона, страны в целом. Последнее заключается в нарушении социально-биологического процесса воспроизводства рабочей силы как таковой, в снижении качества трудовых ресурсов вследствие ухудшения основных медико-демографических характеристик состояния здоровья регионального социума. Это в свою очередь, увеличивает экономическую нагрузку на трудоспособное население

со стороны требующей жизнеобеспечения и социальной защиты отошедшей от активной экономической деятельности части населения, доля которой увеличивается из-за общего «старения» населения России в целом (*Уральского экономического района в частности*). Не секрет, что в России продолжает расти (*абсолютно и относительно*) число инвалидов, неработающих одиноких стариков, одиноких женщин с малолетними детьми, других малообеспеченных и социально-ущербных слоёв социума и т. д.

Попытаемся ответить на вопрос: *«А сколько вообще нужно детей для семьи, дабы удовлетворить, с одной стороны, общественные и, с другой, семейные и личные потребности в детях?»*. Следует подчеркнуть, что в настоящее время ценностно-мотивационные решения и поведение семьи в сфере репродуктивной деятельности носят приватный (*как правило, общественно нерегулируемый*) характер. При этом результат репродуктивного труда семьи в большей своей части *не принадлежит его непосредственным участникам*, хотя родители несут конституционную ответственность за ребенка до определенного возраста. Государство, местные органы власти, социум в целом, региональные сообщества, предпринимательские круги, формально не являясь основными участниками репродукционного процесса, в действительности *«кровно заинтересованы»* в его результатах. В первую очередь речь идёт о воспроизводстве трудовых ресурсов и когортах общества, призванных обеспечивать безопасность государства от внешних и внутренних деструктивных процессов и проявлений.

И ещё одно немаловажное обстоятельство. Факторы репродуктивного поведения семьи (отдельных граждан) разнообразны и недостаточно изучены. Они «не вписываются» ни в одну из существующих теорий экономического поведения, прежде всего, в теорию абстрактного «*homo economicus*», который, якобы, всегда осуществляет рациональный выбор своих жизненных проявлений.

А теперь обратимся к результатам одного из наших опросов. *«Можете ли Вы сказать, сколько будет детей в вашей семье? Ваши семейные планы?»* — на этот вопрос анкеты («ЧП-2»): ответы молодых уральских супругов из однодетных и двухдетных семей распределились следующим образом: 20% респондентов, представителей однодетных (*на момент опроса*) родителей планируют

«остановиться» в своей детородной деятельности и оставить своего единственного сына (дочь) без младших братьев и сестёр. Более половины опрошенных из этой же группы респондентов (51%) посчитали, что в их семье будет двое детей, а в каждой четвертой (24%) — *«трое и более»*. Вариант ответа *«трудно сказать»* — подчеркнули в анкете 5% респондентов.

В двухдетных семьях за вариант семьи «муж-жена-двое детей» проголосовали 65% респондентов и 27% — выбрали вариант *«трое и более»* (8% — затруднились с ответом). Несложный расчёт показывает, что, по мнению молодых матерей, в уральских семьях к «нормальному» типу воспроизводства населения можно отнести ситуацию, когда десять среднестатистических семей в результате прохождения своего жизненного пути «оставляют» обществу 22–23 ребёнка. Много это или мало?

Естественно, нельзя сбрасывать со счетов прежде всего тот факт, что прожективные оценки «нормальности» числа детей в семье на момент опроса в дальнейшем реальном поведении российских (в том числе уральских) семей окажется, по всей вероятности, существенно ниже социально необходимых даже для простого воспроизводства населения. По оценке демографов социально необходимое среднее число детей в семье в расчёте на десять брачных пар должно быть не менее 26–28 детей. Другими словами, сегодня речь идёт не о расширенном воспроизводстве уральского сообщества и даже не его простом воспроизводстве. *В настоящее время воспроизводство населения находится в депопуляционном режиме.*

Региональная статистика свидетельствует, что в 2005–2020 г. рынок труда в УрФО за счет неродившихся в 90-х годах «не досчитает» более 700 тыс. молодых работников по сравнению с предшествующим пятнадцатилетием (1992–2007 гг.). Особо ощутимые потери в потенциальных работниках в предстоящем пятнадцатилетии окажутся на региональном рынке труда Свердловской области — ориентировочно 210 тыс. чел., Тюменской — 120 тыс. чел., Челябинской — 200 тыс. чел. [6, 7].

В общественном и быденном сознании россияне утверждает позицию о том, что демографические беды в их стране сегодня связаны в первую очередь с дестабилизацией семейно-брачных отношений, ведущих к распаду значительной (*если не большей*) части индивидуальных семей, деформацией

социальных функций, которые традиционно вменяются этой первичной социальной ячейке общества. Возникает, казалось бы, закономерный вопрос: а «нужна ли вообще семья?» Прежде всего речь идёт о «необходимости» института семьи для поступательного цивилизованного развития общества. Немаловажен и другой аспект: нужна ли собственная семья для отдельного индивида? В принципе весь комплекс своих физиологических, материальных и духовных потребностей каждый человек может с успехом удовлетворять, не имея в паспорте штампа о заключении брака. В первую очередь подразумеваются жизненные проявления индивида в цивилизованном урбанизированном социуме – в нашем случае речь идёт о жителях уральских городов. Вначале попытаемся ответить на второй вопрос.

Отрицательный ответ на эти вопросы («семья – не нужна», «она не обязательна и изживает себя») мы можем довольно часто встретить в многочисленных статьях журналистов, политиков, экономистов и даже в работах маститых социологов-семьеведов. Так ли это? Данные социологических опросов, проведенных в крупных городах России, в том числе и наши исследования, показывают сравнительную стабильность базовых ценностных ориентаций основных социальных групп российского (в нашем случае – уральского) населения. На вопрос анкеты: «Ниже перечислены некоторые жизненные ценности, к которым может стремиться взрослый человек. Выберите ПЯТЬ «самых-самых» важных для Вас» («ЧП-3») – нами были получены следующие ответы респондентов из 4 групп.

Таблица 1
Жизненные ценности и предпочтения у различных групп населения Урала
(% от общего числа опрошенных по каждой группе)

Жизненные ценности	Группы			
	Учащиеся		Родители	Молодые рабочие
	город	село		
Хорошая семья и дети	87	88	86	91
Хорошее здоровье	68	70	80	76
Любимая работа, успешная деловая карьера	68	67	72	62
Материальное благополучие, экономическая независимость, самостоятельность	58	46	65	79
Хорошие жилищные условия	42	46	27	52
Хорошие товарищи, верные друзья	66	54	47	37
Содержательный, интересный досуг, возможность заниматься любимыми увлечениями	27	20	23	11
Сознание того, что приносишь пользу людям	23	25	16	11
Порядочность, совестливость, доброе имя	23	23	40	17
Чувство безопасности от насилия, грабежа, разбоя, воровства	21	16	22	13

Нетрудно видеть, что такие базовые жизненные ценности, как «хорошая семья и дети», «хорошее здоровье», «любимая

работа», «материальное благополучие» и «хорошие жилищные условия» занимают первые пять позиций как у подростков, так

и их родителей. Небезынтересно и другое. Как показало наше исследование, иерархия жизненных ценностей юношей и девушек, молодых людей, живущих в городе и в сельской местности, практически идентична.

Вместе с тем было бы наивным не видеть наличие существенных различий у респондентов в понимании самих феноменов «хорошая семья», «хорошие жилищные условия», «хорошая работа». Для одних, например, понятие «хорошая семья» ассоциируется с наличием двух-трёх детей, у других – с одним ребёнком, «позволяющим», с одной стороны, реализовать естественную материнскую (отцовскую) потребность в детях, наследниках, а, с другой, один

ребёнок не слишком «обременителен» при поддержании материального благополучия семьи, «расширяет возможности» для трудовой карьеры и досуговых занятий своих однодетных родителей.

О состоянии института семьи в российском обществе, ценностных ориентациях в сфере матримониальных отношений в России можно судить и по результатам опроса 1360 семейных россиян, проведённых нами в шести регионах РФ («ЧП-1»). Ниже в каждом из 4 вопросов, взятых из анкеты, представлено распределение ответов отцов и матерей на соответствующий вопрос (% от общего числа респондентов-отцов – 422 чел. и – матерей – 938 чел.):

1. «Обязательно ли мужчине создавать свою семью (заключать брак)?»

Варианты ответов	Отцы	Матери
Да	69	74
Нет	11	6
Трудно сказать	19	19

2. «Допускаете ли Вы развод в семье, имеющей общих детей?»

Варианты ответов	Отцы	Матери
Категорически не допускаю	17	12
По обстоятельствам	72	75
Допускаю, это нормально	10	12

3. «Как бы Вы отнеслись к гражданскому браку своих детей (брак без оформления в ЗАГСе)?»

Варианты ответов	Отцы	Матери
Допускаю, смотря по обстоятельствам	54	60
Осуждаю категорически	23	19
Не осуждаю	21	20

4. «В наше время увеличивается роль личного капитала, имущества граждан. В связи с этим как Вы относитесь к введению брачных контрактов, определяющих имущественные отношения при заключении брака?»

Заключение брачного контракта:	Отцы	Матери
Необходимо	11	18
Желательно	36	51
Не имеет особого значения	36	25
Не нужно	14	5

Можно с большой долей уверенности утверждать, что у подавляющего большинства россиян «не исчезла потребность в семье и детях». Более того, желают или не желают «самозванные определители моды на детей» из числа «творцов» выпускаемой СМИ продукции, бездетный человек, будь то женщина или мужчина», даже извращённой половой ориентации, остаётся своеобразным духовно-нравственным социальным изгоем. Последний достоин человеческого сочувствия и сожаления, нередко он становится (или его делают) объектом непонятно какой социальной защиты. Защиты от самого себя – «человека БЕЗ БУДУЩЕГО». Естественно, здесь не идёт речь о тех людях, которые в силу каких-либо не зависящих от них обстоятельств лишены радости рождения и воспитания собственных (да и не только собственных) детей.

Резюмируя всё сказанное выше, нам представляется, что производство непосредственной жизни было, есть и останется в будущем хотя и взаимосвязанным, «вплетённым» в общую структуру производства общественной жизни, однако имеющим сравнительно самостоятельную структуру, функции, задачи, цель. Генезис производства человека как одной из сравнительно самостоятельных сторон целостного общественного производства в условиях цивилизованного общества характеризуется сочетанием тенденций обособления и интеграции её с двумя другими сторонами общественного производства – материального и духовного. Тенденция обособления выражается прежде всего в выделении в структуре целостного общественного производства специализированных социальных институтов, деятельность которых непосредственно направлена на производство человека, на жизнеобеспечение путём удовлетворения его физических и духовных потребностей. Наряду с семьёй к числу таких институтов следует отнести в первую очередь организации, учреждения, обеспечивающие строительство и эксплуатацию жилья, учреждения бытового обслуживания, общественного питания, здравоохранения, торговли, пассажирского транспорта, связи, общественного воспитания, образования и профессионального обучения, культуры и искусства, идеологии, охраны правопорядка и обеспечения безопасности жизнедеятельности и др. Развитие этих социальных институтов идёт как интенсивным, так и экстенсивным путём. Вторая тенденция в развитии сферы производства человека – это её интеграция с двумя другими сферами общественного производства путём

появления и развития в структуре этих двух производств элементов, факторов, имеющих востребованность во всё усложняющемся процессе производства человека.

Идущий процесс интеграции сферы производства человека (в какой-то своей части), с одной стороны, и, с другой, – материального («производство вещей») и духовного («производство идей, сознания») производств создаёт (или, по крайней мере, призван создавать) расширенные возможности общества в достижении своей высшей цели: производства самого человека (во всей совокупности сторон этого процесса), развития богатства человеческой природы не ради прагматических целей, а как самоцель. Стремясь к оптимизации демографических процессов, важно осознавать при этом диалектическую взаимосвязь его социально-экономической утилитарности и самоценности. Оптимальное развитие народонаселения страны (региона, муниципального образования) – основа и условие ее хозяйственно-экономического процветания. Население выступает как многостороннее диалектическое единство, выполняющая функции производителя и потребителя производства. Одновременно оно само подлежит воспроизводству. Вот почему народонаселение прямо и опосредованно влияет на размещение и функционирование общественного производства (взять, к примеру, функционирование народнохозяйственного комплекса Свердловской и Челябинской областей). Однако есть и вторая сторона этого взаимодействия. Развитие ЧЕЛОВЕКА (личности) является «целью целей» цивилизованного (демократического) типа воспроизводства общественной жизни [8].

Основная суть этого диалектического взаимодействия в том, что ЧЕЛОВЕК (работник и потребитель) выступает одновременно и средством и целью процесса общественного производства и его воспроизводства. Корневая, глубинная суть идущей перестройки производственных и в целом общественных отношений в России – возведение цели развития общественного ЧЕЛОВЕКА в ранг доминантной, ранг основной, перманентной цели социалистических преобразований.

Попытаемся схематично представить диспозицию выделенных в общем процессе воспроизводства общественной жизни трёх составляющих его производств с позиций целеполагания в развитии социумов в разных общественно-экономических системах российского общества. Так, фактическую (а не декларируемую) сущность

идеологической концепции построения российского социализма (подразумевается

практика СССР) он представляет схематично так:

Производство-СРЕДСТВО	Производство-ЦЕЛЬ
«производство человека» «производство-идей»	«производство вещей»

При переходе российского сообщества на рельсы рыночной экономики и соответствующих общественных отношений предлагаем выделять четвёртое сравнительно самостоятельное производство в общем

воспроизводственном процессе: «*производство денег*». Схематично представим две раскладки производств, олицетворяющие две основные модели общественного развития в условиях по реформенной России:

а) модель «дикого капитализма»

Производство-СРЕДСТВО	Производство-ЦЕЛЬ
«производство человека»	«производство денег»
«производство вещей»	
«производство-идей»	

б) модель социально ориентированной экономики

Производство-СРЕДСТВО	Производство-ЦЕЛЬ
«производство вещей»	«производство человека»
«производство денег»	
«производство-идей»	

«Исходя из этого, критерием общественного прогресса, что во многом тождественно критерию прогрессивного развития производства человека, на наш взгляд, необходимо считать следующее. С одной стороны, это адекватное растущим потребностям производства человека производство материальных и духовных благ в соответствующих сферах общественного производства, и с другой — степень планомерной и целенаправленной реализации этих благ в непосредственном производстве человека.

Основная суть этого диалектического взаимодействия в том, что ЧЕЛОВЕК (работник и потребитель) выступает одновременно и средством, и целью процесса общественного производства и воспроизводства общественной жизни. Корневая, глубинная суть идущей перестройки производственных и в целом общественных отношений в России — возведение цели развития общественного ЧЕЛОВЕКА в ранг доминантной, ранг основной, перманентной цели социально-экономических преобразований» [9, с. 95].

Один из лейтмотивов начавшейся «ломки социализма» и построения рыночной

экономики, т.е. капитализма, был, несомненно, привлекательным для большинства россиян: повышение благосостояния людей, переход к более цивилизованному и обеспеченному образу жизни за счет подъема ее качества. Известно, что чувство собственного достоинства на уровне обыденного сознания определенной группы населения ассоциируется прежде всего с «толщиной кошелька», возможностью удовлетворения более широкого круга личных и семейных потребностей. Помимо того, «толщина» того же семейного кошелька — это та основная база, на которой родители строят систему воспитания потомства, планируют свою детородную деятельность, наконец, определяют ближние и перспективные планы не только поддержания семейного домохозяйства, но и существования своего семейного союза в целом.

В переходный период *семья* во многом *смягчила удар «шоковой терапии»* и *включила рычагов рыночной регуляции*. В экономическом аспекте, например, вся нагрузка по содержанию и воспитанию ребенка упала на плечи родителей. Раньше государство брало на себя до трети всех текущих

затрат на содержание и уход за ребенком, включая воспитание (без учета инвестиций в социальную инфраструктуру). Социологи подсчитали, что общие затраты (и семьи, и государства) равны стоимости типовой трехкомнатной квартиры. Не меньше стоимость моральных издержек и очень незначительна отдача от взрослых детей. В этом смысле семья бизнесмена лучше всего оказалась готова к обстоятельствам экономической депрессии. Переходная экономика оперирует в основном краткосрочными кредитами, тогда как дети – объект долговременных инвестиций. Именно «отсутствие денег» на новое поколение у государства обуславливает конъюнктурную компоненту спада рождаемости в обществе. Ресурсы семьи не бесконечны, и поэтому экономически репродуктивная функция семьи оказалась менее всего защищенной.

Не вызывает сомнения тезис о том, что эффективность существующих мер по социальной поддержке и реабилитации семей с детьми в современной России (как на федеральном, так и на региональном уровнях) следует признать явно недостаточной. При этом в качестве основных характерных черт социальной (семейной) политики российского государства по поддержке семей с детьми можно в частности выделить:

а) вынужденный отказ государства от активной политики стимулирования рождаемости и многодетности в пользу социальной помощи и стратегии выживания в нестабильных социально-экономических условиях;

б) своеобразную стихийность и непоследовательность в осуществлении политики социальной помощи семьям с детьми (например, определение размера пособий на детей в зависимости от установленного прожиточного минимума);

в) постоянное «опережение» принимаемых государственных решений по отношению к изменениям, происходящим в экономике, способным экономически обеспечить нововведения в семейной политике;

г) недостаточный учет региональных особенностей, репродуктивной деятельности семей, её детерминация от территориальной дифференциации доходов, уровня оплаты труда, неадекватной покупательной способности рубля, различия в уровнях развития сфер услуг в различных регионах;

д) в условиях социально-экономической трансформации российского общества обострение противоречия между *востребованным* рыночной системой *оплачиваемым* трудом и «*невостребованным*» домашним (неоплачиваемым) репродуктивным трудом.

Каковы основные пути и средства активизации репродуктивного поведения семей? Обратимся к результатам нашего опроса «ЧП-4». На вопрос анкеты «Как Вы считаете, что могло бы реально повлиять на повышение рождаемости в России, появление в семье второго и особенно третьего ребёнка?», ответы 200 экспертов по проблемам женской трудозанятости в пяти субъектах РФ, входящих в УрФО, распределились следующим образом, %:

– обеспечить нормальные жилищно-бытовые условия семьям с детьми	- 72
– обеспечить отцов хорошей работой	- 62
– организовать работу детсадов с доступной оплатой	- 56
– организовать доступную медицинскую помощь матери и детям	- 48
– снизить цены на детские товары	- 46
– дать возможность матерям работать и хорошо зарабатывать	- 44 !
– повысить денежную компенсацию за рождение очередного ребёнка	- 30
– повысить престиж материнства и отцовства в российском обществе	- 28
– улучшить работу женских консультаций, служб планирования семьи	- 23
– повысить экономическую и нравственную заинтересованность бабушек в воспитании своих внуков	- 9

Уместным здесь будет обратить внимание на такой важный фактор как женская трудозанятость (*на необходимость её оптимизации указали 44% опрошенных нами экспертов — см. выше*). Женщины активно участвуют в преобразованиях российской экономики, меняют формы своей трудовой активности. Основное социальное противоречие, сложившееся в сфере занятости россиянок, заключается в том, что, с одной стороны, рыночная модель позволяет свободно развиваться женской экономической инициативе, самостоятельности, независимости в выборе форм занятости. С другой стороны, в условиях перехода к рынку женщины оказываются менее социально защищенными в сфере труда, чем мужчины [10].

«Зри в корень!» — напутствовал нас в своё время Козьма Прутков. Ещё раньше классики социально-политической мысли нам предложили краткую формулу диалектики материального и духовного в жизни индивида: *«Бытие определяет сознание»*. Никто, наверное, не будет отрицать, что любое производство (а производство Человека, как отдельной особи, так и социальной группы, может быть классифицировано как *производство человеческого материала*) требует как предварительных инвестиций, так и последующих материально-экономических вложений. При этом следует учитывать, что производство и воспроизводство дееспособного человеческого индивида (онтогенез личности) занимает сравнительно длительный промежуток времени (около 20–30 лет), требующий постоянного материального и духовного обеспечения. Можно ли сегодня в условиях социально-экономической нестабильности серьёзно говорить об ожидании плодотворной (*с позиций общественных потребностей*) репродуктивной деятельности семьи по воспроизводству непосредственной жизни, социализации и воспитанию потомства?

Голосуя «ЗА» и приветствуя патерналистскую деятельность государства, важно следить за тем, чтобы социальная политика и социальная защита не насаждали иждивенчества. Речь должна идти не только и не просто о помощи и поддержке, но и о создании условий для повышения социальной и трудовой активности значительной части бедных, с тем, *чтобы они сами могли помочь себе*. Вспомним: «Дело рук утопающих...». Необходимость этого особенно актуальна в ситуации, когда некоторое оживление российской экономики не ведёт

к сколько-нибудь существенному расширению возможностей государства в оказании социальной помощи и поддержки всем нуждающимся в ней. В этой связи особенно важна строгая адресность мер по социальной защите, чтобы последняя была ориентирована на наиболее уязвимые слои населения, на тех, кто не в состоянии сам себе помочь, по меньшей мере, в данное время [11].

Учёт, своевременная корректировка и использование всей совокупности факторов, формирующих человеческий потенциал страны на современном, т.н. постсоциалистическом этапе развития российского общества, приобретают всё более актуальное значение для успешной реализации рыночных преобразований, как в производственной, так и социально-политической сферах жизнедеятельности народа. Необходимо выявление причинно-следственных связей, детерминирующих характер и направленность развития тех или иных социально-экономических процессов, важен поиск действенных рычагов в воздействии на изменение тех или иных тенденций в развитии этих процессов. Это, в свою очередь, требует преодоления своеобразного традиционного идеологически клишированного «запрограммированного» в общественном сознании россиян понимания сути и содержания процесса социального развития, переосмысления сути и содержания самих базовых понятий.

Дальнейшее повышение дееспособности человека во всех сферах его жизнедеятельности продолжает оставаться одной из актуальнейших задач современного этапа развития человеческого сообщества, в том числе, естественно, российского общества. В реализации этой задачи общество имело в прошлом и будет иметь в будущем значительные резервы. Как отмечал в своё время академик Н. П. Дубинин, «люди еще не научились в полную меру использовать все возможности, которые заложены в биологии человека, для развития его интеллекта, способностей и склонностей» [12, с. 135].

Кардинальные изменения в условиях жизни подавляющего большинства россиян, деформация устоявшегося за многие десятилетия механизма преемственности и в целом процесса социализации молодых поколений, вхождения их в общественное производство, изменения в иерархии социальных ценностей и норм поведения обусловили не только актуальность вопросов устойчивого и безопасного развития государства.

В число наиболее острых социальных проблем выходит проблема обеспечения стабильности и безопасности формирования генотипа личности, вбирающей в себя приемлемые черты работника, гражданина, семьянина. Эти концептуальные послы во многом подтвердили данные, полученные нами в исследовании «ЧП-5».

Семья была, есть и останется в будущем главным институтом воспроизводства населения, обеспечивающим государственное строительство. Семья также была, есть и останется важнейшей составляющей в строительстве жизненного пути каждого конкретного человека, каждой конкретной социальной группы. Известный афоризм: «Крепка семья – крепка держава» не обесценивается под воздействием, казалось бы, экстремальных социально-экономических процессов, к числу которых можно отнести идущий в России период перехода от тоталитарного строя к обществу цивилизованного рынка.

«Социология, при условии, что ею занимаются надлежащим образом, – отмечал один из основоположников этой науки о человеке – Э. Гидденс, – обречена в некотором отношении всегда оставаться наукой, вносящей сумятицу в умы. Она не годится

для потворства предрассудкам, которые интуитивно защищают люди, не склонные к размышлению». И далее: «Сегодня мы знаем о семье несравнимо больше, чем раньше. Мы были вынуждены подвергнуть радикальной переоценке свое понимание природы нынешних семейных институтов под воздействием более систематического и адекватного проникновения в их прошлое. Изучение семьи, которое было принято считать скучнейшим занятием, оказалось одним из самых увлекательных и захватывающих предприятий» [13].

Трудно возразить против такого утверждения социолога с мировым именем. Добавим лишь, что это «увлекательное и захватывающее предприятие» сегодня может служить не только повышению социально-экономического потенциала региона. При компетентном и заинтересованном подходе к изучению заявленной проблемы социология будет способствовать повышению социально-экономического благополучия семьи, активизации её репродуктивного поведения и, как следствие, укреплению семейного образа россиян в целом. А это, в свою очередь, является залогом успешных воспроизводственных процессов в регионе.

1. Индекс развития человеческого потенциала [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%9A>
2. ООН опубликовала индекс развития человеческого потенциала в странах мира 2010 года [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/news/state/2010/11/05>
3. Важенина И.С. Важенин С.Г. Имиджевое и информационное сопровождение хозяйственного освоения территорий России // Региональная экономика: теория и практика. – 2009. – № 27.
4. Павлов Б.С. Семейная политика в регионе: симбиоз экономического и нравственного // Журнал экономической теории. – 2010. – № 3.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 28.
6. Павлов Б.С. Трудовая занятость замужней женщины на Урале как предмет социально-экономического анализа // Проблемы региональной экономики (Ижевск). – 2010. – № 1. – С. 400–415.
7. Павлов Б.С. Александрова Ж.П. К вопросу о развитии человеческого потенциала на уральском Севере // Журнал экономической теории (Екатеринбург). – 2009. – № 3. – С. 51–63.
8. Берсенёв В.Л., Важенин С.Г., Павлов Б.С. Особые грани современной российской экономики и не только // Экономика региона. – 2011. – № 1. – С. 264–267.
9. Павлов Б.С. О понятии «производство человека»: краткий социологический экскурс // Уральская социология на рубеже веков: преемственность поколений. В 2 ч. Ч. 1. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1999.
10. Татаркин А.И., Павлов Б.С. Проблемы развития социального партнерства на муниципальном рынке труда (на примере Урала). М.: ЗАО «Издательство Экономика», 2009. 436 с.
11. Павлов Б.С., Шеломенцев А.Г., Бондарева Л.Н. Инвестиционное поведение как предмет социально-экономического анализа. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2003. 91 с.
12. Дубинин Н.П. Что такое человек. М.: Мысль, 1983. С. 135.
13. Гидденс Э. Социология: учебник 90-х годов (реферированное издание). Челябинск, 1991.

РОЛЬ СОГЛАСИЯ В КОНТЕКСТЕ КОНВЕРГЕНЦИИ

УДК 130

М.П. МЕНЯЕВА

В современном мире в ходе глобализации развиваются разные по своему характеру интеграционные процессы. Одним из них является процесс конвергенции, который отличается тем, что предполагает согласие.

Термин «согласие» в толковом словаре [7, с. 731] имеет следующие значения: 1. Разрешение, утвердительный ответ на просьбу. 2. Единомыслие, общность точек зрения. 3. Дружественные отношения, единодушие. 4. Соразмерность, стройность, гармония. 5. Примирение, объединение, единство» Согласие можно трактовать как отношение, выражающее соединение любых различий, их толерантное принятие друг друга с целью достижения гармонического единства и целостности. В справочной литературе по философии отмечается, что согласие продуктивнее понимать не как априорно заданное единодушие, а как процедуру взаимного открытия сторонами всё новых и новых смыслов кооперации и сотрудничества, совместного ответа на внешние вызовы. Кроме того, согласие требует совместной ответственности.

Со-гласие означает сопряжение голосов вместе, предполагающее не только слияние их в унисон, но и консонансное звучание. Согласие — аналог аккорда в музыке, который есть созвучие. Целостная семантика слова «согласие» непосредственно вытекает из значений составляющих его морфем. Например, префикс «со» привносит в общее лексическое значение слова сему «собирательности», «совместности». Согласие является основой для совместных действий (труда, общения, творчества и т.д.), которые сближают.

Для выражения сближения используется термин «конвергенция». В переводе с латинского «convergere» означает сближаться в точке. В английском языке «convergence» имеет значения точки схода (сферичность) и точки исхода (наклонная перспектива). Точку можно представить по-разному: как начало или конец, как место скрещения. Точку пересечения можно рассматривать как «золотую середину», которая уравнивает крайности. В ней, словно натянутые стороны лука, напряженно удерживаются разнонаправленные векторы. Точку пересечения можно представить как то общее основание, которое не находится нигде, кроме как в некоей виртуальной отрицательности бытия вообще, т.е. в его тождественности ничто. «Точка отсутствия» как абсолютное

ничто есть состояние пустоты, предназначенное к заполнению, а наполнение есть акт творения. Отсюда точка становится своего рода порождающим началом, первопотенцией, энергичным источником.

Точка является тем местом, где закручивается то, из чего потом можно раскрутить, свертывается то, что снаружи, и разворачивается то, что внутри, где образуется полнота. В ней все множество (т.е. то, что множится), многообразие собрано в единое. В точке все концентрируется, она есть центр, в котором нет периферии, затемненных мест, и все находится в едином свете, поэтому возможна полная видимость всего. Самую высокую точку можно представить как пик и вершину, с которой все обзревается и мгновенно открывается. Существует момент попадания в точку. Он сравним с озарением, вспышкой, прозрением. Его можно рассматривать как событийный момент (событие — это то, что сбилось, свершилось, исполнилось). Если собрать все в точку, то возникнет точка одновременности — сплав прошлого, настоящего и будущего. Если расширить точку, то получится шар, сфера. Совокупность точек, расположенных рядом друг с другом, образует линию, в результате соединения концов которой возникает кольцо, круг. Круговая форма не имеет ни начала, ни конца. Это символический знак неразрывного единства. Точка является местом встречи с самим собой. Она становится тем поворотом, от которого можно заглянуть в собственное бытие (само-бытие), тем самым она является исходным пунктом осознания самости.

Точкой опоры для человека является культура, которая необходима ему для согласования его отношений с миром, причем как внешним, так и внутренним. Культура — это мир, в котором человек находит себя, совершает восхождение к духу и обретает духовность. Культура предстает как процесс освобождения человека от жесткой зависимости от природного мира для развития духовности, т.е. мира свободы. Точкой, центром в культуре является ее целостное ядро, в котором кристаллизуются высшие смыслы, истинные ценности, вечные идеалы. Они являются основой для духовного сближения и единства разных людей. Идея единства содержится в самой культуре как взаимосвязь всех ее начал. В культуре можно выделить дуальные оппозиции, сосуществование которых невозможно без согласования.

Согласие является интегрирующим механизмом, без него невозможно сближение или же конвергенция. По мнению А. Е. Чучина-Русова, конвергенция представляет собой «самоидентификацию культуры, ее сближение с самой собой в нескольких практических смыслах: как процесс выявления архетипических сущностей культуры, как встречу коллективного сознательного с коллективным бессознательным; как разгерметизацию и взаимообогащение искусственно разделенных сфер; как открытость границ» [13, с. 38].

Термин «конвергенция» применяется в разных науках: биологии, геологии, метеорологии, физиологии, нейропсихологии, геометрии, языкознании и др. Так, конвергенция в этнографии — термин для определения сходных или одинаковых, но независимо друг от друга возникающих явлений в культуре разных народов [3, с. 612]. Социальная конвергенция означает процесс сближения двух социальных систем — капиталистической и социалистической — в некое промежуточное, синтезирующее, смешанное общество. Конвергенция представляет собой путь от состояния разрозненности единичностей к состоянию их всеобщей связанности. В конвергенции заложен интеграционный потенциал.

Конвергенцию следует отличать от ассимиляции (от латинского *assimilato* — сходство, слияние, уподобление). Несмотря на свою схожесть в этимологическом значении, эти термины и понятия содержат существенные различия. Ассимиляция представляет собой процесс поглощения одной культуры другой, в результате которого члены одной этнической группы утрачивают свою первоначально существовавшую культуру и усваивают культуру другой этнической группы, с которой они находятся в непосредственном контакте. Механизм ассимиляции основан на подавлении индивидуального, единичного и господстве тотального, всеобщего. В ходе ассимиляции происходит унификация путем стирания различий между культурами, что ведет к потере национальной самобытности. Попытка насильственной ассимиляции в контексте глобализации на современном этапе развития неизбежно наталкивается на стремление защитить собственную культурную идентичность, что способствует развитию движения антиглобалистов, а также становится причиной межкультурных конфликтов, конфронтаций и войн.

Разновидностью ассимиляции является аккультурация — процесс взаимовлияния культур, в ходе которого происходит обмен культурными элементами, имеющий неравноценный

характер. В результате смешения разных культурных традиций происходит образование нового культурного синтеза. Процессы ассимиляции и аккультурации не исключают насильственных отношений, которые неприемлемы в ходе конвергенции культур — процесса взаимопроникновения разных культур, который предполагает избирательное заимствование и усвоение того, в чем существует необходимость, что способствует взаимообогащению и плодотворному развитию, а также позволяет адаптироваться к изменяющимся условиям окружающей среды, тем самым достичь состояния устойчивости и равновесия. Понимаемую таким образом конвергенцию следует отличать от негативной конвергенции — такого процесса взаимодействия культур, когда каждая из них усваивает те элементы другой, которые в контексте её содержания начинают играть деструктивную роль [12, с. 334]. Процесс конвергенции основан на поиске точек, сближающих разные культуры (общих интересов, целей, ценностей и т. п.), которые обнаруживаются в ходе диалога. Диалог есть форма речи, в которой сквозь различия точек зрения возникает и преобладает дух целого. Вне диалога не может быть и выхода к согласию. Чтобы диалог состоялся, нужны точки соприкосновения, «взаимокасание», согласование намерений, целей, действий и т. п. Согласиться значит сговориться, договориться, что предполагает движение навстречу друг другу. Взаимное согласие является условием и результатом для процесса конвергенции, который способствует появлению единства естественным путем, а не искусственным, когда разнообразие не погашается, а сохраняется и гармонично соединяется.

Конвергенция является оптимальной формой отношений между разными народами, странами и их культурами. Эта идея развивается в творчестве русско-американского мыслителя XX в. Питирима Александровича Сорокина, соединившего в себе талант философа и социолога. Идея конвергенции культур нашла свое отражение в его четырехтомном труде «Социальная и культурная динамика» (1937–1941). Кроме того, вся жизнь П. А. Сорокина представляет собой утверждение разработавшейся им концепции конвергенции культур, которую он детально развил на примере двух стран — России и США, культуры которых знал особенно хорошо. Он относил их к противоположным общественным системам, сближение которых считал объективной тенденцией развития. В сближении П. А. Сорокин увидел путь мирного решения конфликтов. По его мнению, «чистый результат

конвергенции — последовательное уменьшение и устранение практически всех аргументов для продолжения холодной или горячей войн, безумной гонки вооружений и политики вооруженной конфронтации» [8, с. 120]. Идеи о конвергенции он изложил в книге «Россия и Соединенные Штаты» (1944) и в эссе «Взаимное сближение Соединенных Штатов и СССР к смешанному социокультурному типу» (1960). Доклад о конвергенции ученый прочитал на XIX международном конгрессе социологов в г. Мехико (1960). Поначалу концепция конвергенции была встречена в штыки, так как в то время СССР и США находились в состоянии «холодной войны» друг с другом. Однако П. А. Сорокин прогнозировал бесконфликтные отношения между обеими странами и способность прийти к согласию. Конвергенцию СССР и США мыслитель рассматривал как путь взаимовхождения в «интегральную» систему ценностей, которая характеризуется органическим соединением и гармоничным сочетанием материальных и духовных ценностей. Он констатировал, что оба строя в западных и восточных блоках всё более теряли свои специфические черты и «заимствовали» и объединяли в себе характеристики друг друга, становились всё более похожими в своих культурных, социальных институтах, системе ценностей и образе жизни. С точки зрения П. А. Сорокина, «обе страны представляют собой огромные лаборатории успешно проводимого социального эксперимента — создание единого общества из различных элементов, связанных воедино узлами равенства и свободной солидарности» [9, с. 138]. Выделив ряд общих черт двух самобытных культур, обрисовав их комплементарный, взаимодополняющий характер, П. А. Сорокин показал отсутствие серьезных столкновений их жизненных интересов.

Следует отметить, что отношения между Россией и США на современном этапе развития убеждают в прогностической силе концепции П. А. Сорокина. Обе страны заинтересованы в формировании стабильной и безопасной системы международных отношений, в предотвращении и урегулировании региональных конфликтов, что становится основой партнерства между ними. В начале III тысячелетия отношения между Россией и Соединенными Штатами, по мнению А. Богатурова, «развиваются в русле сопряжения интересов реалистической парадигмы неконфликтного взаимодействия» [2, с. 42].

На современном этапе развития между Россией и США формируется иной контекст

отношений, отошедший от конфронтации, ослабляющий ядерную угрозу, создающий диверсифицированную структуру сотрудничества, устойчивый, благоприятный климат, нацеленный на взаимовыгодный практический результат и увеличение потенциала конструктивного развития. По мнению А. Богатурова, сделана ставка на выстраивание конструктивного, предсказуемого и прагматичного партнерства, понимаемого в ключе «универсальной “панинтеграционной” стратегии», «стратегии смиряющих объятий» [1, с. 35].

Е. А. Роговский в качестве направлений сотрудничества России и США выделяет:

- борьбу с преступностью в сфере высоких технологий и с неавторизованной модернизацией вооружений и военной техники;
- сотрудничество в области промышленного страхования и в ряде международных технических комитетов по стандартизации;
- легализацию интеллектуальной собственности в третьих странах, информатизацию промышленности [15, с. 70].

Отметим, что развитие сотрудничества между Россией и США в н. XXI в. осуществляется в сферах совпадения жизненно важных интересов: укрепления международной безопасности и стабильности, поиска ответов на глобальные вызовы (международный терроризм, оргпреступность, нелегальное распространение наркотиков и др.) и урегулирования региональных конфликтов. Достижением сотрудничества между Россией и США стало появление многонациональных компаний, интерес для которых представляет Каспий. Активно развивается российско-американское сотрудничество в технологической области, например, в космической сфере. Обе страны являются ведущими участниками проекта строительства международной космической станции, реализуют совместно с Норвегией и Украиной коммерческую программу «Морской старт». В 2001 г. был осуществлен пуск космического корабля «Союз ТМ-31», на борту которого вместе с российским экипажем находился первый космический турист, американец Денис Тито. Запущен ряд крупномасштабных проектов интеграционного и кооперационного характера, в том числе имеющих долговременную перспективу для экономики в таких высокотехнологичных областях, как энергетика, авиационная промышленность, автомобилестроение.

Рост масштабов взаимодействия между Россией и США происходит на базе приверженности общим демократическим ценностям и принципам рыночной экономики. Возрастает массив двусторонних связей в экономической,

политической и культурной областях. Об усилении взаимодействия между двумя странами свидетельствует и тот факт, что известный в Америке меценат Альберто Вилар выделил 50 млн долларов (впервые в истории Соединенных Штатов) на 10-летнюю программу сотрудничества центра Кеннеди с Мариинским театром.

В контексте российско-американских отношений вошла в обиход фраза Б. Обамы «перезагрузка отношений», которая выражает необходимость нахождения путей для укрепления сотрудничества между двумя странами и обеспечения прогресса на пути поиска совместных решений по многочисленным вопросам, представляющим взаимный интерес. Дальнейшее развитие сотрудничества между Россией и Америкой потребует настоящей доброй воли от этих стран и готовности пойти их на уступки при соблюдении интересов сторон. Существует понимание необходимости координации усилий по противодействию всему спектру новых вызовов, включая глобальный финансово-экономический кризис. Согласно Н. Софинскому, «...положено начало формированию качественно новой для наших стран философии отношений, построенной на ... возрастающей обоюдной опоре на точки соприкосновения интересов» [11, с. 75]. Главной заботой России и США, по мнению Т.А. Шаклеиной, может стать «достижение лучшего

и более отвечающего реальности взаимопонимания и признания необходимости соблюдения баланса интересов, так как стабильность в российско-американских отношениях будет оказывать существенный позитивный эффект на отношения между всеми ведущими мировыми державами и на международные отношения в целом» [14, с. 21].

Таким образом, согласие играет важную роль в контексте процесса конвергенции. Отношения согласия лежат в основе конвергенции. Без них невозможно сближение, бесконфликтное и созидательное взаимодействие, которое предполагает согласование интересов, целей, ценностей и смыслов и тем самым способствует обретению гармонического единства. Согласование есть путь компромиссов, движение навстречу друг другу, что является важным для осуществления процесса конвергенции. Отношения согласия и конвергенция взаимообусловлены, они несут в себе интеграционный потенциал, который позволяет достичь целостности. Согласие и конвергенция основаны на диалоге, позитивным результатом которого становится развитие сотрудничества и партнерства. Последние в современном мире обретают особое значение во взаимодействии между крупнейшими государствами, в частности между Россией и США, в связи с необходимостью решения глобальных проблем и стабилизации жизни.

1. Богатуров А. Иракский кризис и стратегия «навязанного консенсуса» [Текст] / А. Богатуров // Международная жизнь. – 2003. – № 3.
2. Богатуров А. Формула «квазисоюза» в отношениях США с Россией // Международная жизнь. – 2000. – № 8–9.
3. Большая советская энциклопедия (в 30 томах) / гл. ред. А.М. Прохоров. Т. 12. М.: Советская энциклопедия, 1973.
4. Меняева М.П. Конвергенция культур в судьбе П.А. Сорокина и современного человечества [Текст] / М.П. Меняева // Культура – искусство – образование: новые аспекты синтеза теории и практики. Материалы XXVII научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава академии / ЧГАКИ. Челябинск, 2006.
5. Меняева М.П. Социокультурная реальность на рубеже XX–XXI вв. в контексте концепции конвергенции П.А. Сорокина [Текст] / М.П. Меняева. – Челябинск: ЧГАКИ, 2004.
6. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В. С. Степина. Т. 3. М.: Мысль, 2001.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская АН.; Российский фонд культуры. М.: АЗЪ, 1994.
8. Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. М., 1997.
9. Сорокин П.А. Общие черты и различия между Россией и США. Из истории развития межнациональных отношений в России. (Фрагменты из книги «Россия и США», 1944) // Социс. – 1993. – № 8.
10. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / П.А. Сорокин, пер. с англ. В.В. Сапова. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманист. ин-та, 2000.
11. Софинский Н. Россия – США. К перезагрузке матрицы отношений [Текст] / Н. Софинский // Международная жизнь. – 2009. – № 2.
12. Хоруженко К.М. Культурология. Энциклопедический словарь Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.
13. Чучин-Русов А.Е. Конвергенция культур. М.: ИЧП «Изд-во Магистр», 1997.
14. Шаклеина, Т.А. Итоги международной деятельности США и перспективы их отношений с Россией [Текст] / Т.А. Шаклеина // США. Канада. Экономика. Политика. Культура. – 2009. – № 2.
15. Экономика США на пороге третьего тысячелетия (науч. конференция) // США – Канада. Экономика. Политика. Культура. – 2000. – № 9.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ РОССИЙСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ*

УДК 316.343.652

О.В. ШИНЯЕВА, И.Г. ГОНОШИЛИНА

До недавнего времени российская молодежь воспринималась как политически пассивная. В стратегии государственной молодежной политики Российской Федерации молодежь была названа аполитичной частью общества**. Данное определение подтверждается следующими наблюдениями: в выборах федерального уровня участвовало менее половины молодых россиян, лишь треть граждан в возрасте до 30 лет проявляла интерес к политике, только 3% молодых людей принимали участие в деятельности политических организаций. Но выборы в Государственную Думу 4 декабря 2011 года и последующие акции протеста изменили представления о политической активности российской молодежи.

Исследование социально-политических установок современных студентов высших учебных заведений позволит выявить характер и спрогнозировать политическую активность будущих поколений российской интеллигенции.

Социально-политическому поведению различных групп, в том числе студенческой молодежи, посвящены работы В.Э. Бойкова, В.П. Букина, Ю.А. Зубок, В.И. Чупрова и др. [1; 2; 4; 5]. Вместе с тем в этих работах преимущественный акцент делается на исследовании электорального поведения. Показатели измерения социально-политической активности молодых представителей интеллигенции остаются мало изученными. В качестве фундаментального социологического основания в данном исследовании целесообразно использовать социокультурный и структурно-функциональный подходы, сочетая качественные и количественные методы. В рамках первого подхода электоральные установки молодежи анализируются сквозь призму ценностей и норм, существующих в российском обществе. Структурно-функциональный подход позволяет рассмотреть социально-политические установки студенческой молодежи как часть функционирования в России политических институтов и культуры.

Политическая культура современного российского общества представляет собой противоречивое взаимодействие прежних и новых зарождающихся ценностных ориентаций с устойчивым преобладанием сторонников идеи сильного государства, как среди либералов, так и среди «левых». Социологи выделяют следующие тенденции: противостояние двух идеологий — либеральной и традиционной, между представителями которых идет конкурентная борьба; предпосылки появления «третьей силы», мобилизация сторонников которой происходит пока за счет личной харизмы лидеров [6].

Процессы перестройки ценностных ориентаций, стандартов политического поведения отличаются консерватизмом и развиваются через механизм смены поколений. К концу первого десятилетия XXI века сформировалось новое поколение российской интеллигенции, которое выросло в условиях смены парадигм экономического, идеологического и политического устройства общества. Российские и западные социологи все активнее проводят параллели между европейскими движениями 1960–1970-х годов и протестным движением в России, развернувшимся в 2011–2012 гг. Конфликты в Европе вспыхнули через 20 лет после окончания второй мировой войны; сейчас исполняется 20 лет распаду СССР и началу радикальных реформ в России. В центре европейского и российского движений — поколение, сформировавшееся в новых социальных условиях.

Анализируя черты современных российских студентов высших учебных заведений, исследователи выделяют их в отдельную социальную группу, обладающую следующими качествами: освоение социальной субъектности и переход от свойства быть объектом социализации к свойству быть субъектом новой деятельности; наличие неопределенного социально-экономического статуса наряду с высоким уровнем социальной грамотности и нацеленностью

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 12-03-00217 «Изменение статуса гуманитарной интеллигенции в современной России».

** Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2006 года N 1760-р)

на саморазвитие [7]. Молодое поколение российской интеллигенции является весьма восприимчивой частью общества к изменяющимся условиям жизни и функционирования политических институтов; крайне важно, какой характер поведения сформируется – конструктивный или разрушительный; партнерский или воинствующе-радикальный.

Исследования, проводимые с конца 1990-х под руководством М.К. Горшкова, выявили следующие особенности российских студентов: невысокий уровень политической активности при наличии быстро формирующихся политических ориентаций [3]. В докладе Института социологии РАН «Молодёжь новой России: образ жизни и ценностные ориентации» отмечается: «В отличие от постсоветской эпохи, нынешняя российская молодежь проявляет большой интерес к политической сфере; одновременно и сами политические субъекты повернулись к молодёжи. В стране появились молодёжные организации, а большинство партий «обзавелось» собственными «молодёжными крыльями».

Интеллигенция как социальное явление выходит за национальные рамки; она является элементом структуры любого цивилизованного общества, располагающего индустриальными и информационными способами производства. Каждый исторический тип российской интеллигенции обладал специфическими чертами социально-политического поведения. Дореволюционная интеллигенция России отличалась оппозиционностью, культуросоциальностью, просоциалистическими взглядами и ориентацией на выражение интересов всего общества. Интеллигенции советского периода были свойственны рост образовательного уровня, тесная связь с государством, слабая критичность по отношению к власти. Однако именно в ее составе сформировалась критически настроенная часть интеллигенции – диссиденты.

На этапе реформ 1990-х гг. в России наблюдается политизация специалистов с высшим образованием, более активное их участие в работе средств массовой информации, массовых акциях взаимодействия интеллектуалов и политической элиты. Но к началу XXI века формируется адаптивная усталость интеллигенции, происходит ее департизация и общее снижение социально-политической активности.

Спаду социально-политической активности образованного электората способствовала

двойственность избирательной системы, которая, с одной стороны, способствовала развитию демократических начал в стране, с другой, – сформировала монополичный рынок политических идей и услуг. Это стимулировало социально-политическую апатию и студенческой молодежи. Всплеск политической активности россиян в начале второго десятилетия XXI века связан с закрепившимися двойными стандартами в «российской демократии» (де-юре и де-факто), а также отсутствием реальных результатов в решении проблем бедности населения и коррупции органов власти. Готовы ли сегодняшние студенты высших учебных заведений к более активному участию в легитимных формах общественной оппозиции?

Для изучения социально-политических установок студенческой молодежи нами было проведено комплексное социологическое исследование, в ходе которого использовались методы анкетного опроса (для сбора количественных данных) и вторичного анализа кейс-стади массовых протестов 2011–2012 гг., результатов фокусированных интервью (для получения качественных характеристик социально-политических установок). Выборка анкетного опроса составила 1150 студентов вузов Приволжского федерального округа (Самарской, Ульяновской, Пензенской областей; республик Татарстан и Башкортостан).

Анализируя результаты проведенного социологического исследования, можно сделать вывод о том, что предпочтительной формой политической активности является участие в выборах; 71% студентов в целом положительно относятся к участию в выборах органов власти. Однако большинство студентов вузов считает сложившуюся в России систему выборов обязательной, но малоэффективной процедурой (табл. 1). В ходе анкетного опроса были выделены типы студентов на основе их отношения к институту выборов:

1) «активные» (31%) – студенты, у которых сформировалась устойчивая потребность в социально-политической деятельности, достаточно высокая осведомленность с программами и идеями политических партий, потребность в выражении гражданских позиций;

2) «сомневающиеся» (53%) – студенты, которые признают важность института выборов, при этом сомневаются в правдивости и адекватности предвыборных лозунгов и обещаний; они слабо идентифицируют

себя с конкретной политической силой, но являются завсегдаемыми социальных сетей;

3) «абсентеисты» (16%) — отрицают искренность и рациональность политических лозунгов; слабо заинтересованы в получении информации, не рассматривают политическую деятельность как сферу самореализации.

Среди абсентеистов чаще других встречаются студенты в возрасте от 22 до 24 лет. Чем моложе участники опроса, тем больше среди них «сомневающийся». Кроме того, по мнению большинства опрошенных (64%), система выборов в России не позволяет избрать лидеров или партии, отражающие интересы молодежи.

Таблица 1
Отношение молодёжи к институту выборов (в % от числа опрошенных, n = 1150)

В России сформирована демократическая система выборов?	Всего	Пол		Возраст			Типы полит. ориентаций		
		муж.	жен.	18–19	20–21	22–24	активные	сомневающиеся	абсен.
Да	14	16	12	12	12	19	17	11	8
Нет	63	59	67	69	64	55	66	52	84
Затрудняюсь ответить	23	25	21	19	24	26	17	37	8

Студенты мало верят в то, что избранные органы федерального и регионального управления могут существенно изменить ситуацию, решить важнейшие проблемы. Анализ ответов студентов разных специальностей и вузов позволил построить рейтинг проблем, которые должны быть решены в ближайшее время (табл. 2).

Первые три строчки рейтинга актуальных проблем занимают, по мнению студенческой молодежи, низкий уровень жизни россиян, проблемы трудоустройства и коррупция

органов власти разного уровня. Острота указанных социальных проблем увеличивается в старших возрастных группах, а также среди студентов социально-гуманитарных специальностей. Какую роль в решении этих проблем студенты отводят органам власти, а какую — гражданскому обществу? Такие проблемы, как повышение уровня жизни, трудоустройство, борьба с коррупцией, строительство жилья, по мнению студентов, практически полностью находятся в компетенции органов государственного и муниципального управления.

Таблица 2
Актуальные проблемы России в оценках студентов вузов (в % от числа опрошенных, n = 1150)

Проблемы, требующие решения	Всего	Пол		Возраст			Профиль специальности
		муж.	жен.	18–19	20–21	22–24	технический
Повышение уровня жизни	73	71	74	75	80	73	72
Проблемы трудоустройства	59	56	57	63	63	52	71
Коррупция органов власти	51	44	50	55	45	47	54
Строительство жилья	33	26	31	44	34	31	36
Повышение качества образов.	24	20	23	29	21	28	24
Улучшение здоровья населения	21	18	19	26	32	22	15
Преодоление пьянства, наркомании	19	19	20	18	17	21	24
Повышение полит. культуры	15	20	14	13	12	13	23
Организация культ. досуга	11	11	13	9	8	10	16

Общественные, некоммерческие организации могут, по мнению студентов, повлиять на решение 3 проблем: улучшение здоровья населения; повышение качества образования и организацию культурного досуга. Очевидно: чем масштабнее проблема, тем активнее студенческая молодежь делегирует ее решение

органам власти. Модернистские позиции, связанные с опорой на собственную инициативность, даже в профессионально-экономической сфере проявляются слабо.

В ходе опроса была выявлена ценность социально-политической деятельности в представлениях нового поколения

российской интеллигенции: половина опрошенных отметила, что избирательные кампании, митинги дают возможность заработать (экономическая ценность); треть добавила, что общественная работа помогает общаться с разными людьми (коммуникативная ценность); четвертая часть указала на решение в ходе общественной деятельности своих проблем — реализация собственных идей, установление полезных знакомств и связей (меркантильный взгляд).

Около половины участников фокус-групп также согласились с тем, что участие в политических мероприятиях — это возможность получения заработка. Большинство из тех, кто согласился с этим, имеют опыт такого участия в выборах; это преимущественно девушки с гуманитарным и экономическим профилем образования.

Можно сказать, что у современной молодёжи имеется свой интерес к разворачиваемому политическому процессу оппозиции. Результаты наблюдений российских социологов в местах массовых выступлений весной и летом 2012 г. подтвердили этот тезис. В частности, присутствие студентов в качестве социальной базы массовых протестов не означает их сознательное политическое участие. Сбор среди участников митингов созидательных идей начавшегося движения показал: «только небольшой процент молодых людей смог сформулировать позитивные цели — бесплатная медицина и образование, успешная сдача сессии, возможность найти спутника жизни» [8].

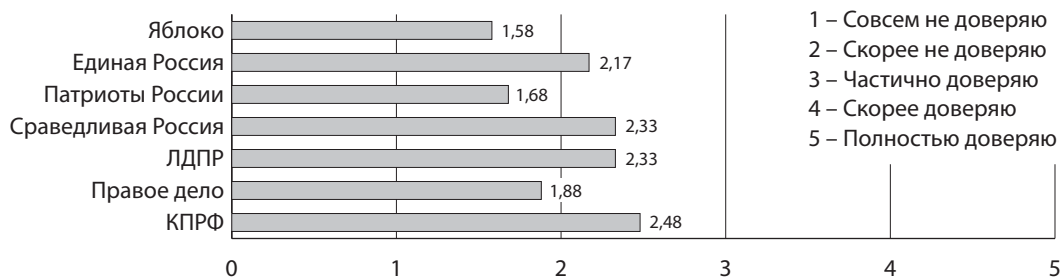
Такой показатель как отношение студенческой молодёжи к политическим партиям и их лозунгам важен для анализа социально-политических установок молодого поколения российской интеллигенции. Он позволяет выявить оценочный и рациональный компоненты ценностного сознания: отношение к конкретным политическим партиям, лидерам, их идеям и программам является индикатором

сознательного участия студентов в социально-политической деятельности.

Студенческая молодёжь в большей степени склоняется к идеям, в основе которых лежат гарантия прав и свобод, развитие социальной сферы общества. Две трети студентов не ассоциируют свои политические взгляды с конкретными политическими партиями. Они признают важность чёткой программы, но из всех политических программ знают лишь некоторые положения программ «Единой России» и КПРФ (около 50% опрошенных). Самыми осведомлёнными о партиях являются студенты в возрасте 22–23 лет. Результаты фокусированного интервью подтвердили невысокий уровень знания предвыборных программ. Студенты, которые во время интервью склонялись к выбору определённой партии, сами не осознавая того, критиковали её идеи. Отрадно, что среди современных студентов националисты и анархисты составили лишь 6%.

Выявилось еще одно противоречие: взгляды студенческой молодёжи имеют социально-либеральный характер; однако партии, которые связаны с данными политическими убеждениями — «Яблоко», «Правое дело», имеют невысокую степень доверия у студентов. Молодёжь не считает, что данные партии способны выражать её интересы. Вообще студенты слабо ассоциируют свои политические взгляды с конкретными политическими партиями. Примечательно, что кандидаты в депутаты Государственной Думы и даже в президенты России в большинстве своём не ассоциируются у молодёжи с конкретными партиями. Степень доверия молодых людей конкретным политическим партиям невысока: по пятибалльной шкале она не превышает 2,5 баллов (рисунок 1). Молодёжь склонна к критике положений партийных программ, не признаёт влияние их лозунгов на свой выбор, в то же время склоняется к поддержке идей социальной направленности.

Рисунок 1
Степень доверия студенческой молодёжи к партиям (в баллах, max=5; n=1150)

При кажущейся деидеологизированности студентов у них существуют достаточно определенные, хотя и не всегда четко сформулированные, нормативно-идеологические представления. Эти представления вытекают из общемировоззренческих оснований и выражаются в позициях относительно национальной идеи России: 95% студентов

считают, что такая идея необходима; 78% – утверждают, что объединяющей идеи в России нет. Из полученных ответов следует, что основной национальной идеи России, по мнению нового поколения российской интеллигенции, должна быть концепция сильной державы, в основе которой лежат законность и порядок, равенство и справедливость.

Таблица 3

Смысл национальной идеи в оценках студенческой молодежи (в % от числа опрошенных, n = 1150)

	Всего	Возраст		
		18–19	20–21	22–24
Сильная, процветающая Россия, основанная на законности и порядке	61	55	63	67
Россия – крепкое социальное государство, обеспечивающее равенство и справедливость	33	39	33	26
Россия – русское православное государство	6	6	4	7

Идеологические позиции российских студентов еще нельзя признать сформировавшимися. В настоящее время у студенческой молодежи отсутствуют ясные представления об будущем развитии страны, а также разрозненны взгляды на жизнь в современных условиях, что говорит об утрате консолидации. Но необходимость национальной идеи остро осознается ими в качестве идейного фундамента российского общества (отметили 40% опрошенных) и лозунга, способного объединить разные поколения (36%). Именно в периоды социальных потрясений и кризисов проявляются наиболее очевидные сходства в социально-политических позициях разных групп интеллигенции.

Молодые люди не хотят быть на вторых ролях и требуют от политиков серьезного к себе отношения. По мнению половины студентов, повышение внимания к ним со стороны органов власти, а также выдвижение молодых кандидатов с интересными программами будут способствовать повышению социально-политической активности.

Последняя мера показывает, что студенческая молодежь, несмотря на определенную негативность восприятия политических партий, лидеров и их идей, осознает важность перемен и необходимость появления на политической арене молодых, энергичных деятелей.

Итак, более активное вовлечение студенческой молодежи в социально-политическое движение позволит предотвратить усиление радикального крыла оппозиции. В отличие от европейского протестного движения XX века, которое подводило итоги послевоенного развития государств, российский протест направлен на ситуацию сегодняшнюю. Кому поверит новое поколение интеллигенции, зависит от решения в ближайшем будущем принципиальных проблем – повышения уровня жизни, ликвидации коррупции и трудоустройства молодежи. Отсутствие двойных стандартов в регионах будет способствовать участию в решении социальных проблем квалифицированных кадров российской интеллигенции.

1. Бойков В.Э. Социально-политические ценностные ориентации россиян: содержание и возможности реализации [Текст] / В.Э. Бойков // Социологические исследования. – 2010. – № 6. – С. 27–35.
2. Букин В.П. Общественно-политические настроения молодежи и электоральные предпочтения молодежи российской провинции [Текст] / В.П. Букин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. – 2009. – №4. – С. 161–171.
3. Горшков М.К. Молодежь России: социологический портрет [Текст] / М.К. Горшков. М.: ЦСПИМ, 2010. 592 с.
4. Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодежи [Текст] / Ю.А. Зубок. М.: Мысль, 2007. 125 с.
5. Зубок Ю.А. Становление и развитие отечественной социологии молодежи [Текст] / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров // Социологические исследования. – 2008. – № 7. – С. 108–117.
6. Кудинов О.П. Основы организации и проведения избирательных кампаний в регионах России [Текст] / О.П. Кудинов. М.: Мастер, 2011. 176 с.
7. Луков А. Гуманистическая концепция молодежи [Текст] / А. Луков // Знание. Понимание. Умение. – 2006. – № 2. – С. 48–59.
8. Наблюдения социологов [Электронный ресурс]. URL: www.cikrf.ru/politparty (дата обращения: 21.07.2012).

КОНЦЕПТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ОСНОВАНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА

УДК 303.01

Д.В. РУДЕНКИН

Термин «политическая культура», длительное время имевший ограниченное применение в отечественной науке, за последние 15–20 лет обрел относительную популярность в лексиконе российских ученых. Однако многие концептуальные аспекты данного понятия все же полностью еще не прояснены отечественной наукой, а потому нуждаются в уточнении. Одним из проблемных моментов является разграничение подходов к политической культуре, характерных для разных направлений социально-гуманитарного знания.

Данная работа нацелена на то, чтобы прояснить некоторые принципы, лежащие в основе социологического подхода к политической культуре и определяют его специфику.

Нельзя сказать, что в отечественной научной литературе отсутствуют попытки определить суть социологического подхода к политической культуре. Однако в основном они встречаются в работах политологов и используются для того, чтобы обозначить отличия политологических концепций от социологических. Так, к этому вопросу обращался Л. Н. Арутюнян, разделив все существующие подходы к политической культуре на две группы: сравнительные концепции и социологические. Сравнительные концепции, распространенные в большей степени среди политологов, делают акцент на сопоставлении политических культур крупных сообществ, преимущественно на уровне наций. Социологические же концепции, по его мнению, строятся на изучении политической культуры отдельных индивидов и их групп, вынося за рамки анализа макросоциальные феномены [2, с. 35].

О. Ю. Малинова обращает внимание на иное обстоятельство, отличающее, по ее мнению, социологический подход к политической культуре. По ее мнению, исследователи, позиционирующие себя в качестве политических социологов, склонны чаще рассматривать политическую культуру в качестве сложного, многосоставного феномена, тогда как в политологии больше распространен холистский взгляд [12, с. 26]. В принципе такое разграничение похоже на то, которое осуществляет

Л. Н. Арутюнян. Хотя в данном случае акценты и расставлены несколько иначе, по сути речь все равно идет о том, что для социологии более важны проявления политической культуры, дающие о себе знать на микроуровне жизни общества, а политологический взгляд чаще всего выносит их за рамки анализа.

Однако сложившиеся определения социологического подхода к политической культуре обладают изрядной долей условности, и сами их авторы эту условность признают. Проблема заключается в том, что концептуальные границы между различными областями социально-гуманитарного знания очень размыты. Поэтому если одна и та же рассматривается сразу в нескольких научных направлениях, установить различия в их подходах достаточно сложно. Трудности проявляются здесь как минимум в трех обстоятельствах.

Во-первых, дает о себе знать теоретическая диффузия различных социально-гуманитарных наук. Авторы политологических, культурологических, философских исследований очень часто ссылаются на одни и те же теоретические первоисточники и пользуются одними и теми же категориями. Конкретно исследователи политической культуры, вне зависимости от своей дисциплинарной принадлежности, часто апеллируют к работам, например, М. Вебера, Ш. Л. Монтескье, А. де Токвиля и других классиков социально-философской мысли. Показательна и ситуация с политико-культурным подходом Г. Алмонда, который широко растиражирован в политологии, но изначально был составлен лишь на основе интерпретации теорий социального действия и социальной системы социолога Т. Парсонса [7].

Во-вторых, осложняет ситуацию тождественность исследовательских методов, используемых различными социально-гуманитарными науками. Нередко к методическим приемам, которые используются социологами, прибегают политологи, лингвисты, историки, философы. Собственно, в исследованиях по политической культуре это проявилось в работах уже упоминавшегося Г. Алмонда, который разработал подробный план для верификации своей концепции с помощью

опросов общественного мнения [6, с. 182–183]. Не менее показательный пример — концепция политической культуры другого политолога, Р. Инглхарта, которая опирается на разнообразные статистические данные и те же опросы общественного мнения [8, с. 27–28].

В-третьих, как таковых работ по проблемам политической культуры, позиционируемых в качестве социологических, существует намного меньше, чем тех, которые относятся их авторами к другим областям науки. В этом смысле интересна ситуация, выявленная отечественным социологом А. П. Рылкиной. Рассмотрев тематику диссертационных работ, защищенных в различных социально-гуманитарных науках к началу 2009 г., она установила определенный тематический дисбаланс. Анализу подвергались по 250 диссертационных работ, защищенных в каждом из научных направлений к началу 2009 г. Среди 250 диссертаций, защищенных по политическим наукам, 30 посвящались проблематике политической культуры. Из 250 последних работ по педагогическим наукам политической культуре были посвящены 9. В культурологических и философских науках на 250 последних диссертаций пришлось по 7 работ, рассматривающих вопросы политической культуры. В социологии на 250 диссертаций политическую культуру анализировали лишь 3 [16, с. 178].

Все эти обстоятельства хотя и не делают принципиально невозможным определение социологического подхода к политической культуре, но, тем не менее, его заметно осложняют. Мы полагаем, что сущность социологического подхода к политической культуре должна оцениваться исходя только из специфической предметной области, которая может быть интересна именно социологам, но не представлять первоочередного интереса для иных исследователей. Содержание же такой предметной области необходимо понимать с учетом двух обстоятельств. Прежде всего, важно принимать во внимание, что политическая культура — это аспект той сферы жизни общества, которая связана с распределением и реализацией политической власти. И, следовательно, социологический подход к политической культуре опирается на тот ракурс, с которого социология смотрит на проблему политики в целом. Кроме того, надо учитывать, что политическая культура — это структурная компонента общей культуры того или иного общества. Следовательно, и анализ ее должен строиться на тех же принципах, что

и социологический анализ общей культуры. Таким образом, чтобы установить специфику социологического подхода к политической культуре, важно понимать суть социологического взгляда на политику и культуру.

Взгляды социологов и политологов на то, как именно социология рассматривает политические явления, различны.

Для политологии в основном характерно определение социологического подхода в качестве аналитического ракурса, при котором политика рассматривается сквозь призму внеполитических факторов. Например, политологи Е. Ю. Мелешкина отмечает, что отличительная черта социологического анализа политических явлений — стремление понять их как продукт воздействия широких социальных и социокультурных параметров [15, с. 18]. И. А. Бегина и А. И. Завгородный, в свою очередь, указывают на то, что с социологической точки зрения в любых политических процессах наиболее интересны акторы, которые в этих процессах участвуют, и те социокультурные параметры, которые тем или иным образом влияют на действия таких акторов [4, с. 5].

Социологическое сообщество смотрит на этот вопрос несколько иначе. Так, Г. К. Ашин, Э. Д. Лозанский и С. А. Кравченко в качестве предметного поля, интересного в политике именно социологии, обозначают социальные действия и социальные отношения в политической сфере жизни общества, а также факторы, которые влияют на эти действия и отношения [3, с. 8]. Ж. Т. Тощенко обозначает в качестве релевантного предметного поля политическое сознание и политическое действие, а также политического человека во всех его ипостасях [17, с. 12]. В схожем ключе высказывается и В. Э. Бойков, социолог изучает такие аспекты политики, как права и свободы социальных групп и отдельных индивидов как участников политических процессов [5, с. 100].

То есть получается, что политологическая позиция во многом опирается на представление о социологическом подходе к политике как об анализе политики в качестве феномена, вписанного в широкий социальный контекст. Сами же социологи оценивают свой интерес к политическим явлениям скорее как интерес к личностям и их социальным действиям, совершаемым в сфере политики.

Заметим, что приведенные позиции по поводу сути социологического подхода не противоречат друг другу. Интерес к личности и ее социальным действиям в политической сфере не исключает анализа политики в целом как феномена, вписанного в широкий

социальный контекст. Точно так же понимание политической жизни общества и факторов, которые на нее влияют, едва ли возможно без должного внимания к личностям и их группам, принимающим участие в тех или иных политических процессах. Поэтому наиболее оправдано говорить о том, что такие трактовки социологического подхода к политике скорее дополняют друг друга.

Примечательно и иное обстоятельство: и в том, и в другом случаях признается, что за рамками непосредственно социологического анализа политики остаются такие феномены, как генезис политических институтов, политические системы, политические процессы. Поскольку явного упоминания о них нет ни в одном из приведенных определений социологического подхода, можно считать, что интерес к ним либо отсутствует в принципе, либо носит вторичный характер. Следовательно, помимо как такового предметного поля социологического подхода данные определения четко показывают и ту часть политических феноменов, которые в это предметное поле не попадают.

Таким образом, обобщенно можно обозначить социологический подход к политике как такое направление анализа политических феноменов, которое рассматривает их, с одной стороны, как часть широкого социального контекста, а с другой стороны, как результат действий отдельных индивидов. Для более точного понимания его обязательно необходимо соотнести с теми принципами, на которых строится социологический анализ культуры.

Понимание культуры в социологии размыто настолько, что периодически звучат версии о нескольких сотнях ее определений и соответствующих подходов [11]. Тем не менее, мы согласны с позицией Дж. Александера, который пишет, что несмотря на столь широкое разнообразие, все же подавляющее большинство социологических концепций культуры сходятся как минимум в двух положениях. Во-первых, в том, что культура автономна по отношению к природе. Во-вторых, в том, что культура является детерминантой социального действия [1, с. 238]. В этом смысле, наверное, следует говорить о различном понимании этой автономии и тех механизмов, с помощью которых культура детерминирует действия индивидов, а не о фундаментальной разнице социологических подходов к культуре вообще.

Понимание культуры как внеприродной детерминанты социальных действий

характерно, например, для *деятельностного* подхода, который рассматривает культуру в качестве фактора действий индивида. Так, Л.Н. Коган определяет культуру в качестве средства для духовного развития и воспроизводства личности в результате многообразной деятельности [10, с. 7]. А.В. Меренков говорит о культуре как об особой форме реализации человеком своих природных сил и задатков [13, с. 43]. Заметно, что в позициях обоих авторов присутствуют названные Дж. Александером идеи. И духовное развитие, и реализация природных сил происходят лишь в результате деятельности индивида. При этом, поскольку речь идет о культуре как средстве реализации природных потенциалов или сил, то, следовательно, сама по себе она частью природы не является.

Другой подход к культуре, сложившийся в социологии, — символический. Для него характерно понимание культуры как совокупности символов, смыслов или текстов, существующих в том или ином обществе. Однако можно согласиться с Ю.В. Ирхиным, что внимание к символам как самостоятельному феномену этому подходу, вероятно, не характерно, так как сам интерес к символам вызван скорее стремлением понять мысли и поступки людей, которыми ими обусловлены [9, с. 35]. Кроме того, если речь идет о культуре как о сложной смысловой и текстовой системе, то и в данном случае подтверждается идея о ее автономии по отношению к природе. Таким образом, логически идеи, которые постулировал Дж. Александер, характерны и для этого подхода.

Ценностный подход к культуре, определяющий ее как совокупность наиболее приемлемых тем или иным обществом ценностей, также подтверждает правоту Дж. Александера. Важно, что наиболее цитируемые сторонниками этого подхода веберовские теории как раз и были ориентированы на то, чтобы объяснить действия индивидов сквозь призму ценностей того или иного общества. М. Вебер анализировал влияние протестантских ценностей на экономические действия немцев. Его последователь Дж. Питтс изучал влияние ценностей, признаваемых католической церковью, на логику действий французской аристократии [1, с. 256]. Поэтому неудивительно, что и современные концепции рассматривают ценности именно как такой атрибут человеческого общества, который определяет логику действий индивидов [14, с. 6].

В данном случае мы не будем останавливаться подробно на каждом подходе

к культуре, существующем в современной социологии. Рассмотрение всех подходов к культуре, существующих в современной социологии, – слишком сложная задача, чтобы ее полноценно можно было решить в рамках данной работы. Деятельностный, символический и ценностный подходы берутся скорее для примера, так как в большинстве классификаций исследовательских подходов они повторяются практически всегда.

Нас же в большей степени интересует то обстоятельство, что принципиально разные социологические подходы к культуре, оформившиеся в рамках социологии, действительно опираются на два общих основания, отмеченных Дж. Александером. Таким образом, можно говорить о том, что для социологии в целом характерен интерес к культуре как к внеприродной детерминанте социальных действий. Даже если в действительности такое понимание культуры в социологии и не повсеместно, то оно как минимум очень распространено в разных подходах.

В итоге получается, что предметная область, которая характерна для социологического подхода к культуре, формируется на стыке двух обстоятельств. С одной стороны,

социологический интерес к политике направлен на понимание индивидов и их специфических действий в сфере распределения и реализации политической власти. С другой стороны, культура интересна социологии как определенная внеприродная детерминанта социальных действий, совершаемых индивидами.

Принимая во внимание характерные для социологии толкования политики и культуры, можно сформулировать несколько принципов социологического подхода к анализу политической культуры. Во-первых, политическая культура в понимании социолога представляет собой фактор, определяющий характер и направленность социальных действий индивидов. Во-вторых, политическая культура интересна социологии как детерминанта лишь тех социальных действий, которые индивиды совершают в сфере распределения и реализации политической власти. В-третьих, политическая культура понимается социологом именно как внеприродная детерминанта социальных действий. Следовательно, характер политической культуры конкретного индивида определяется в первую очередь социальными факторами.

1. Александер Дж. Аналитические дебаты: понимание относительной автономии культуры [Текст] / Дж. Александер // Социологическая теория: история, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». СПб., 2008. С. 237–271.
2. Арутюнян Л.Н. Концепция политической культуры: состояние и перспективы // Политическая наука современной России: тенденции развития. Проблемно-тематический сборник. – 1999. – №3. – С. 62–71.
3. Ашин Г.К., Лозанский Э.Д., Кравченко С.А. Социология политики: сравнительный анализ российских и американских политических реалий. М., 2001. 608 с.
4. Бегина И.А. Политический процесс в современной России: проблемы социологического анализа [Текст] / И.А. Бегина, А.И. Завгородний // Известия Саратовского университета. Серия «Социология. Политология». – 2005. – № 1/2. – С. 3–11.
5. Бойков В.Э. Генезис идей политической социологии [Текст] / В.Э. Бойков // Социологические исследования. – 2008. – № 7. – С. 95–100.
6. Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: очерки политической социологии капитализма. М., 1985. 384 с.
7. Дука А.В. Политическая культура – поиски теоретических оснований [Электронный ресурс] / А.В. Дука. URL: <http://www.politex.info/content/view/203/30/> (дата обращения: 23.11.2011).
8. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющееся общество // Политические исследования. – 1997. – №4. – С. 6–32.
9. Ирхин Ю.В. Социология культуры: учебник. [Текст] / Ю.В. Ирхин. М., 2006. 525 с.
10. Коган Л.Н. Социология культуры: учеб. пособие. Екатеринбург, 1992. 120 с.
11. Кравченко А.И. Культурология: учебное пособие для вузов. 3-е изд. [Электронный ресурс] / А.И. Кравченко. URL: <http://bookcheba.com/page/kulturologis/ist/ist-11--idz-ax249--nf-3.html> (дата обращения: 23.11.2011).
12. Малинова О.Ю. «Политическая культура» в российском и англо-американском научном дискурсе [Текст] / О.Ю. Малинова // Политическая наука: исследования политической культуры: Современное состояние. Сборник научных трудов. М., 2006. С. 7–30.
13. Меренков А.В. Человек: взаимосвязь природного и социокультурного [Текст] / А.В. Меренков. Екатеринбург, 2007. 280 с.
14. Неретина С.С., Огурцов А.П. Время культуры. СПб., 2000. 344 с.
15. Мелешкина Е.Ю. Политический процесс // Политический процесс: основные аспекты и способы анализа: сборник учебных материалов / под ред. Е.Ю. Мелешкиной. М., 2001. С. 5–19.
16. Рылкина А.П. Политическая культура студенческой молодежи: анализ отечественных диссертационных работ [Текст] / А.П. Рылкина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2009. – Т. 56. – № 9. – С. 178–182.
17. Тощенко, Ж.Т. Социология власти: генезис идей [Текст] / Ж.Т. Тощенко // Социологические исследования. – 2004. – № 7. – С. 12–23.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ ПРИВАТИЗАЦИИ

УДК 316.6 + 516

Н.Г. ХВЕСЮК

3 июля 2010 года исполнилось 20 лет российской приватизации. Именно в этот день в 1991 году Верховный Совет РСФСР принял первый регулирующий ее нормативный акт — закон «О приватизации государственных и муниципальных предприятий». А 15 июля 1992 года в России начался передел собственности. Граждане получили возможность купить акции компаний на полученные от государства ваучеры.

Перестройка, инициированная кругами, поддерживавшими М. С. Горбачева, ознаменовалась несколькими фундаментальными изменениями, как в формах, так и в содержании жизнедеятельности СССР. В политической сфере с отменой шестой статьи Конституции о направляющей роли КПСС возник новый формат политической жизни страны. И уже в 1993 году в Российской Федерации было зарегистрировано и, так или иначе, осуществляли свою деятельность более 4,3 тысяч политических партий, движений, объединений. От Российской Федерации откололись и стали самостоятельными государствами союзные республики, что коренным образом, и не в лучшую сторону, изменило геополитическое положение России.

В экономической сфере произошел настоящий обвал. Уровень производительности упал, шел разрыв нарабатанных за полвека горизонтальных и вертикальных производственных связей. Подписанные правительством соглашения об ограничении права государства инвестировать машиностроение, станкостроение, текстильную промышленность, авиастроение, сельское хозяйство, по сути дела, парализовали жизнь страны.

Ряд специалистов считает, что приватизация, несмотря на все ее отрицательные последствия, была предпринята всей предшествующей историей Советской власти, которая на протяжении почти 75 лет осуществляла экономический террор против собственных народов [4; 6]. В частности, с 1917 года в СССР были осуществлены следующие меры декапитализации:

- экспроприация собственности;
- национализация;
- коллективизация;
- запрет любых видов предпринимательства;
- реализация мер мобилизационной экономики (занижение и обесценивание стоимости живого труда);

- бесплатный труд в сельском хозяйстве;
- труд в системе ГУЛАГа;
- добровольно-принудительные займы;
- массовые репрессии против населения.

Еще более сокрушительный удар по экономике России нанесла реализуемая приватизация. Приватизация, которая в одночасье сделала более 90% населения классом неимущих.

Можно много спорить о последствиях, но статистика неумолимо утверждает, что Российская Федерация перестала быть сверхдержавой и отошла в разряд развивающихся стран. Дело в том, что идеологически приватизация не была подготовлена, и ее суть и смысл не понимали не только простые люди, но и сами реформаторы.

Те, кто реализовывал этот масштабный проект, иногда пытаются оправдываться тем, что в мировой экономической практике не было подобного опыта по масштабам. Конечно, это не вся правда. Довольно удачный опыт был в Чехии. Там в целом эффективно была осуществлена именная приватизация. Была проведена активная разъяснительная работа, жителям страны профессионально разъясняли, что и как надо делать и к каким последствиям приведут те или другие действия.

Однако опыт Чехии все-таки почти уникальный. Да и страна до перехода на социалистический путь развития несколько десятков лет назад была довольно развитым капиталистическим государством. А вот такого грандиозного опыта выхода из государственного социализма не было ни у кого в мире. Отсутствовали и теоретические наработки: для Запада тема была неактуальна, а в социалистических странах о таких исследованиях речь идти не могла.

Самая масштабная и самая «раскрученная» в истории Запада приватизация, проведенная Маргарет Тэтчер, решала по сравнению с российской довольно точечную задачу. И до М. Тэтчер 90% британской экономики функционировали в частном секторе. В стране имелись свободные капиталы, фондовый рынок, развитая правовая база и вековая культура бизнеса.

Конечно, ближе к российским реалиям стояли Китай и Восточная Европа. Но и там ситуация отличалась кардинально. Не было такого гигантского массива тяжелой, прежде всего оборонной промышленности, что сложнее всего было органично вписать в рыночные условия.

В Китае и Центральной Европе социализм просуществовал не семьдесят, а только сорок лет. В значительной степени не успела прерваться связь времен, оставались поколения, помнившие прежнюю жизнь, в народных массах сохранялись традиции мелкого частного бизнеса и самостоятельного хозяйствования на земле.

Кроме того, в Китае была четко выстроена сильная централизованная власть, а в Восточной Европе и Балтии «шоковая терапия» и приватизация совпали с национальным подъемом, вызванным освобождением от советского влияния. Так, в день провозглашения независимости Литвы жители Вильнюса говорили, что ради свободы готовы какое-то время ходить босыми и голодными.

Очень часто слово «приватизация» произносят рядом со словом «реформы». Однако если мы посмотрим любой словарь, то там понятие «реформа» означает перемены с целью улучшения...

Но что было, то было. И сегодня мы можем только частично выправлять некоторые последствия прошедших приватизационных реформ.

Результаты эмпирических исследований* получены нами на основе «логики научного исследования»** (К. Поппер), включающего в себя методы позитивизма и неопозитивизма, а также единства социолого-психологического и психолого-социологического подходов выявления кодов исторической памяти в оценке приватизации. Наши исследования показывают, что представление о приватизации складывается в массовом сознании путем взаимодействия трех разных пластов ментальности [1; 4; 6]. В. Иванов определяет эти пласты следующим образом: «первый подход отражает происходящее с точки зрения целесообразности, то есть насколько это необходимо, выгодно и эффективно. Вторая точка зрения — это реальная осуществимость того или иного сценария

преобразований с учетом расстановки общественных сил. И третий фокус рассматривает приватизацию с позиций духовно-нравственных представлений о должном, справедливом, о добре и зле, об общественном идеале» [1, с. 120]. Но необходимо учитывать, что респонденты, оценивая процесс и последствия приватизации, разводят понятия «законность», «целесообразность» и «справедливость».

Оценивая приватизацию с позиций законности, около 24% респондентов высказывают мнение, что приватизация государственной собственности в нашей стране реализовывалась согласно принятому в этой связи законодательству. Преимущественное же большинство респондентов придерживается противоположной точки зрения: 77% уверены, что сегодняшние хозяева крупной частной собственности владеют ею не по праву.

С позиций целесообразности респонденты характеризуют приватизацию как болезненный для общества процесс, но необходимый в первую очередь для экономики, так как переход к рыночной экономике, разгосударствление собственности принесли личную выгоду практически пятой части участников опроса (22%), а значит, мы можем говорить и об общероссийской тенденции оценки. В этом аспекте В. Иванов указывает на ряд особенностей: во-первых, полезность приватизации в значительной степени признается в тех регионах, где население выше оценивает собственное социально-экономическое положение. И, во-вторых, больше граждан признает приватизацию вредной для общества в тех регионах, где ее чаще оценивают как незаконную и несправедливую [1, с. 121].

В ходе наших исследований сотрудники различных компаний и представители российского предпринимательства давали общую оценку итогов приватизации, проведенной в нашей стране в начале 90-х годов (см. таблицу 1).

* Было проведено авторское исследование, которое реализовывалось в 2 этапа. На первом этапе исследования, проведенного в 1998–2000 гг., направленного на изучение системы корпоративного управления в рамках строительного холдинга «Челябинская финансовая строительная компания» изучалось мнение работников ЧФСК о проведенной приватизации. Объем выборочной совокупности составил 437 человек при генеральной совокупности 1359 человек. Кроме того, ряд задач исследования апробировались на целевой выборке 155 человек.

В ходе реализации второго этапа исследования 2011 г. особый акцент делался на социологических проблемах жизнедеятельности корпоративных структур. Была реализована целенаправленная (детерминированная) выборка. В качестве базовых регионов для реализации выборки были отобраны: Москва как наиболее развитый в рыночном отношении регион (105 опрошенных); Тюменская область (242 опрошенных), которая представляет собой обеспеченную ресурсами территорию; Челябинская область (102 опрошенных) со средним уровнем развития предпринимательства и Орловская область (241 опрошенных) — типичный регион для областей Центральной России с элементами ограниченности ресурсного обеспечения деятельности бизнеса.

Кроме того, по отдельным задачам исследования проведено панельное исследование на базе Челябинской, Тюменской и Орловской областей.

** Поппер А. Логика научного исследования. М., 2004. С. 36–37, 46–52.

Таблица 1
Оценка итогов приватизации
(2000 г. – 437 респондентов; 2011 г. – 692 респондентов; в % от общего числа опрошенных)

Значения оценок	Результаты опроса	
	2000 г.	2011 г.
Положительные	12,8%	4,2%
Нейтральные	13,73%	28,8%
Отрицательные	64,1%	47,1%
Затруднились ответить	9,2%	19,9%
Итого:	100%	100%

Как видно, в 2000 году число положительных оценок итогов приватизации начала 90-х было в три раза выше, чем в 2011 году. Однако при этом общая доля давших положительные оценки все-таки была в пять раз ниже тех, кто оценивал приватизацию отрицательно. При этом в 2000 году лишь десятая часть опрошенных затруднилась дать какие-либо оценки проведенной приватизации.

Картина значительно меняется к 2011 году. Исследование показало, что уменьшились доли как положительных, так и отрицательных оценок приватизации. Число одобряющих приватизацию уменьшилось в 3 раза (!), а число ее осуждающих – на 17%. Но при этом доля положительных оценок становится в 11 раз меньше числа тех, кто дал приватизации отрицательную оценку.

Отношение к приватизации, как пережитый факт, прочно вошло в историческую память народа, вытеснить его из «социального бессознательного» (Э. Фромм) пока не удастся. И это при том, что остающиеся все еще весьма влиятельными силы, реализовавшие этот проект, стараются само понятие «приватизация» вывести из смыслового пространства и таким образом хоть как-то отвести от себя общественный негатив.

Таким образом, можно сделать вывод, что экономически грамотное и активное население дает в целом отрицательную оценку последствиям приватизации.

Но, пожалуй, самая рельефная дифференциация оценок итогов приватизации наблюдалась и в 2000 году и по результатам исследования 2011 года в различных социальных группах опрошенных (см. Таблицу 2).

Таблица 2
Оценка итогов приватизации в зависимости от социального положения
(в % от общего числа опрошенных)

Оценки	Исследование 2000 г.					Исследование 2011 г.			
	Директорский корпус	ИТР	Линейный персонал	Рабочие	Σ	Представители малого бизнеса	Представители среднего бизнеса	Представители крупного бизнеса	Σ
Положительные	22,2	19,8	8,3	10,3	12,8	4,9	4,8	1,6	4,2
Нейтральные	14,8	15,1	11,6	13,5	13,7	31,9	19,4	40,7	28,8
Отрицательные	62,9	54,6	74,4	65,5	64,1	34,8	58,7	42,3	47,1
Затрудняюсь ответить	0	10,5	4,7	10,7	9,2	28,4	17,1	15,3	19,9

Прежде всего, для оценок, полученных по результатам опроса 2000 года, характерна их поляризация практически во всех четырех группах опрошенных (при вдвое меньшей доле затруднившихся оценить итоги приватизации по сравнению с данными 2011 г.).

Кроме того, для всех четырех выделенных групп работников характерно доминирование отрицательных оценок. Чаще других такие оценки высказывали представители линейного персонала (три четверти отрицательных оценок). На втором месте – рабочие (66%

отрицательных оценок), директорский корпус (63% отрицательных оценок), и, наконец, ИТР (55% отрицательных оценок).

При этом самые эмоционально окрашенные оценки у представителей директорского корпуса. Среди них нет ни одного затруднившегося в оценках. Характерно и то, что именно директорский корпус в подавляющем большинстве выиграл от итогов приватизации, но именно эта категория глубже других социальных групп населения понимает весь драматизм этой проблемы. Отсюда и столь высокий уровень критичности. Ведь, несмотря на все выгоды, которые получили директора и прочие руководители предприятий, лишь пятая часть из их числа дает положительные оценки итогам приватизации.

Довольно парадоксально оценивали итоги приватизации представители разных предпринимательских групп. Самый высокий уровень критичности высказывают представители среднего бизнеса. У представителей этой группы доля отрицательных оценок на 54% выше, чем положительных. У малого бизнеса эта разница составляет около 30%. А у крупного бизнеса она примерно равна 40%. И такое положение вещей заслуживает отдельного анализа.

По существу, представители крупного бизнеса (в большинстве своем) получили самые большие преференции от приватизации. И, казалось бы, они-то и должны всемерно поддерживать приватизацию. Однако этого не происходит.

Еще противоречивее структура оценок последствий приватизации у представителей различных субъектов управления и собственности в современных корпоративных структурах.

Наиболее четкое отношение к оценке итогов приватизации у представителей группы совладельцев и менеджеров, работающих по контракту. Самые низкие по эмоциональному накалу оценки владельцев акций других предприятий и тех предпринимателей, которые владеют небольшими пакетами акций своих предприятий, т.е. все же имеющих возможность влиять на принятие стратегических решений.

А вот владельцы и совладельцы предприятий вообще не дали ни одной положительной оценки итогов приватизации. Зато около половины представителей этой категории работников и владельцев корпоративных структур считают, что каких-либо реальных итогов приватизации вообще нет. Среди полных владельцев четвертая часть оценивает

эти последствия как исключительно отрицательные, а треть затрудняется ответить. Среди неполных хозяев исключительно отрицательно оценивают ситуацию с последствиями приватизации 47% опрошенных представителей данной категории.

Все это тревожные свидетельства неблагополучия в реальном секторе экономики страны. Причем речь идет о не второстепенных (разве что Орловская область), а об авангардных, довольно благополучных регионах — Московской, Тюменской и Челябинской областях.

Полученные нами результаты в значительной степени коррелируют с результатами других исследований [1]. Специалисты отмечают, что способ проведения приватизации «породил ряд негативных социальных и политических процессов, масштаб которых превзошел ожидания даже самих «архитекторов» перестройки» [1, с. 122].

У политиков, проводивших приватизацию, были свои важные мотивы: было необходимо быстро создать слой крупных частных собственников, чтобы исключить возврат к коммунистическому прошлому. Но платой за спешку стала низкая легитимность приватизации крупной госсобственности в глазах общественного мнения. Традиционно люди упрекали переход собственности в частные руки в том, что он прошел несправедливо, так быстро, что было непонятно, откуда взялись новые собственники и почему собственность досталась именно им.

Исследования показывают: 50% достигла доля россиян, которые убеждены, что деятельность бизнесменов идет на пользу стране. Таким образом, положительная оценка работы бизнесменов впервые превысила долю тех, кто считает их вредителями на теле государства. Причем, как и в случае с оценкой приватизации, доля положительных оценок бизнесменов от года к году растет, а отрицательных — сокращается. Это значит, что и широкие массы населения России все больше признают экономику, основанную на частной собственности и частной инициативе.

То, что первая волна приватизации не дала желаемых результатов, сегодня очевидно всем. Именно по этой причине Владимир Путин вновь вернулся к вопросу о новой волне приватизации. Сегодня подавляющая часть населения страны в той или иной мере прошла первые «народные университеты» капитализма. Конечно, всех этих мер недостаточно для постижения нового миропорядка. И все же есть шанс для нового этапа капитализации, в том числе и за счет приватизации

с вовлечением в сам процесс широких народных масс.

Экономисты предлагают ограничиться на этот раз передачей акций отдельных предприятий гражданам. Причем передавать приватизируемые акции «по стоимости, например, зафиксированной на момент принятия решения о приватизации» [6]. Автор предлагает ввести регулирующие ограничения на продажу акций их новыми собственниками.

Данный этап приватизации необходимо готовить в ходе общественной дискуссии с вовлечением в нее широчайших слоев населения. Параллельно же необходима организация системы курсов ликвидации предпринимательской безграмотности. Последняя мера позволит решить сразу комплекс проблем психологического и социального порядка.

Приватизация, как считали ее инициаторы, должна была решить фундаментальную задачу — осуществить масштабную капитализацию. Ее следствиями должны были стать повышение деловой активности населения, повышение доверия населения к нарождающемуся классу предпринимателей и к новому формату государственных институтов.

Разовое и масштабное обогащение населения страны, произойди оно, могло бы решить у значительной части участников приватизации накопленные за 80-летний период советской власти проблемы бедности: решить проблему нехватки жилья, достойного содержания в старости и многое другое. Но ничего из перечисленного, к сожалению, не произошло.

Таким образом, экономически грамотное и активное население России дает в целом отрицательную оценку последствиям приватизации. В 2011 году по сравнению с 2000 годом доля давших положительные оценки итогам приватизации уменьшилась в три раза. Правда, в 2000 году доля отрицательных оценок была в 11 раз выше доли положительных.

В два раза возросла доли нейтральных оценок и в два раза — доли затруднившихся оценить ее последствия. Последняя группа включает в себя в основном представителей нового поколения, людей, которые не участвовали в этой акции ни с одной, ни с другой стороны.

Наблюдается парадоксальная ситуация с оценками итогов приватизации представителями разных предпринимательских групп. Самый высокий уровень критичности высказывают представители среднего бизнеса. Среди представителей этой группы доля отрицательных оценок на 54% выше, чем положительных. У малого бизнеса эта разница составляет около 30%. У крупного бизнеса она примерно равна 40% пунктов. А ведь представители крупного бизнеса получили самые большие преференции от приватизации. И, казалось бы, они-то и должны всемерно поддерживать приватизацию. Однако этого не происходит.

Среди отрицательных последствий приватизации чаще всего указывают на разрушение народнохозяйственного комплекса страны. На втором месте — усиление расслоения общества. Далее идут: снижение качества управления собственностью; снижение уровня жизни основной части населения; создание криминальной экономики; рост социального напряжения в обществе.

Сегодня всем уже вполне очевидно, что первая волна приватизации не дала желаемых результатов. Именно по этой причине руководство страны предлагает вновь вернуться к вопросу о новой волне приватизации, назвав приватизацию 90-х несправедливой. Сегодня подавляющая часть населения страны в той или иной мере прошла первые «народные университеты» капитализма. Конечно, всех этих мер не достаточно для постижения нового миропорядка. И все же есть шанс для нового этапа капитализации, в том числе и за счет приватизации с вовлечением в сам процесс широких народных масс.

1. Иванов В. Приватизация глазами россиян [Текст] / В. Иванов // Россия в глобальной политике. — 2006. — Т. 4. — № 6. — С. 120–130.
2. Панарин А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Логос, 1998.
3. Попов В.Д. Тайны информационной политики (социокommunikативный психоанализ информационных процессов) [Текст] / В.Д. Попов. М., 2009.
4. Хвесюк Н.Г. Корпоративное управление отношениями собственности: постановка проблемы [Текст] / Н.Г. Хвесюк. М., 2010.
5. Шереги Ф.Э. Социология образования: прикладные исследования. М.: Academia, 2001.
6. Южаков В.Н. Капитализация поколений: российский потенциал приватизации [Текст] / В.Н. Южаков // Социология власти. — 2011. — № 6. — С. 5–8.

О ПОНЯТИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

УДК 321.01

А.А. БОРИСЕНКОВ

Политическая культура — одно из политических явлений, которое существует неотъемлемо от самой политики и в то же время образует в составе политического бытия относительно самостоятельный компонент. Её значение состоит в том, что она характеризует особенности осуществления этого бытия, обусловленные тем, как используется политическая власть, и состоящие в том, как принимаются руководящие решения. Раскрывая эти особенности, мы познаём технологию формирования политики. Рассмотрим некоторые представления о сущности политической культуры, сложившиеся сегодня в политологии.

Представления о сущности политической культуры

Понятие политической культуры является одним из обсуждаемых в современной политической науке и привлекает к себе повышенное внимание исследователей. Немалый интерес к нему проявляется на уровне общения, особенно когда речь заходит о демократии, её осуществлении, особенностях формирования демократической политики. Вместе с тем существующие представления о политической культуре нередко отрываются от самой политики и уводят политическое сознание в сторону психологических проблем. Это говорит о том, что понятие политической культуры нуждается в дальнейшем осмыслении.

Первоначальный вклад в формирование представлений о политической культуре внесла её классическая концепция, разработанная в середине прошлого века американскими политологами Г. Алмондом и С. Вербой. Благодаря этой концепции вопрос о политической культуре был поставлен в плоскость политической теории, началась разработка её понятия. Эти исследователи предложили своё решение проблемы, выступив с оригинальной трактовкой политической культуры, характеризующей её как особое явление сознания. В дальнейшем их концепция послужила одним из ведущих факторов изучения этого явления. Основные идеи концепции сохраняют свою популярность и сегодня.

Важнейшая особенность и принципиальная черта данной концепции состоит в том, что она представляет субъективистскую традицию (субъективистский подход) к толкованию общественных явлений и сводит политическую культуру к субъективно-психологическим взглядам.

Политическая культура трактуется авторами этой концепции как «совокупность психологических ориентаций», которые влияют на «политические позиции и модели поведения» людей. С этими ориентациями исследователи связали главное в содержании политической культуры. Они утверждают: «Политическая культура — это разнообразные, но устойчиво повторяющиеся когнитивные, аффективные и оценочные ориентации относительно политической системы вообще, её аспектов «на входе» и «на выходе» и себя как политического актора» [1, с. 597]. При этом когнитивные ориентации характеризуются ими как знания и вера относительно политической системы, аффективные ориентации — как чувства по отношению к ней, а оценочные ориентации — как суждения и мнения по её поводу [1, с. 595].

Очевидно, что политическая культура рассматривается здесь как нечто субъективное, существующее только в рамках сознания и психологии человека. Это означает, что политическая культура непосредственно не связана с политикой. Если политика — это общественное, объективно существующее явление, то её культура рассматривается как явление, которое содержится только в сознании. В результате образуется противоречие, состоящее в том, что политическая культура, принадлежащая по своей природе политике (иначе зачем её называть политической?), в то же время не может быть её явлением.

Ряд российских политологов придерживается отмеченной концепции и по-своему развивает её идеи. Политическую культуру сводят к явлениям политического сознания, к мнениям и представлениям о мире политики. Например, говорят: «Политическая культура — это совокупность мнений, представлений о мире политическом, законах и правилах функционирования политической подсистемы общества» [6, с. 385].

Некоторые исследователи стремятся усилить значение субъективной составляющей в политическом сознании и ещё дальше отходят от самой политики в сторону субъективных ощущений по её поводу. Например, утверждают, что политическую культуру «не следует воспринимать как объяснение того, что происходит в мире политики, ибо она призвана объяснить, что люди думают о происходящем в мире политики и как они это оценивают» [12, с. 248]. Получается, что политическая культура — это

не просто явление политического сознания; это, скорее, объяснение того, что люди думают о политике, т.е. по существу «мнение о мнении» или «мнение об ощущениях» по поводу политики. Для субъективистской традиции такой вывод является вполне закономерным.

Субъективизм в познавательном процессе и, в частности, сведение политической культуры к субъективным и психологическим явлениям в итоге искажает её действительное содержание и усложняет её раскрытие. Субъективизм уводит исследовательскую мысль в сторону изучения особенностей психического развития. Примечательно, что, углубляя и развивая идею психологических ориентаций, политологи приходят в итоге к выводу о наличии в составе политической культуры инстинктивных и иррациональных компонентов. Например, одни говорят, что «многие из ориентаций изначально заложены в самих людях и часто проявляются непроизвольно, без предварительных размышлений. Другими словами, политическое сознание является лишь одной из форм реализации политической культуры, наряду с неосознанными реакциями ориентировочного порядка и импульсивными, эмоциональными поведенческими актами» [12, с. 263].

Другие утверждают, что в политической культуре заложены не только рациональные, но и «иррациональные компоненты». При этом отмечают, что иррациональное «сильно затрудняет объяснение процессов формирования и функционирования политической культуры» [11, с. 439]. В результате складывается парадоксальный вывод о том, что руководящие решения, составляющие сущность политики и принимаемые на основе установленных правил, могут носить инстинктивный и иррациональный характер. А это уже противоречит представлениям о культуре вообще.

Наукой установлено, что человек является источником всякой культуры. Это связано с его уникальной способностью ставить перед собой цели и осуществлять деятельность, направленную на их достижение. При этом сознание человека играет ключевую роль в формировании всякой культуры. Благодаря своему сознанию человек не только ставит перед собой цели, но вследствие этого обращается к поиску различных способов их достижения, что приводит к возникновению соответствующей культуры. Данное положение сохраняет своё значение и для общественной культуры, включая политическую культуру, обусловленную особой разновидностью социальной активности. Возникает вопрос: как же может политическая культура, рождённая сознательной деятельностью

человека, иметь инстинктивный и иррациональный характер?

Необходимо констатировать, что субъективистский подход играет негативную роль в познании политической культуры и прежде всего потому, что не позволяет признать за ней статуса объективно существующей реальности. Примечательно, что отдельные исследователи в итоге сводят её к аналитической абстракции: «За этим понятием стоит некая трудноуловимая реальность — подлинные чувства, мысли и оценки людей по поводу политики. Однако политическая культура не есть реальность как таковая. Это аналитическая абстракция, которую более активно и плодотворно используют те из политологов, кто изучает психологию и культуру властвования, социокультурные аспекты политического поведения» [5, с. 54].

Нам представляется, что отождествление политической культуры с явлениями субъективно-психологического порядка только запутывает её действительное содержание и рождает ряд неизбежных вопросов. Например: почему представление о политике есть явление её культуры, а не культуры политического сознания? Как следствие: правильно ли отождествлять политическую культуру и культуру политического сознания? Почему политика как общественное явление существует вне сознания, а принадлежащая ей по своей природе культура оказывается явлением сознания? Почему представления, например, об экономике есть явление познавательной, но не экономической культуры, в то время как представления о политике рассматриваются в качестве явления самой политической культуры? Почему за политической культурой, принадлежащей политике и тем самым объективно входящей в состав её бытия, признаётся статус явления сознания, т.е. явления совсем не политического по своей природе?

Вопросы можно множить. Однако классическая концепция политической культуры их не раскрывает, она их даже не ставит. Одновременно она содержит в себе ряд вполне очевидных и не разрешимых в её рамках противоречий. Так, рассуждая о политической системе, авторы концепции рассматривают политическую реальность настолько широко, что включают в состав политического бытия, с одной стороны, явления исполнительной (административной) деятельности государства, а с другой — явления демократии и гражданского общества. В результате происходит смешение содержания совсем не тождественных между собой понятий, а именно: политической системы и системы государственного управления, политической активности и демократической активности,

политической культуры и гражданской культуры. Нам представляется, что Г. Алмонд и С. Верба не до конца осмыслили объективные основания политической культуры и произвольно отождествили её с субъективными взглядами и позициями, в чём признаются и сами [1, с. 594]. При этом они не в полной мере учли такой важный исследовательский принцип, что взгляд на политику, как и на её культуру, есть лишь особое отражение этих явлений в сознании человека, к самим этим явлениям совсем не сводимое.

Итак, существует ряд исследователей, которые рассматривают политическую культуру в качестве явления политического сознания или даже некой абстракции, которая служит для объяснения поведения людей. Наряду с ними есть политологи, которые стремятся выйти за рамки политического сознания и связывают политическую культуру с «поведением» людей, которое они называют политическим. Например, говорят: «Если мы ограничимся лишь политическими ориентациями, то политическая культура будет рассматриваться лишь в рамках политического сознания. Поэтому современное понятие политической культуры объединяет в себе политическое сознание и политическое поведение» [10, с. 185].

Ещё одна группа политологов, пытаясь раскрыть сущность политической культуры, делает акцент только на поведении. Политическая культура трактуется ими как нечто типичное в этом поведении, как его модель, образец, форма и т.п. Например, утверждается, что «политическую культуру можно определить как совокупность типичных для конкретной группы лиц (общества) образцов и форм поведения в публичной сфере, воплощающих их ценностные представления о содержании и целях развития мира политики и закрепляющих приоритетные для них нормы и традиции взаимоотношений государства и общества» [13, с. 383].

Здесь важно отметить, что в данном подходе политическая культура соотносится не столько с политикой, которой она принадлежит по своей природе, сколько с поведением людей, как будто речь идёт о поведенческой культуре. Закономерно возникает вопрос: правильно ли сводить политическую культуру к поведенческой культуре? Разве это тождественные явления?

Нам представляется, что поведение, если рассматривать его в контексте различных видов социальной активности, имеет определённый «недостаток», а именно: поведение сопряжено с индивидуальной психикой. Поведение как феномен рождено психической реакцией индивида на внешние обстоятельства и отражает собой цели, мотивы человека или рефлексы,

инстинкты животного и т.п. В отличие от политики и её деятельности поведение людей совсем не есть общественное явление. Даже если речь идёт о группе людей, о типичных, повторяющихся для них чертах, о массовой психологии, то и в этом случае поведение людей будет обусловлено их особым, психическим восприятием внешних обстоятельств. Это поведение может служить показателем их групповой поведенческой культуры.

Но главное состоит в том, что поведенческая культура и политическая культура относятся к разным видам культуры. Политическая культура является результатом особого вида социальной активности, а именно: политической деятельности, которая в отличие от поведения определяется совсем не психикой человека, а тем, как функционирует тот или иной политический институт. Политическая деятельность по своей сущности состоит в использовании политической власти, носителем которой является политический институт. Поэтому политика и её культура (принадлежащая ей культура) никак не могут быть ни явлением, ни результатом поведения.

Кроме политического сознания и «политического поведения» к политической культуре относят также и другие явления, стремясь раскрыть заодно её структуру. Например, утверждают: «Структурно политическая культура включает в себя: культуру политического сознания (политические убеждения, ценности, традиции, обычаи, нормы), культуру политического поведения (образцы политического участия и политической деятельности) и культуру функционирования политических институтов (культуру электорального процесса, культуру принятия и реализации политических решений и культуру регулирования социальных конфликтов)» [7, с. 310].

Согласимся с идеей о том, что политическая культура может включать в себя культуру других явлений. Однако это возможно только в том случае, если сами эти явления входят в состав политического бытия, служат его компонентами. Например, политическая жизнь как явление служит формой функционирования политического организма и включает в себе механизм формирования политики. Тем самым она составляет необходимый компонент и исходный способ политического бытия [3]. А это означает, что культура политической жизни является неотъемлемой частью политической культуры и выступает как одно из её проявлений.

Возникает вопрос: входят ли в содержание политического бытия такие явления как политические убеждения, политическое участие,

электоральный процесс, реализация руководящих решений? Если ответить на этот вопрос утвердительно, то происходит смешение качественно различных видов явлений, а именно: политических явлений и явлений сознания, поведения, демократии, исполнительной (административной) деятельности государства. На самом деле это всё разные явления, которые представляют разные виды культуры. Например, такие виды как культура сознания, поведенческая культура, демократическая культура, культура исполнительной деятельности. Политическая культура не может быть явлением сознания или поведения, демократии или исполнительной (административной) деятельности государства. Политическая культура, как и сама политика, есть объективно существующее общественное явление, которое отражает технологию формирования политики. Политическая культура — это явление самой политики, это важнейший компонент политического бытия, который заключает в себе правила принятия руководящих решений.

Итак, в теориях, рассматривающих современную политическую культуру, сложились противоречия в ее толковании. Они свидетельствуют о том, что сущность политической культуры не раскрыта и нуждается в своём дальнейшем изучении. Одно из направлений такого исследования связано с более глубоким осмыслением положений о том, что политика есть объективно существующее общественное явление и что политическая культура по своей природе принадлежит именно политике, в содержание которой входит, а не сознанию или поведению, демократии или исполнительной деятельности. Политическая культура является разновидностью общественной культуры, и её сущность нужно искать в обществе.

Политическая культура — разновидность общественной культуры

Содержательно термин «культура» сочетается со всеми понятиями, которые рождены разнообразными видами активности, связанными с человеком и обществом. Например, культура духовной и практической, индивидуальной и социальной деятельности и жизни и т.д. В зависимости от особенностей и вида указанной активности можно выделить множество разновидностей культуры. Но если классифицировать её только с точки зрения носителя этой активности, то всё её разнообразие сводится к двум видам, а именно: индивидуальной и общественной культуре. Носителем индивидуальной культуры являются люди. Носителем же общественной культуры являются разнообразные

институты, объединяющие людей вокруг заключённой в этих институтах общественной субстанции и создающие этим различные общественные организмы (общественные объединения).

Очевидно, что данные виды культуры являются качественно различными. Это обусловлено различием человека и общества и, в частности, тем, что общество как явление не равно совокупности людей, а составляет особое образование, сложившееся на основе осуществления ими разнообразных и связывающих их между собой функций. В результате индивидуальная и общественная культура соотносятся совсем не так, как часть и целое. Как один человек не является частью общества, так и индивидуальная культура не сводится к общественной культуре и не является её компонентом. Отсюда важный вывод: культура не может быть одновременно и индивидуальной, и общественной: либо то, либо другое. У этих видов культуры качественно различные носители.

Вместе с тем индивидуальная и общественная культура определенным образом сопряжены между собой и имеют возможность влиять друг на друга. Индивидуальная культура формируется на основе включения людей в общество, в общественный организм, в деятельность того или иного института. Она складывается в результате освоения и осуществления человеком особой функции в системе общественной жизни. Тем самым индивидуальная культура служит фактором функционирования культуры самого объединения (общественной культуры).

Однако отдельный человек не может овладеть всей общественной культурой, поскольку он не может охватить своей активностью деятельность всего общественного организма и осуществлять одновременно целый ряд его различных функций. В результате индивидуальная культура может рассматриваться только как особый, индивидуализированный срез общественной культуры.

В свою очередь общественная культура обусловлена совместной деятельностью людей, является результатом установления между ними общественных связей. Общественная культура сопряжена с общественными организмами, воплощается в деятельности институтов и заключается в том, как осуществляется социальная (совместная, общая для людей) активность. По существу речь идёт об особой технологии осуществления социальной активности, которая предполагает разделение между людьми общественных функций. Эта технология определяет особенности их индивидуальной деятельности и побуждает людей к освоению необходимых для общества функций. В результате общественная

культура влияет на характер деятельности людей и способствует формированию их индивидуальной культуры. При этом общественная культура остаётся особым видом культуры, который не равен совокупности обусловленных ею индивидуальных культур, как общественный организм не равен сумме составляющих его функций или сумме людей, их исполняющих.

Если выделить главное в содержании общественной культуры, то оно обусловлено особенностями возникновения общества и заключается в том, как, каким образом складывается совместная (социальная) деятельность, обусловленная разделением между людьми общественных функций. Это главное представлено технологией формирования общества, состоящей в правилах осуществления социальной деятельности. В качестве иллюстрации этой идеи можно использовать одно из высказываний К. Маркса, который на основе своих фундаментальных экономических исследований сделал вывод, очень важный для понимания всякой культуры. Он установил: «Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда. Средство труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд» [9, с. 191].

Очевидно, что средства труда осваиваются участниками производства индивидуально и поэтому служат фактором формирования их индивидуальной культуры. Они способствуют раскрытию их профессиональных возможностей и выступают как мерило развития человеческой рабочей силы. Это с одной стороны. Но с другой стороны они выступают показателем соответствующих общественных отношений, складывающихся в данном производстве, а значит, показателем общественной культуры. Средства труда включают в себе и определяют собой правила, благодаря которым осуществляется совместное производство и, следовательно, образуется объединение людей. Это означает, что общественная культура выступает в виде особой технологии, посредством которой осуществляется совместное производство и тем самым формируется соответствующее общество. Обобщая это, можно сделать следующий вывод: общественная культура — это явление технологии формирования общества, которая состоит в правилах осуществления совместной деятельности. Такая технология сопряжена с деятельностью учреждений, обусловлена их назначением и реализуется в процессе их функционирования.

В частности, из приведённых выше рассуждений следует, что политическая культура

отражает особенности функционирования политических институтов, состоящие в правилах использования политической власти и тем самым в правилах принятия руководящих решений. Это означает, что политическая культура реализуется в процессе политической деятельности, составляющей особый вид социальной активности, а значит, в процессе политической жизни и политического влияния. Это означает, что к политической культуре совершенно неприменимы характеристики индивидуальной и тем более поведенческой культуры.

Отметим также, что политическая культура как явление сопряжена с деятельностью различных политических институтов, посредством которых формируется политика. Причём в каждом политическом институте заключена своя особая технология политической деятельности. Например, такие институты как абсолютная монархия и парламент предполагают качественно различные правила использования политической власти и правила принятия руководящих решений. Такие правила становятся мерилом данных политических институтов и выражением содержащейся в них особой политической культуры. Каковы правила принятия руководящих решений, такова и политическая культура.

Таким образом, каждый политический институт как носитель политической власти включает в себе особую технологию формирования политики, представленную соответствующими правилами принятия руководящих решений. Каждый политический институт является носителем особого вида политической культуры, который раскрывается в процессе его функционирования. В результате политическая культура выступает как компонент политического содержания, составляющий один из способов политического бытия. Политическую культуру можно определить как способ политического бытия, состоящий в технологии формирования политики, представленной правилами принятия руководящих решений.

Политическую культуру нельзя рассматривать как форму существования индивидуальной или поведенческой культуры. Культура людей, входящих в состав политического института и осуществляющих политическую деятельность, т.е. их индивидуальная культура служит формой освоения ими особой функции в контексте деятельности политического института. Исполнение такой функции является показателем их индивидуальной культуры, сложившейся в политическом процессе, а также мерилом индивидуального профессионализма. Осуществляя данную функцию, люди выступают в качестве субъектов политики.

В политологической литературе вопрос о соотношении общественной и индивидуальной культуры применительно к политике разрабатывается, на наш взгляд, не всегда удачно. Это проявляется прежде всего в том, что политическая культура попросту сводится к индивидуальной культуре, о чём уже говорилось. Однако некоторые исследователи ставят вопрос об их различии. Например, отмечается стремление разделить политическую культуру на личную и общественную. «Следует отметить, что политическая культура личности основывается на политической культуре общества и группы, в которую она входит, являясь их частью» [14, с. 215].

Предложенный выше анализ показывает, что в таком утверждении содержатся, как минимум, две проблемы. Во-первых, политическая культура, будучи разновидностью общественной культуры, рассматривается в качестве культуры, принадлежащей отдельному человеку, т.е. как индивидуальная культура. Во-вторых, «политическая культура личности» представляется как часть общей политической культуры. И в том, и другом случае происходит искажение политической культуры, связанное с неверным толкованием её сущности и соотношения с индивидуальной культурой, складывающейся в процессе политики.

Кроме того, словосочетание «политическая культура личности» с позиции формальной логики является некорректным. Оно равнозначно словосочетанию «индивидуальная политическая культура». Говоря иначе, качественно различные виды культур — индивидуальная и общественная — объединяются здесь одним понятием, что приводит к логическому парадоксу. Это всё равно, что соединить, например, понятия человека и института в некий «человекоинститут»; получается абсурд. Либо то, либо другое.

Нам представляется, что политическую культуру необходимо рассматривать только как разновидность общественной культуры. Ей соответствует определённая индивидуальная культура, формирующаяся у тех, кто профессионально занимается политической деятельностью, т.е. у субъектов политики. Только они имеют возможность реально приобщиться к политической культуре, освоив особую функцию в системе политического организма. Только они, войдя в состав политического института, получают возможность реально участвовать в политическом процессе и принимать руководящие решения. Следовательно, только они осуществляют заключённую в политическом институте политическую культуру, приобретая попутно индивидуальную культуру такого осуществления. При этом рассмотрение индивидуальной культуры в качестве

части политической культуры является некорректным. В этом случае политический организм, складывающийся в рамках политического института, приравнивается к сумме индивидуальных функций, исполняемых в политическом процессе. В результате исчезает особое качество политической (общественной) культуры, сопряжённое с деятельностью самого политического института.

Ещё одно обстоятельство в исследовании политической культуры можно усматривать в том, что её пытаются характеризовать как разновидность духовной культуры общества. Например, говорят: «Политическая культура — это составная часть духовной культуры общества...» [14, с. 209]. Или утверждают: «Политическая культура существует наряду с другими видами духовной культуры, например, хозяйственной или религиозной» [6, с. 385–386]. В этом случае политическая культура также относится к явлениям сознания и сводится к культуре сознания, о чём уже говорилось («Политическую культуру составляют сформировавшиеся в течение многих поколений политические идеи и концепции...» [6, с. 386]).

На самом деле политическая культура существует объективно и являет собой разновидность материальной культуры общества. Это объясняется тем, что общество есть объективно существующее, материальное образование, которое определяет собой соответствующий, т.е. материальный характер своих проявлений, включая политику. При этом материальность политической культуры находит своё отражение в различных видах этой культуры, изучение которых позволяет дополнить представление о ней.

Виды политической культуры

Видами политической культуры называются такие её проявления, которые сопряжены с различными политическими институтами, служащими её носителями и одновременно объективным основанием её классификации. На разных уровнях управленческой пирамиды общества существуют различные политические институты и каждому из них соответствует своя особая политическая культура. Например, на высшем уровне современного российского государства политическими институтами являются парламент и президент. Каждый из этих институтов является носителем соответствующей политической культуры, проявляющейся в особой технологии принятия руководящих решений посредством этих институтов.

Своим взаимодействием данные политические институты образуют особый политический организм, составляющий форму

правления современным российским государством. На основе жизнедеятельности такого организма складывается более сложный вид политической культуры, отражающий особенности взаимодействия указанных институтов. Получается, что видов политической культуры может быть столько, сколько существует видов политических институтов, а также вариантов их взаимодействия.

В политологической литературе речь большей частью идёт не о видах, а типах политической культуры, которые отражают собой некие устойчивые и повторяющиеся черты поведения, объединяющие людей в различные общности. При этом тип политической культуры рассматривается как её идеальная модель или образец, который сложился под влиянием тех или иных обстоятельств. Например, говорят: «В ходе своего исторического развития разнообразное сообщество выработали множество типов политической культуры, каждый из которых отражает преобладание в стиле поведения людей определённых ценностей, норм и стереотипов, форм властвования и взаимоотношений с правителями, а также иных элементов, сложившихся под доминирующим воздействием особых географических, духовных, экономических и прочих факторов» [11, с. 442].

Главная особенность при выделении типов политической культуры состоит в том, что политологи связывают эту культуру с «политическим поведением» людей, а значит, с их психологическими ориентациями по поводу политической системы. Отмечается также, что политическая культура не может быть «монолитным образованием», а представляет «подвижную комбинацию различных установок и ориентаций». В результате предлагаются самые разные основания и самые разнообразные типологии политической культуры, которые являются весьма многочисленными. Можно сказать так: сколько существует видов ориентаций и видов поведения, столько выделяется и типов политической культуры. Например, говорят о существовании элитарной и массовой политической культуры, о политических культурах, основанных на религиозных, этнических, региональных признаках и различиях [2, с. 163–178]. Выделяют «господствующую (официальную) и оппозиционную разновидности политической культуры, общую и региональные субкультуры, политическую культуру общества, класса, социальной группы, лидера, рядового гражданина, члена общества» [8, с. 546]. Исходя из особенностей мировых цивилизаций, отмечают наличие западной и восточной политических культур [11, с. 446–450]. Есть и другие варианты.

Нам представляется, что типологии такого рода содержат в себе нечто искусственное, рождённое субъективистским подходом. Все они так или иначе связаны с особенностями поведения людей и не учитывают того обстоятельства, что политическая культура является разновидностью общественной культуры, которая осуществляется посредством социальной активности. Все они не учитывают того факта, что носителями политической культуры являются не отдельные люди или их общности, образующиеся вследствие общих признаков поведенческой культуры, а политические институты, объединяющие людей в особый общественный (политический) организм. Это означает, что возможным основанием разделения политической культуры на виды являются, во-первых, сами политические институты, во-вторых, возможные варианты взаимодействия этих институтов, обусловленные различием их управленческих функций. Например, можно выделить парламентскую политическую культуру и президентскую политическую культуру, соответствующую самим этим институтам. А если учесть возможные варианты взаимодействия парламента и президента в демократическом государстве, то политическая культура может классифицироваться в соответствии с различными формами демократического правления и выступать как политическая культура парламентской формы правления, политическая культура президентской формы правления или политическая культура смешанной формы правления.

Но прежде всего всё многообразие политических институтов можно разделить на две основные группы. Исходя из политических режимов, политические институты разделяются на носителей авторитарной и демократической политической культуры. Иными словами, выделяются два основных вида политической культуры, а именно: авторитарная и демократическая. В каждом из этих видов возможны подвиды, обусловленные какими-то особенностями политического режима. Например, в рамках авторитарного политического режима отмечают монархический, военно-авторитарный, диктаторский режимы. В результате возможны и соответствующие разновидности политической культуры. Демократическая политическая культура также имеет свои разновидности, которые сопряжены с различными формами демократического правления, о чём уже говорилось.

Схожий подход существует и в политологической литературе, который выделяет в качестве критерия классификации политической

культуры политические режимы. Например, утверждается: «В отношении современных цивилизованных обществ при определении типа политической культуры критерием целесообразно избрать тип политического режима. Последний всегда порождает соответствующую ему модель политической культуры, характеризующуюся определёнными признаками. В чистом виде эти модели функционируют редко, чаще встречаются смешанные формы. Можно выделить следующие крупные модели политической культуры: демократическую, авторитарную и тоталитарную» [14, с. 214].

Заметим, что «тоталитарный политический режим» как понятие не является корректным, поскольку такого режима в реальности не существует. Есть тоталитарный режим, который характеризует не политическую деятельность государства, но деятельность его исполнительных учреждений по отношению к обществу. Тоталитарный режим раскрывает порядок осуществления государственного управления, при котором происходит полное подчинение общества государству. При этом на уровне высших государственных учреждений, посредством которых принимаются руководящие решения, в условиях тоталитарного государства складывается всё тот же авторитарный политический режим [4].

Таким образом, в сфере государственной политики реально могут складываться только два основных вида политической культуры, а именно: демократическая или авторитарная. Они составляют собой два полюса существования политической культуры, которые противоположны друг другу и находятся в обратном пропорциональном отношении. Один вид культуры является отрицанием её другого

вида. Можно предположить, что абсолютно авторитарной или абсолютно демократической политической культуры, по всей видимости, не существует. В реальности складывается множество переходных состояний, представляющих различные симбиозы этих двух видов политической культуры и соответственно их разновидности. Всякая реально существующая политическая культура являет собой определенное сочетание авторитарной и демократической политической культуры. При этом преобладание одной из сторон является критерием отнесения политической культуры к одному из её основных видов.

В соотношении указанных видов политической культуры – авторитарной и демократической – обнаруживается объективная и необходимая, устойчивая и повторяющаяся связь, которая составляет закон существования политической культуры. Этот закон можно сформулировать так: при усилении одного основного вида политической культуры происходит ослабление противоположного ей вида. Это означает, например, что в условиях развития авторитарного правления его демократический характер становится всё более формальным и наоборот.

Реальное политическое бытие может быть обусловлено и сопряжено как с авторитарной, так и демократической политической культурой, является результатом их определённого сочетания. Если сравнивать между собой основные виды политической культуры, раскрывая их особенности и значение для политического бытия, то выясняется, что демократическая политическая культура является фактором политического прогресса. Но это уже тема другого исследования.

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура. Политические установки и демократии пяти наций. // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. II. М., 1997.
2. Ачкасов В.А. Сравнительная политология [Текст] / В.А. Ачкасов. М., 2011.
3. Борисенков А.А. О парадигмальном знании в политической науке [Текст] / А.А. Борисенков // Философия и культура. – 2012. – Март. № 3 (51).
4. Борисенков А.А. Политический режим – способ политического влияния [Текст] / А.А. Борисенков // Социум и власть. – 2012. – № 2.
5. Восток и политика: политические системы, политические культуры, политические процессы [Текст] / под ред. А.Д. Воскресенского. М., 2011.
6. Гаджиев К.С. Политология (базовый курс) [Текст] / К.С. Гаджиев. М., 2011.
7. Глазунова Н.И. Государственное управление как система. М., 2001.
8. Ирхин Ю.В. Политология [Текст] / Ю.В. Ирхин. М., 2007.
9. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. М., 1973.
10. Политология [Текст] / под ред. В.И. Буренко, В.В. Журавлёва. М., 2005.
11. Политология [Текст] / А.Ю. Мельвиль и др. М., 2010.
12. Смирнов Г.Н. Политология: курс лекций [Текст] / Г.Н. Смирнов, Е.Л. Петренко, А.В. Бурсов. М., 2011.
13. Соловьёв А.И. Политология: Политическая теория. Политические технологии [Текст] / А.И. Соловьёв. М., 2010.
14. Тавадов Г.Т. Политология [Текст] / Г.Т. Тавадов. М., 2011.

ПРЕОДОЛЕНИЕ «ВЛАСТИ ДИСКУРСА» В ФЕНОМЕНОЛОГИИ Э. ГУССЕРЛЯ

УДК 165.62

В.Б. СОКОЛ

Столетняя история феноменологического движения показала, что, пожалуй, самой существенной трудностью теоретической и практической реализации метода феноменологии, начиная с момента его зарождения в трудах основателя Э. Гуссерля, является *проблема дискурсивно-лингвистического статуса феноменологической дескрипции*. Всеволод Адольфович Ладов достаточно убедительно демонстрирует «открытость вопроса адекватной языковой игры» феноменологического дискурса и тем самым справедливо ставит «под вопрос» состоятельность феноменологической науки в принципе [1, с. 704]. Мы постараемся показать, что В.А. Ладов убедителен только в границах дискурса, который мы условно обозначим «*онтологическим*», чтобы провести его существенное отличие от дискурса «*гносеологического*», которым в определяющей степени пользовался Гуссерль. Наша окончательная задача в исследовании дискурсивной стороны феноменологического метода — показать феноменологическую ущербность *онтологического* дискурса в пользу демонстрации релевантности дискурса *гносеологического*.

Понятие дискурс (англ. discourse, фр. discours — речь) происходит от латинского слова *discursus* — «рассуждение», «довод», «беседа», «разговор». В свою очередь, слово *discursus* происходит от лат. *discere* — «блуждать», «бегать взад-вперед», «движение», «круговорот». В гносеологии Средних веков дискурс — способ рационального познания в движении от посылок к выводу (как в силлогизме), при этом дискурс противопоставлялся непосредственному, или интуитивному, познанию. В философии французского структурализма 50-х гг. XX в. (К. Леви-Стросса, Ж. Лакана, М. Фуко, Л. Альтюссера и др.) термин вообрал в себя различные оттенки смысла: «текст», «теория», «стилистически окрашенная речь», «логос», «сверхфразовое единство», «социально-упорядоченный механизм порождения речи», «живое осознанное представление текста в опыте пишущих и читающих». В неклассической философии (постструктурализм и др.) продолжилась дальнейшая эксфолиация и диверсификация термина (А.С. Тимошук [7]).

Научно-философское звучание термин «дискурс» в неклассической философии получает, прежде всего и в большей степени,

в работах Мишеля Поля Фуко (1926–1984). Французский историк и философ путем «археологии» знания изучал априорные нормы и правила, которые управляют научно-познавательными системами, в том числе и системой философского знания. Фуко полагал, что знание исторически детерминировано той или иной социальной формой своей организации и распространения, трансляции (в рамках сети «эпистемы»). Причем главное средство дискурсивного генезиса самое радикальное — прямая власть социальных институтов, от которых идет контроль определений тех или иных понятий, категорий, в конце концов, понимание самой «истины». Что касается научно-исследовательской деятельности, «дискурсия», соответственно, — инструмент познания, с абсолютной властью задающий относительные априорные принципы (парадигмы) познания, обусловленные контекстом времени и обстоятельствами той или иной историко-культурной «эпистемы». Следовательно, научное знание, включая «эпистему» философии (в диахроническом срезе этого понятия), не возникает из сущности вещей, поэтому не отражает внутренне присущую им истину. Здесь Фуко прямо перекликается с критикой европейской науки Эдмунда Гуссерля в своем итоговом труде «Кризис европейской науки и трансцендентальная феноменология», где констатирует «диагноз» кризиса как подмену истинных наук о сущностях на науки о фактах. Факты же, увы, по природе своей не отражают сущности вещей, а, напротив, скрывают их. На различии факта и сущности Э. Гуссерль, начиная с 1 тома «Идей...», строит свою новую науку, феноменологию, которая, в отличие от всех предыдущих, по мнению немецкого философа, только и может называться поистине точной наукой [2, с. 37].

Хотя Гуссерль наверняка бы согласился с дискурсивной, историко-эпистемной «ангажированностью» европейской науки, тем не менее, отрицал бы абсолютность дискурсивной «власти», на которой настаивал Фуко. Здесь мы приходим к ключевому положению предпринятого дискурсивного осмысления феноменологии. Наша версия решения обозначенной проблемы дискурсивной нерелевантности феноменологической дескрипции Гуссерля, — наложение друг на друга контрадикторных по своей структуре дискурсивных линий,

которые использовал в своих текстах Гуссерль и которые мы условно обозначили как «*онтологический*» и «*гносеологический*» дискурсы. В этом смысле в сопоставительном контексте с дискурсивной теорией познания Фуко феноменологический замысел Гуссерля нацелен как раз на преодоление «власти дискурса» над научным познанием, что и подразумевается в известном призыве Гуссерля «Назад к вещам!» (то есть к сущностям вещей). Другими словами, феноменологическая редукция подразумевает своеобразный *антидискурс*, призванный преодолеть историческую дискурсивно-эпистемную обусловленность европейской науки и философии. «Власть дискурса» Фуко имеет силу только в границе той когнитивно-познавательной установки, которую Гуссерль назвал наивной «естественной установкой». Соответственно, феноменологическая редукция суть *антидискурс* как инструмент выхода из-под «власти» всякого дискурса в свободную когнитивную сферу чистых сущностей, то есть сферу установки феноменологической. *Антидискурс* «одиноким душевной жизни» [3, с. 46] — результат преодоления сначала онтологического (эйдетическая редукция), затем гносеологического дискурсов (трансцендентально-феноменологическая редукция), специфика которых может быть определена посредством дискурсивного анализа.

В соответствии с современными методологиями дискурсивного анализа (П. Хоппер, С. Томпсон, Е. В. Падучева, Т. ван Дейк, Т. Гивон, Э. Шеглофф, Ф. Бартлетт, А. Н. Баранов и Г. Е. Крейдлин и др.), философское «древо» с самого рождения в размышлениях «досократиков» можно разделить на два дискурсивных ствола: онтологию и гносеологию. Стержневой круг вопросов дискурсивного анализа — изучение структуры дискурса, которую в первом приближении принято условно разделять на *макроструктуру* (или суперструктуру), то есть глобальную структуру, и *микроструктуру*, или локальную структуру. Онтологический и гносеологический дискурсы конгруэнтны в своих *макроструктурах* (поэтому они воспринимаются неким единым философским знанием), но принципиально различны в микроструктурах (по так называемым «*клаузам*»). В соответствии с Т. ван Дейком [4], *макроструктура*, по сути, есть своеобразный «реферат» («резюме») основного содержания дискурса, который в процессе понимания текста выстраивает адресат. В терминах аналитической философии, *макроструктура* охватывает последовательность *макропропозиций*, выводимых из пропозиций исходного дискурса по определенным *макроправилам*, таких как, например, сокращение несущественной

информации, обобщения однотипных пропозиций и т.д. В отличие от *макроструктуры*, микроструктура любого дискурса состоит из минимальных дискурсивных элементов, в качестве которых в большинстве современных подходов принято считать предикации, или *клаузы*. С этой точки зрения, дискурс — это последовательная цепочка клауз. Понятие «клауза» недавно заимствовано из английской грамматической терминологии («*clause*») и характеризует элементарную предикацию в концепции семантической переходности П. Хоппера и С. Томпсона (лингвистический функционализм) [5, с. 276–339]. В противоположность традиционному пониманию грамматической переходности как способности глагола иметь прямое дополнение, Хоппер и Томпсон предполагают, что семантическую переходность характеризует не глагол, а так называемый «элементарный предикат», несущий в себе «смысловую связку» (клауза). Клаузы образуют сложные предложения, соединяясь сочинительной или подчинительной связью, либо интонацией. При этом, если объединение клауз в сложные предложения чрезвычайно изменчиво, то распределение смысловой информации по отдельным клаузам, как показывают психолингвистические эксперименты по воспроизведению вербальной информации, относительно неизменно. Именно поэтому для микроструктурного анализа дискурса понятие предложения оказывается менее значимым, чем понятие клаузы.

В соответствии с известной функционалистской *референциально-ролевой грамматикой* (*role and reference grammar*), предложенной в 1970-е годы и сейчас развиваемой главным образом Р. Д. Ван Валином и его последователями, клауза состоит из нескольких «слоев»: 1) предикат; 2) аргументы; 3) зависимые от предиката элементы и пр. Наиболее важный элемент структуры клаузы — ее информационная структура, которая в соответствии с референциально-ролевой грамматикой включает два основных элемента: 1) *топик*: информация, известная говорящему; 2) *фокус*: информация, добавляемая к топик. Например, в утвердительном предложении фокус — то, что утверждается о топике; в вопросительном предложении фокус — объект вопроса и т.д.

Однако для выстраивания и сопоставления микроструктур онтологического и гносеологического дискурсов недостаточно выделить и охарактеризовать их типологические клаузы без учета специфики связи клауз между собой, поскольку только связность и иерархичность клауз обеспечивает смысловое единство дискурса уже на элементарном уровне. В этом

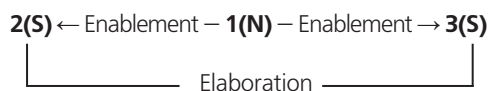
смысле весьма продуктивна известная в дискурсивном анализе *теория риторических структур* (TRC). Разработанная в 1980-е годы американскими лингвистами Уильямом Манном и Сандрой Томпсон, TRC очень быстро была признана эффективной методикой описания структуры дискурса в виде сетей дискурсивных единиц, соединенных семантическими отношениями [9].

TRC основана на гипотезе обязательности взаимосвязи любой единицы дискурса как минимум еще с одной единицей, причем сущность этой связи — семантический эйдос, имманентный дискурсивный смысл, который и назван «риторическим отношением». Термин «риторическое» отнюдь не отсылает к какому-то принципиальному значению, а просто указывает на бессмысленность независимого существования любой единицы дискурса на всех уровнях иерархии дискурса. Каждая единица служит дополнением к другой единице для достижения общей смысловой цели. Единицы дискурса, связанные риторическими отношениями, могут быть разного объема, заполняя все иерархические уровни дискурса по древовидному принципу. Другими словами, одни и те же риторические принципы обеспечивают единство не только микроструктуры дискурса, но и его макроструктуру, обеспечивая смысловую целостность дискурса как исторического социально-культурного феномена. В TRC базовыми понятиями служат *дискурсивная единица* и *отношение*. Соответственно, дискурсивный анализ сводится к делению текста на *дискурсивные единицы*, которые связываются между собой *риторическими отношениями* разных «наборов». Большая часть отношений являются *асимметричными* — из двух объединяемых единиц одна доминирует по значимости (*ядро-N*), другая играет вспомогательную роль (*сателлит-S*). Часто сателлит может быть заменен другим или вообще опущен при сохранении риторического эффекта. В набор отношений могут входить и *симметричные* варианты (объединяют два ядра). Хотя в большинстве случаев риторические отношения *бинарные* (ядро + сателлит), иногда могут быть и многоядерные наборы (объединяют более 2 отношений). Если анализ касается микроструктуры дискурсивной иерархии, то дополнительно различают *элементарную дискурсивную единицу* (*a unit*) или ЭДЕ, в роли которой обычно и служит клауза — элементарная семантическая единица микроструктуры любого дискурса, которая, как указывалось, функционально реализуется в тех или иных риторических отношениях с соседними клаузами, образуя иерархическую древовидную сеть. Подразумевается, что для всех уровней иерархии применяются одни и те же риторические

отношения, которых выделяют около двух-трех десятков. Разновидности бинарных или асимметричных отношений — обеспечение возможности, обоснование, свидетельство и др. Виды многоядерных или симметричных отношений: последовательность, контраст и конъюнкция [10, р. 39–78].

Выберем два отрывка из классических философских текстов, первый послужит типичным примером онтологического дискурса, второй — гносеологического дискурса, и выстроим их микроструктурное древо. Наша задача — определить микроструктурные инварианты (своеобразные дискурсивные матрицы), задающие специфику онтологического и гносеологического дискурсов уже на первом уровне дискурсивной иерархии, то есть в корне единичных риторических отношений элементарных пар клауз.

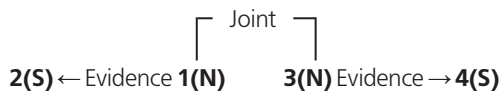
В качестве типичного классического примера онтологического дискурса выберем отрывок текста Парменида: «Ибо то, чего нет, нельзя ни познать, ни изъяснить...» [8, с. 295], в котором можно выделить три клаузы: 1) то, чего нет; 2) нельзя познать; 3) [нельзя] изъяснить. По правилам TRC мы должны прежде всего обратить внимание на две вещи: а) однородные сказуемые образуют отдельные ЭДЕ; б) оба сказуемых задают одно риторическое отношение по направлению к главной клаузе, то есть одно ядро связано с двумя сателлитами (асимметричное, бинарное отношение). Тип риторического отношения в случаях 1–2 и 1–3 ближе к тому, что Манн и Томпсон назвали «Enablement» («обеспечение возможности»). Отношение 2–3 отсылает к семантическому «развитию или детализации» («Elaboration»). Древовидная схема может принять такой вид:

Ядро — «то, чего нет» (Небытие, по Пармениду) — задает смысловое содержание дальнейшего дискурсивного ряда, при этом принимается как *известное* (*топик*, в соответствии с РРГ) — «само собой разумеющееся». Следовательно, здесь фундамирующее и аксиоматически принимаемое смысловое поле прямо связано с проблемой существования/несуществования и поэтому соответственно определяет онтологический тип дискурса. Целевая же установка задаваемой дискурсивной программы — возможность познания — носит уже второстепенный характер (сателлит) и является *фокусом* клаузы онтологического дискурса.

В качестве типичного примера классического гносеологического дискурса нам послужит отрывок Секста Эмпирика: «Мы не сможем сказать, каковым является по природе подлежащее суждению, но только можем сказать, каковым является оно по отношению к данному поведению жизни» [6, с. 14]. Нам понадобится более адекватный «перевод» высказывания Секста с учетом феноменологической специфики современного философского языка: «Мы не можем достоверно знать, какова сущность исследуемого предмета познания, но мы можем знать, как явлен этот предмет по отношению к данному факту окружающего мира». Разделенный на ЭДЕ текст Эмпирика принимает следующий вид: 1) «мы не можем сказать [познать]», 2) «каковым является по природе подлежащее суждению [какова сущность предмета познания]», 3) «мы можем сказать [познать]», 4) «каковым является оно по отношению к данному поведению жизни [как явлен он по отношению к данному факту окружающего мира]». Здесь мы имеем дело с двумя бинарными асимметричными парами клауз, связанными риторическим отношением конъюнкции – «joint» (союз «но» можно заменить союзом «и» без существенного смыслового изменения), то есть в целом двухядерную симметричную микроструктуру. Обе бинарные

пары 1 (N)–2 (S) и 3 (N)–4 (S) связаны отношением «Свидетельство» («Evidence»). Древо микроструктуры текста, соответственно, можно представить следующим образом:

В роли обоих ядер выступают утверждения о возможности/невозможности достоверного познания – и в этом принципиальная характеристика гносеологической микроструктуры: в качестве *топика* (известного) выступает утверждение о достоверности/недостоверности познания, задавая тем самым гносеологическое смысловое наполнение всей последующей дискурсивной практике. Проблема существования/несуществования, соответственно, выступает здесь уже в роли функционально-второстепенной (*сателлит*) и подлежащей исследованию (*фокус*).

Теперь мы готовы дать определение введенных нами понятий *онтологического* и *гносеологического дискурсов* в соответствии с информационными структурами их дискурсивных клауз (апериорный топик и целеполагающий фокус «корня» дискурсивного древа). Более наглядно определение может быть оформлено в следующую таблицу:

	Онтологический дискурс	Гносеологический дискурс
1. <i>Топик</i> – фундирующая смысловая априорная предпосылка, принимаемая в статусе известного знания	<i>Топик</i> – утверждение приоритетности проблемы бытия и сущего как очевидной, «само собой разумеющейся» аксиомы: «что существует и что не существует?»	<i>Топик</i> – утверждение приоритетности проблемы получения достоверного знания; известно только то, что все очевидное знание (как «само собой разумеющееся») сомнительно: «что человек может познать достоверно, а что не может?»
2. Функциональная целенаправленность (<i>фокуса</i>) – уровень пре-реализации: как текст планируется и организуется в соответствии с его целью, а не какими средствами достигается эта цель	<i>Фокус</i> – поиск функциональной организации метода познания сущности и бытия	<i>Фокус</i> – поиск функциональной организации метода получения метода непосредственного восприятия достоверного (несомненного) знания о сущности вещей

По Гуссерлю, интенциональность любого акта сознания предполагает направленность на предмет, но при этом сам этот предмет не принадлежит акту сознания как его *реальная (чувственная)* материя, которая суть

комплекс ощущений, дающихся в явлении предмета («моменты переживаний»), то, что переживается (осознается) [3, с. 324]. Поэтому главная данность феноменологии – это моменты ощущений (переживаний), сам же

предмет, переживаемый в акте, определяющей роли не играет, *проблема его существования или несуществования, соответствия или несоответствия образу восприятия субъектом, определяющего значения не имеют* и должны быть редуцированы, вынесены «в скобки» (феноменологическое эпохэ). Следовательно, в контексте дискурсивного анализа топик приоритетности проблемы существования/несуществования, фундирующей аксиоматическую специфику микроструктуры онтологического дискурса, феноменологическим методом Гуссерля отвергается как нерелевантный цели получения достоверного аподиктического знания. Онтологический дискурс играет в феноменологии Гуссерля исключительно вспомогательную роль, не обладая в своих границах возможностью адекватного семантического наполнения дескрипции феноменологического опыта.

С другой стороны, весь проект феноменологии Гуссерля как строгой науки исходит из изначальной констатации проблемы «нестрогости» всех предшествующих наук, «наивности» их аксиоматических предпосылок, принимающихся «как само собой разумеющееся» («selbstverständlichen»), что в контексте дискурсивного анализа, как мы выяснили, означает фундированность феноменологической дескрипции «корнями» гносеологически дискурсивных микроструктурных клауз. Феноменология, прежде всего, — разоблачение иллюзии «строгой научности» так называемых «точных» наук, в этом ее исходная проблематика, «путеводная нить» к истинно и единственно строгой науке. Эту типичную для гносеологического

дискурса направленность (скептический топик + нацеленность фокуса на поиск несомненных истин) однозначно демонстрируют самые первые слова Гуссерля во введении к «Идеям к чистой феноменологии и феноменологической философии» (том 1): «Чистая феноменология, путь к которой мы здесь ищем, исключительную позицию в отношении всех иных наук характеризуем, в намерении показать ее роль фундаментальной философской науки, — это наука существенно новая, в силу своего принципиального своеобразия далекая от естественного мышления...» [2, с. 17].

Таким образом, феноменологический проект Гуссерля задуман в парадигме микроструктуры гносеологического дискурса. Соответственно, В.А. Ладов в вышеуказанном исследовании совершает принципиальную ошибку, интерпретируя текст Гуссерля в рамках онтологической дискурсивной микроструктуры и, как следствие, «онтологизируя» феноменологическую дескрипцию до «натурализующего» (Ладов) понимания сознания, что, разумеется, свертывает рассуждение назад в естественную установку и таким образом искажает адекватное восприятие феноменологической науки Гуссерля. Следовательно, *метод феноменологической редукции и выход на дескрипцию чистых феноменов как способ освобождения из-под «власти дискурса», вопреки мнению Ладова, все же возможен, однако исключительно в рамках гносеологического дискурса с последующим его преодолением в «одинокой душевной жизни» феноменологического эпохэ (антидискурс).*

1. Блинов А.Л. Аналитическая философия [Текст] / А.Л. Блинов, В.А. Ладов, М.В. Лебедев. М.: РГИУ, 2004. 718 с.
2. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии [Текст] / Э. Гуссерль. Книга первая. М.: Академический Проект, 2009. 489 с.
3. Гуссерль Э. Собр. Соч. Т III (1) / пер. В.И. Молчанова. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. 470 с.
4. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / под ред. В.И. Герасимова. М.: Прогресс, 1989. 310 с.
5. Кибрик А.А., Плунгян В.А. Функционализм // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. М.: Изд. МГУ, 1997. 454 с.
6. Секст Эмпирик. Три книги Пирроновых положений. I 163 // Я.А. Слинин. Трансцендентальный субъект. Феноменологическое исследование. СПб.: Наука, 2001. 525 с.
7. Тимошук А.С. Дискурсивный поворот в межкультурной коммуникации [Текст] / А.С. Тимошук, Е.А. Тимошук // Диалог культур — культура диалога: материалы X юбилейной междунар. науч.-пр. конф. Кострома: КГУ, 2011. С. 338–345.
8. Фрагменты ранних греческих философов. В 2-х частях. Ч. 1. М., 1989.
9. William Mann, and Sandra A. Thompson. Rhetorical structure theory: A theory of text organization. University of Southern California, 1987.
10. William Mann, Christian Matthiessen, and Sandra A. Thompson. Rhetorical structure theory and text analysis. // Discourse Description. Amsterdam: Benjamins, 1992.

ИСТИНА В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ ПОСТМОДЕРНА: ВОЗМОЖНОСТИ ПОИСКА*

Посвящается 25-летию Института философии и права Уральского отделения РАН

УДК 001.5:32

М.А. ФАДЕИЧЕВА

Изменения, происходящие в обществе, приводят к изменениям в науке, причем изменяются ее фундаментальные основания – идеологические и ценностные, методологические и инструментальные, то есть происходит то, что Т. Кун называл научными революциями. В свою очередь, смена научной парадигмы, новые научные открытия и выводы провоцируют социальные изменения. Однако если до недавнего времени можно было выявить и обозначить господствующую, преобладающую парадигму, то в отношении науки постмодерных обществ все чаще говорят о множественности научных парадигм. Более того, стало возможным, что отдельно взятый исследователь может заявить о своем полипарадигмальном подходе. Это означает, что в одном исследовании могут использоваться различные, даже противоречащие друг другу, взаимоисключающие научные идеи и исследовательские принципы. Ситуация подобного рода особенно рельефно проявляется в социально-политических науках, так как именно они в большей степени испытывают на себе влияние социальной реальности.

Природа постмодерных обществ такова, что ее постфордистская экономическая составляющая, где рынок сегментирован в зависимости от сложной, многосоставной социальной структуры, порождает огромное количество субкультур, что позволило А. Тоффлеру говорить о субкультурном взрыве. Кроме того, постмодерные общества – это общества перманентных изменений, при этом скорость изменений чрезвычайно высока: потребительские стандарты, моральные ценности, политическое устройство и прочее неоднократно меняются при жизни одного поколения. Это также существенно влияет на поиск истин науки и на само понимание истины науки. Вопрос «Что есть истина?», сформулированный еще в древности, может быть отнесен к истинно философским, то есть вечным вопросам, так как ответ на него изменяется в соответствии со временем, в которое он

задается. В постмодерне он трансформируется в вопрос «Есть ли истина?». Если со времен Аристотеля ученых занимало установление соответствия знаний действительности, и эта традиция продолжалась в философии Нового времени, сохранялась в современных обществах, то в постмодерне вопрос о соответствии наших знаний действительности для части научного сообщества перестал быть существенным.

В постмодерне исчезает объективная истина. Истина становится контекстной и консенсусной. На смену теории приходят подходы, взгляды, точки зрения, мнения. Научные понятия с их строгой определенностью сменяются концептами, в которые под одним и тем же названием каждый вкладывает свой смысл и содержание.

Таким образом, в постмодерне не только меняется научная парадигма как модель научной деятельности, меняется само предназначение науки, ее понимание как особой деятельности по отысканию истины. Это влечет за собой пересмотр отношения к «организационным формам» науки, то есть того, каким образом прирастает научное знание, какое значение имеет профессиональное научное сообщество для отыскания истины, которой в ее классическом понимании более не существует.

Поиск истины может проходить индивидуально или коллективно, в сообществе ученых. Научная конференция как коллективный способ отыскания истины, представляет собой такую форму развития наук, в особенности социально-политических, когда в процессе коммуникации и интеракции в ходе дискуссий осуществляется приращение научного знания. Традиционная, давно сложившаяся форма в постмодерне меняет свой вид, обрастает новыми форматами, переоформляется. Отношение к этой форме развития науки также меняется, становится неоднозначным в зависимости от принадлежности к той или иной научной субкультуре. Можно выделить, как минимум, три различных подхода или модели

* Статья подготовлена при поддержке программы фундаментальных исследований УрО РАН (научный проект № 12-С-6-1003 «Новые парадигмы социального знания»).

отношения к научной конференции, которые отражают три общие эпистемологические позиции, а именно: скептицизм, агностицизм, гностицизм (в значении «познающий», «знающий»), касающиеся познаваемости мира и возможности установления соответствия знаний действительности. Первую модель можно обозначить как конференц-скептицизм, посредством которого выражается основательное сомнение в пользе и эффективности научных конференций для науки и практики. Это сомнение обосновывается интуитивно определяемым незначительным результатом в приращении научного знания, отсутствием научных открытий на такого рода мероприятиях и разрешается дистанцированием от них. Вторая модель может быть названа конференц-нигилизм, который полностью, абсолютно отрицает значение научных конференций. Конференц-нигилизм может выступать как в отрелесированной форме с приведением аргументов, в которых отрицается сама возможность приращения научного знания вообще, так и в форме неотрелесированного принципиального неучастия в научных конференциях. Третья модель может быть представлена как конференц-гностицизм, признающий значение научных конференций как места консолидации научного сообщества, формирования профессиональной среды, как места появления нового знания и рождения истины. Без этого необходимого условия развития научного знания не только невозможно его приращение, но и не состоятся научные открытия, толчком к которым могут служить идеи, возникшие в ходе конференционных дискуссий. Это обеспечивается не только формальным участием, но означает вовлеченность, приверженность и горячую поддержку научных конференций.

Эти общие тренды проявляются и осуществляются в конкретных случаях, которые могут быть подтверждением каждой из приведенных моделей. Подтверждением истинности и преимуществ третьей модели, конференц-гностицизма, может быть особый кейс – международная научно-практическая конференция «Дискурсология: методология, теория, практика». Первая конференция в рамках этого проекта состоялась в 2006 г. С тех пор конференция проходит ежегодно. В 2011 г. состоялась VI конференция такого формата, что уже является значимым, когда в условиях преходящего и мгновенно текущего постмодерна 5-летие любой структуры или организации признается достижением, отмечается как юбилей и служит формальным

поводом для анализа достигнутых за предыдущие годы результатов и подведения промежуточных итогов. Рассматриваемый в качестве примера проект носит незавершенный характер в силу масштабности объекта исследования и многообразия предметных полей, вовлеченных в круг интересов представителей научного сообщества – участников конференции по дискурсологии. Вполне обоснованно можно утверждать, что формируется сетевое сообщество дискурсологов. Создается научная сеть, где в качестве узловых элементов выступают постоянные участники конференции и вплетаются новые элементы в виде вновь примкнувших ученых. За шесть лет в работе конференции приняло участие порядка шестисот авторов, что подтверждается шестью опубликованными сборниками докладов конференций, два из которых вышли в двух томах. Сборники статей и докладов конференций имеют высокий библиографический статус, снабжены аннотациями, предисловиями, сведениями об авторах, что сокращает их путь к читателю и позволяет продолжать научное общение в пространстве книжного текста.

В формальной логике ссылка на авторитет не считается доказательством и относится к логическим ошибкам. Однако наука модерна признавала авторитет ученого. В постмодерной социально-политической науке меняется не только отношение к истине и организационным формам ее поиска, но и к научным авторитетам. Теперь научный авторитет требует своего перманентного подтверждения. Авторитетный ученый в постмодерне уже не является носителем истины в последней инстанции, но является генератором научных идей и аттрактором людей, имеющих научные идеи. В связи с этим персоналогический подход требует обозначить научные авторитеты и структуры, которые стали организаторами конференции. Данный проект был инициирован Институтом философии и права Уральского отделения Российской академии наук, который возглавляет член-корреспондент РАН, д.юрид.н., профессор В. Н. Руденко, а также Издательским домом «Дискурс-Пи». Конференция по дискурсологии – детище заведующей отделом философии Института философии и права УрО РАН, д.полит.н., профессора О. Ф. Русаковой, о чем, в частности, свидетельствует тот факт, что сборники докладов конференции составлены под ее общей редакцией. Центром притяжения единомышленников – участников конференции стала Международная академия дискурс-исследований (МАДИ), также организованная по идее

и по инициативе О.Ф. Русаковой. Инициатива осталась бы втуне, если бы не была поддержана академическим и университетским сообществом, учреждениями, которые выступили соорганизаторами проекта. К их числу относятся Уральский государственный университет им. А.М. Горького (ныне – Уральский федеральный университет), Уральский государственный университет путей сообщения, Уральская академия государственной службы (ныне – Уральский институт – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы), Гуманитарный университет (г. Екатеринбург), Южно-уральский государственный университет, Тюменский государственный университет, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского. Мероприятия приобрели широкий масштаб и приобрели статус международных, так как состоялись при участии авторов, представивших к публикации свои доклады, – ученых зарубежных университетов и исследовательских центров, к числу которых относятся Стокгольмский университет (Швеция), Александровский институт университета г. Хельсинки (Финляндия), Национальный Автономный университет Мехико, Автономный университет штата Мехико, Национальная школа Антропологии (Мексика). Университетская и академическая наука в глобальном мире имеет вполне определенные географические очертания, это Россия и Мексика, Финляндия и Швеция. Российская география проведения пленарных заседаний, заседаний тематических сессий и круглых столов представлена крупными уральскими и сибирскими городами, известными научными центрами, это Екатеринбург и Челябинск, Тюмень и Омск. Они в свою очередь стали центрами притяжения ученых из тридцати городов Российской Федерации, в том числе из Москвы и Санкт-Петербурга, Перми и Ростова-на-Дону, Казани и Ульяновска, Нижневартовска, Новокузнецка и других.

Мировая социально-политическая наука, неотъемлемой частью которой является российская наука, богата событиями, именами выдающихся теоретиков и памятными датами, значимыми для научного сообщества, охватывающими не только сферы профессиональных интересов ученых, но имеющими отношение к гражданским позициям, личным идеологическим установкам и ценностным ориентациям. Примечательно, что организаторам этих конференций удалось избежать монотонности хронологии, дополнив и обогатив ее идеологией при неизменности темы,

обратить внимание на эпохальные и знаковые события в науке, в социально-политической сфере, в биографии выдающихся мыслителей. Поэтому некоторые из конференций по дискурсологии наряду с названием общей темы, указанием их статуса и обозначением порядкового номера содержат посвящения. Так, например, вторая конференция была посвящена памяти Жана Бодрийяра, третья – 40-летию студенческой революции 1968 г. и корифеям Франкфуртской школы, четвертая – 80-летию Юргена Хабермаса, пятая – памяти Льва Толстого и его идеям ненасильственного сопротивления, что служит данью уважения и признанием авторитета людей и событий в науке.

В рамках конференции имеют место различные форматы, как традиционные, так и новые. В частности, пленарные заседания, тематические сессии и круглые столы, презентации научных журналов и монографий, мастер-классы. Можно обнаружить и обозначить семь сложившихся в рамках конференции принципиально важных для науки и практики общих направлений, вокруг которых были организованы обсуждения, состоявшиеся в научном пространстве тридцати сессий. **Первое направление** посвящено теории и методологии дискурс-исследований, к которому относятся следующие тематические сессии: «Современные теории дискурса», «Разнообразие дискурса», «Дискурсология: теория, методология, практика»; «Теоретико-методологические основы дискурса»; «Теория и практика дискурсологии». **Второе направление** связано с исследованиями дискурса различных идейных течений, что также выразилось в заседаниях тематических сессий, таких как: «Дискурс современной гуманитарной и социально-политической мысли»; «Современное философское мышление: парадигмы и дискурсы»; «Дискурс новых политических идеологий и движений»; «Марксизм и постмодернизм: особенности дискурса»; «Толстой и «толстовство»»; «Дискурс трансгуманизма». **Третье направление** связано с изучением особенностей дискурса различных наук, в частности, политологии, социологии, культурологии, юриспруденции. **Четвертое направление** выявляет особенности дискурса различных социальных и политических феноменов, к которому тяготеют такие сессионные заседания как: «Дискурс инноваций»; «Дискурс социальных процессов и институтов»; «Религиозный дискурс»; «Российский дискурс и метаморфозы демократии»; «Дискурс национальной безопасности»; «Ислам и политика: особенности политического дискурса». **Пятое направление** отражает дискурс явлений

сферы культуры: «Культура как взаимодействие дискурсов»; «Дискурс травелога: образы России и Вьетнама в межкультурном диалоге»; «Туризм и сервис: особенности дискурса»; «Город как дискурс». **Шестое направление** формируется как дискурс идентичности: «Дискурс цивилизационной, этнонациональной и региональной идентичности»; «Дискурс региональной идентичности». **Седьмое направление** относится к проблемам молодежи: «Современный молодежный дискурс»; «Политическая активность российской молодежи: дискурсы и практика».

Темы заседаний круглых столов формулируются весьма экстравагантно, остро актуально, иногда провокационно, что объясняется особенностями этого формата научных мероприятий, а также творческими способностями и богатой фантазией их организаторов: «Дискурс соблазна и соблазн дискурса», «Дискурс экстремизма: проблемы профилактики», «Эстетика политического бунта в новом тысячелетии», «Дискурс молодежных субкультур», «Дискурс ИМК: актуальные проблемы PR-дискурса» «Объективность СМИ в условиях противоречивого общества: послесловия к российско-грузинскому конфликту в августе 2008 г.», «Современная журналистика: новые очертания или кончина профессии».

Значение научных конференций выявляется через функции, которые они призваны выполнять. Однако далеко не все научные конференции оправдывают ожидания участников. Кейс международной научно-практической

конференции «Дискурсология: методология, теория, практика» подтверждает неистребимость *conferentia*, вечного латинского собрания для обсуждения определенных вопросов, и оправдывает свое существование, в полной мере выполняя функции коммуникации специалистов в области гуманитарных, социальных, политических наук, интеграции научного сообщества и аккумуляции научного знания.

Однако постмодерная ситуация в социально-политической науке в организационных формах поиска истины неоднозначна: наряду с успешными кейсами имеются провальные проекты, которые в большинстве своем и служат основанием для скептического и нигилистического отношения, которое экстраполируется на истину как таковую. В действительности скептицизм и нигилизм вообще характерны для революционных, переходных эпох, как в обществе, так и в науке, тогда как периоды контрреволюций и стабильности в большей мере тяготеют к установлению раз и навсегда данного порядка и непреложных истин. Постмодерн — эпоха постоянных изменений, непрерывных революций, следовательно, — эпоха перманентного нигилизма и скептицизма в социально-политической науке. Об этом отчасти свидетельствует даже то, что проблема истины не входит в число модных тем и не является предметом широких научных дискуссий. На вечный вопрос «Что есть истина?» социально-политическая наука в постмодерне не дает ответ, но интерферирует месседж: «Все есть истина».

1. Дискурсология: Методология. Теория. Практика. Доклады Первой Междунар. науч.-практ. конф. [Текст] / под общей ред. О.Ф.Русаковой. 15-16 декабря 2006 г. Екатеринбург : Изд. Дом «Дискурс-Пи», 2006. 172 с.
2. Дискурсология: методология, теория, практика. Доклады Второй междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти Жана Бодрийера [Текст] / под общей ред. О.Ф.Русаковой. 21 ноября – 14 декабря 2007 г. Т.1. Екатеринбург: Изд. Дом «Дискурс-Пи», 2007. 156 с.; Дискурсология: методология, теория, практика. Доклады Второй Междунар. Науч.-практ. конф., посвященной памяти Жана Бодрийера [Текст] / под общей ред. О.Ф.Русаковой. 21 ноября – 14 декабря 2007 г. Т. 2. Екатеринбург : Изд. Дом «Дискурс-Пи», 2007. 212 с.
3. Дискурсология: методология, теория, практика. Доклады Третьей междунар. науч.-практ. конф., посвященной 40-летию студенческой революции 1969 г. и корифеям Франкфуртской школы [Текст] / под общей ред. О.Ф.Русаковой. 2 окт. – 19 дек. 2008 г. Т.1. Екатеринбург: Изд. Дом «Дискурс-Пи», 2008. 228 с.; Дискурсология: методология, теория, практика: доклады Третьей междунар. науч.-практ. конф. посвященной 40-летию студенческой революции 1969 г. и корифеям Франкфуртской школы [Текст] / под общей ред. О.Ф.Русаковой, В.Е.Хвощева, М.А.Мальшева. 2 окт. – 19 дек. 2008 г. Россия-Мексика – Екатеринбург, Челябинск: Изд. Дом «Дискурс-Пи», Изд-во ЮУрГУ, 2009. Т.2. 381с.;
4. Дискурсология: методология, теория, практика (Discursologia: metodologia, teoria, practica): доклады четвертой междунар. науч.-практ. конф.; ноябрь – декабрь 2009 года. Россия-Мексика [Текст] / под общей ред. М.А. Мальшева, О.Ф.Русаковой, В.Е.Хвощева. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2010. 552 с.
5. Дискурсология: методология, теория, практика: доклады Пятой междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти Льва Николаевича Толстого и его идеям ненасильственного сопротивления. 19–20 ноября 2010 года. Россия-Мексика [Текст] / под общей ред. М.А. Мальшева и В.Е. Хвощева. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ; Изд-во НОЦ «КПОН», 2011. 448 с.
6. Кун Т. Структура научных революций. М. : Прогресс, 1977. 300 с.
7. Тоффлер А. Футуршок. СПб. : Лань, 1997. 464 с.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

УДК 140.8

А.Н. ЛУКИН

Несомненно, политическое лидерство может быть рассмотрено как социально-психологический феномен. На это указывали многие его исследователи. В отечественной традиции над этой проблематикой работали Г.Г. Дилигенский, И.Г. Дубов, Л.Я. Гозман, Л.В. Ольшанский, М.И. Медведев, С.Р. Пантеев, В.П. Пешков, С.С. Сокол, П.В. Соломка, В.А. Фролов, Е.Б. Шестопал, А.И. Юрьев и др. На наш взгляд, понимание психологических механизмов возникновения лидерства существенно дополняет системный подход к рассмотрению этого феномена. По мере усложнения системной организации общества все, что было присуще социуму на более низких уровнях организации, не исчезает. Напротив, это становится основой появления новых свойств, черт, признаков, функций.

Для биологизаторского подхода к рассмотрению лидерства характерно рассмотрение этого феномена по аналогии с животным миром, где биологически целесообразно наличие в стаде вожака. Он доминирует над окружением благодаря своей агрессивности. Вожак отличается крупными размерами, силой, сексуальной привлекательностью. Свою особую позицию он завоевывает в острой конкурентной борьбе. Такой лидер является носителем самой эффективной биологической программы, которая передается его потомству. Привилегированное положение вожака вписывается в механизм естественного отбора. В начале 20-го века отечественный психолог В.А. Вагнер считал, что существует особый, «вожаческий», тип людей, характеризующийся эгоизмом, повышенной половой функцией и честолюбием. Большинство же людей неспособны быть лидерами. Таким образом, согласно биологизаторскому подходу, лидерство закладывается в биологической программе только некоторых индивидов, а у всех остальных такие психологические качества отсутствуют.

Наиболее близко к биологизаторскому подходу находятся представления о политическом лидере как о сильной личности конкурентного типа. Среди других здесь можно выделить Н. Макиавелли, Ф. Ницше, представителей так называемого «героического» направления в психологии, которые описывали лидера как личность, обладающую особой духовной энергией (Ч. Ламброзо, Т. Карлейль, Ф. Гальтон, С. Сигеле, Г. Тард, Г. Лебон и др.). К недостаткам конкурентной модели политического лидера

стоит отнести тот факт, что ее сторонники из-за акцента на характеристике личных качеств политических лидеров, их оптимального поведения для сохранения власти недостаточно глубоко исследуют функциональную целесообразность лидерства для социума в целом.

С определенной натяжкой к конкурентной модели политического лидерства можно отнести «теорию черт», в рамках которой осуществлена попытка выделить психологические черты (впрочем, не только психологические) политического лидера: возраст, вес, рост, телосложение, внешний вид, доминантность, агрессивность, энергетический потенциал, уверенность в себе, стремление к власти, коммуникативные, интеллектуальные и альтруистические качества и т.д. Тот факт, что разные авторы получили противоречивые результаты, свидетельствует о том, что нельзя создать психологическую модель универсального политического лидера. Разные исторические ситуации, культурные традиции, социальные вызовы требуют, на наш взгляд, разного стиля политического лидерства. Вне этого очевидного для системного подхода положения описание лидера теряет всякую научную целесообразность.

Среди известных лидерских качеств нет таких, которые нельзя было бы развить в процессе становления и развития личности. Конечно, они базируются на природных задатках, но не являются чем-то окончательно данным человеку от рождения. Таким образом, лидерами не столько рождаются, сколько становятся в результате сложных процессов социализации и инкультурации.

Ограниченность «теории черт» пытается преодолеть ситуационный подход. Так, Хартли делал акцент на том, что лидером человек становится только в определенной ситуации, которой он соответствует и в которой он проявляет себя в выгодном ракурсе. После этого он начинает восприниматься общественным сознанием лидером «вообще». Однако социальная динамика может сделать прежнего лидера не соответствующим вызовам времени. Тем не менее, лидер еще долго может удерживать свою позицию, даже будучи уже дисфункциональным по отношению к социальной системе.

В мотивационно-целевой теории М. Эванса — Р. Хауза лидерский стиль управления рассматривается как компенсационный по отношению к ситуации и позволяющий эффективно

достигнуть групповой цели. Согласно этой теории, лидерство перестает быть лишь способом достижения целей руководителя. Напротив, жертвуя своим статусом, рядовые члены организации получают в качестве компенсации то, что лидер будет работать на всю организацию, а значит, и на каждого его члена. При этом выигрывает как лидер (он получает высокий статус и привилегии), так и его последователи. Авторы вплотную подходят к рассмотрению лидерства как психологического механизма достижения более высокого уровня организации социальной группы, что позволяет продуктивно решать все более сложные коллективные задачи и значительно увеличивает эффективность функционирования системы.

Сторонник так называемой «теории обмена» Т. Джекобс отстаивал идею, согласно которой группа предоставляет статус лидера одному из своих членов в обмен на его особый вклад в достижение групповой цели. В этом случае происходит справедливый обмен между лидером и последователями, так как каждая сторона удовлетворяет ожидания другой. К недостатку данной теории следует отнести то, что часто лидер выдвигается не членами социальной группы, а назначается извне. Однако если идеи Т. Джекобса применить к политической сфере в условиях современной демократии, то, на наш взгляд, они окажутся весьма продуктивными. Идеальный политический лидер, пользующийся поддержкой масс, должен постоянно оправдывать их ожидания конкретными результатами в социальной сфере, в экономике, внешней политике и т. д. В противном случае его популярность и поддержка избирателей будут неумолимо снижаться.

В когнитивистской атрибутивной лидерологии (А. Браймен, Ш. Весс, Р. Лорд, Дж. Филипс и др.) отмечается тот факт, что в подсознании отдельного индивида присутствуют имплицитные представления о лидере в виде когнитивных схем, интерпретирующих поведение лидера и приписывающие ему определенные мотивы и личностные качества. Только при соответствии руководителя этой модели он воспринимается как лидер. К недостаткам этой теории можно отнести наличие множества «когнитивных схем» в любом социуме, так как трудно представить себе наличие у всех некоей универсальной модели лидера. Хотя, несомненно, в каждом культурном типе, преобладают свои представления об идеальном лидере. Это связано с определенными историческими традициями. Неслучайно команды имиджмейкеров учитывают эти психологические ожидания масс. Так, на Украине ради повышения популярности

среди избирателей Ю. Тимошенко существенно изменила свой имидж, став обладательницей русской косы, заплетенной по национальным традициям.

Автор диадического подхода Г. Грэн и его последователи Т. Минами, Д. Оррис, Т. Джонсон и др. выдвинули предположение о том, что лидер строит отношения со своими подчиненными дифференцированно. Сторонники этого подхода убеждены в том, что лидерство и власть различаются между собой. Лидерство, по их мнению, — это процесс исполнения роли, а власть — это средство, с помощью которого можно подчинить массы своей воле. Лидер по-разному строит отношения с «ин-группой» и с «аут-группой». В «ин-группу» входит небольшое по составу ближайшее окружение, которое составляют сторонники лидера. В «аут-группу» попадают те, кто не разделяет стремления и взгляды лидера. С первой группой лидер выстраивает искренние доверительные отношения, а со второй ограничивается формальными связями, обусловленными контрактом и должностью. Лидер связан с первой группой общими ценностями и целями. Он и его последователи на этом уровне отношений обмениваются выгодами: большим статусом, влиянием, наградами со стороны лидера и усердной работой, выходящей за узкие рамки формального исполнения обязанностей со стороны последователей. С «аут-группой» лидер ведет себя жестко, пресекая малейшие попытки сопротивления. Таким образом, в одном руководителе должны сочетаться качества конкурентного и корпоративного лидера. Нам представляется, что чем больше масштаб политического лидера, тем в большей степени он должен сочетать эти качества. Даже самый популярный лидер должен быть готов пресечь деструктивные действия противников его курса, если они несут угрозу целостности системы.

Отдельно западными специалистами исследовалось так называемое харизматическое лидерство. Так, М. Вебер считал, что современное лидерство пришло на смену традиционному. В прошлые времена лидерство основывалось на традициях (отбор проходил по принципу «крови»). Наступает время тех руководителей, кто обладает харизмой, — это индивидуальная черта или достоинство, благодаря которому лидеры выделяются среди обычных людей. Харизматический лидер, по М. Веберу, обладает особой природой, сверхчеловеческими или, по крайней мере, особыми, необычными, исключительными качествами. Это некий шарм или магнетизм, благодаря которому последователи находятся под обаянием лидера, а тот

способен завоевать их преданность. Так лидер получает социальное признание. А само лидерство становится не только психологическим, но и социальным феноменом.

Согласие масс принять в условиях кризиса жесткого лидера объясняется также процессом «архаизации» общественного сознания в сложных социальных условиях. Это является результатом «следования субъекта культурным программам, которые исторически сложились в пластах культуры, сформировавшихся в более простых условиях и не отвечающих сегодня возрастающей сложности мира, характеру и масштабам опасностей. Архаизация выступает как форма регресса, в которой программы деятельности носят специфический для догосударственного общества характер... с господством чисто локальных миров, где отношения основаны на эмоциях людей..., не знавших развития как культурной ценности» [1, с. 89].

Исследования показывают, что общество, личность могут отвечать на кризисную ситуацию, на опасности, либо вырабатывая инновационную идею, открывающую новые творческие возможности (это ведет к повышению гражданской активности масс), либо возвращаясь к старым идеям, оправдавшим себя во времена прошлых кризисов. Общеисторический смысл решений первого типа – в стремлении людей повышать эффективность собственной деятельности в соответствии с возрастающей сложностью подлежащих разрешению проблем. Смысл решений второго типа заключается в том, что усложнение проблем соответствующего субъекта не рождает адекватного творческого потенциала. Субъект находится во власти исторического опыта, сложившегося в более простых условиях, и, следовательно, опирается на неэффективные, неадекватные новой ситуации решения.

Различие этих векторов решений развития культуры в процессе усложнения проблем можно, по мнению А. С. Ахиезера, свести к дуальной оппозиции: 1) «ориентация субъекта на собственное воспроизводство в соответствии с исторически сложившимся идеалом»; 2) «ориентация субъекта на воспроизводство на основе повышения эффективности своей деятельности, поиска нового, все более эффективного идеала».

Развитые формы демократии – это результат усложнения общества, его самоорганизации, нового распределения функций между элементами системы, налаживания обратной связи между управленческой и иными подсистемами. Возрождающееся же в некоторых сложных исторических условиях лидерство конкурентного типа рассматривается как

проявление архаизации в поведении населения, как его реакция на незнакомую ситуацию. Глубокие основы архаизации заключаются в том, что, например, в российском обществе на протяжении почти всей истории люди отвечали на вызовы истории, в частности на попытки реформ, не на языке диалога, но, скорее, на языке насилия, бунтом, попытками сломить источники угроз, прежде всего государство. Второй вариант ответа – проявление покорности жесткому национальному лидеру, на которого возлагается надежда масс. Он берет на себя ответственность за реформы, а массы слепо и покорно следуют за ним. В этом случае лидер на долгий срок получает большой кредит доверия.

Таким образом, возрождение конкурентного лидерства как архаизация – это реакция части населения на усложнение социальной системы и социальной жизни путем «соскальзывания» на тип поведения, укорененный в ментальном слое культуры, в ее архетипах, в коллективном бессознательном. Такое поведение не является адекватным ответом на вызовы новой исторической ситуации и требует своего преодоления.

Б. Басс разделяет лидерство на транзакционное, которое характерно для относительно простых организаций, и трансформационное. В первом варианте лидер устанавливает правила выгодного обмена со своими последователями (транзакции), используя поощрения и наказания. Трансформационный лидер ориентирован на создание долговременных отношений. Он стремится преобразовать (трансформировать) систему. Его предназначение в том, чтобы изменить систему ценностей, взглядов, целей (либо предвидеть и использовать их объективные изменения). Лидер так трансформирует общественное сознание, что люди начинают воспринимать цели организации как свои собственные. Нам представляется, что успешный политический лидер должен ориентироваться на трансформационный стиль поведения. Он должен не только обладать определенной харизмой, но должен также внушать последователям энтузиазм и оптимистический взгляд на будущее. Такой лидер должен проявлять заботу о последователях, формировать у них чувство безопасности. Для более эффективного функционирования он создает команду единомышленников.

Исследования Б. Басса и его последователей, проведенные ими в различных организациях, позволили ученым сделать вывод о том, что трансформационный лидер имеет неоспоримое преимущество перед транзакционным

за счет того, что ему удается ориентировать последователей на сверхдостижения организации. Согласно социологическим исследованиям, трансформационные лидеры оцениваются выше и подчиненными, и начальниками.

Ряд западных психологов, в частности, А. Залезник, Дж. Клейг и др., видят отличие лидера от простого руководителя в его творческих способностях. Менеджер действует академично, он хорош для стационарной системы. Лидер находится в постоянном поиске нового. Он легко перестраивается в условиях изменения ситуации.

Взгляды американских психологов оказались прямо противоположны мнению японского исследователя Ж. Нейсуми, который главной функцией лидера считает сохранение социальной стабильности группы, а не новаторство. Здесь мы встречаем не просто различие во взглядах ученых. Важно то, что они опирались в своих исследованиях на различную эмпирическую базу. На наш взгляд, нельзя игнорировать культурные традиции при исследовании политического лидерства. В данном случае американский стиль лидерства, как оказалось, не соответствует японской ментальности. Поэтому рекомендации зарубежных исследователей лидерства могут быть использованы в другом культурном типе только при условии учета конкретных традиций и ментальности населения. Наряду с общими чертами лидерство в разных культурных традициях имеет и свою несомненную специфику. П. А. Сорокин, исследуя условия возникновения и распада коллективных единств, писал о процессе становления функционально-целевого согласия: «Люди, поставленные в необходимость жить совместно, волей-неволей должны выработать какой-либо порядок существования. Никакая продолжительная совместная жизнь их невозможна, если их отношения сегодня будут одни, завтра другие, если каждый из людей не будет знать, что он должен делать, как должен относиться к другим людям, на что он имеет право и что он обязан делать... Люди постепенно приспособлялись друг к другу. Определенные взаимоотношения чаще и чаще повторялись. Повторявшиеся взаимоотношения становились привычными. Привычные поступки становились с течением времени обычаем. Соблюдение обычая постепенно делалось обязательным правилом. От каждого члена стали требовать, чтобы он поступал «по обычаю», «как все»... Кто не соблюдал обычая, того принуждали соблюдать или наказывали. Обычай... превращался в юридическое право. Совокупность юридических правил, указывающих надлежащее поведение... составлял социально-правовой институт...

Совокупность таких институтов любой группы составляет ее социально-правовую организацию» [3, с. 40–41].

Исследование П. Сорокина позволяет сделать вывод об укорененности распределения социальных ролей в культуре, в ее ментальном слое. Политическое лидерство как социокультурный феномен основывается на традициях культуры конкретного социума, иерархии ее смыслов, норм и ценностей. Но ментальный слой культуры обладает большой стабильностью. Он не реагирует мгновенно своим изменением на все перемены в обществе. Поэтому сложившиеся формы политического лидерства, будучи укорененными в ментальности народа, не меняются автоматически при переходе к развитой демократии. Политическое лидерство должно пройти определенные стадии своего изменения, должны выработаться, постепенно войти в привычку и стать традициями новые формы поведения масс.

Политическое лидерство на протяжении тысячелетий выполняло важнейшую функцию обеспечения высокой степени иерархичности и неравновесности социальной системы, что является необходимым условием существования и развития общества. Только в условиях развитой демократии отпала необходимость в конкурентной жесткой форме лидерства. Более того, в старом виде оно становится дисфункциональным. Но ничто из того, что укоренено в ментальном слое культуры, не может быть изменено слишком быстро.

Наши выводы подтверждаются исследованиями П. Бергмана и Т. Лукмана, которые, рассматривая становление институционального порядка, считают, что он происходит через «опривычивание», формирование обычаев, «схем типизации», образцов действия. Типизируются те действия, которые релевантны для субъектов взаимодействия в соответствующей ситуации. Психологическим последствием опривычивания становится уменьшение различных выборов. «Даже альтернативным вариантам поведения можно придать стандартные значения» [2, с. 91].

Стандартизация социального поведения и действия, с одной стороны, ограничивает возможности свободного выбора личности и порождает социальную зависимость, с другой — обеспечивает прогнозируемость, а следовательно, и устойчивость, типизацию поведения и действия.

Действия и образцы поведения становятся привычными лишь потому, что люди соглашаются с тем, что именно эти действия и образцы поведения обеспечивают устойчивое

и стабильное функционирование и развитие общества, дают уверенность в завтрашнем дне. Полезность проявления активности одних элементов социума при пассивности других многократно подтверждалась историей народов.

Отбор и закрепление образцов поведения и действия осуществляется с позиции их значимости и важности в первую очередь для выживания и существования общества, а не отдельного человека. В свете этого политическое лидерство как неизменный спутник социальных отношений — явление неслучайное. Это вынужденная «жертва» со стороны многих индивидов и социальных групп ради блага целого социального организма, ради структурно — функционального согласия, которое формируется в процессе совместной деятельности людей, когда происходит естественное распределение обязанностей, закрепляемых как функции. Усложнение социальной жизни приводит к усложнению функций и необходимости их группировки и соответственно формированию определенной социальной структуры. При этом одни элементы социальной структуры берут на себя роль управления социумом и проявляют при этом высокие лидерские способности, в то время как многие другие в большей или меньшей степени пассивны.

Функционально-ролевое согласие складывается по мере того как стандартные, типичные социальные действия закрепляются в социальных функциях. Функция реализуется через социальную роль. Социальная роль — это совокупность требований, предъявляемых объектом к лицам, занимающим определенные социальные позиции. Социальному субъекту отводится определенная роль в обществе, которая исторически и культурно предполагает свою меру активности и пассивности в той или иной сфере деятельности. Она им осознается, осваивается и реализуется.

Политическое лидерство выполняет полезную функцию для социума, когда оно одновременно задано формальным порядком, культурными традициями и не противоречит иерархии ценностей, смыслов и норм индивидуального сознания. При переходе к развитым

формам демократии утрачивается функциональная целесообразность прежних форм жесткого политического лидерства конкурентного типа. Однако остается его укорененность в культуре, в индивидуальном сознании. Это противоречие не может быть преодолено слишком быстро. Ситуация требует целенаправленной деятельности субъектов политической жизни на изменение не только ролевого, формально-нормативного статуса элементов социальной системы, но и ментального пласта культуры.

А. Бандура, Ч. Менз и Г. Симз сформулировали концепцию «суперлидерства», согласно которой наступает время лидеров нового типа, которые будут не столько контролировать подчиненных, сколько формировать у них качество «само-лидера». Суперлидер побуждает своих подчиненных ставить собственные цели, учит их не бояться совершать ошибки и использовать их как уроки на пути к успеху. К недостаткам концепции «суперлидерства» следует отнести то, что данная модель эффективно действует только при условии высокой индивидуальной мотивации рядовых членов группы к личностному росту в пределах своей организации.

Проведенный анализ различных взглядов на психологическую природу лидерства позволяет сделать вывод о постепенном смещении взглядов об эффективном лидере от жесткого, авторитарного, эгоистического, агрессивного диктатора, подавляющего сопротивление масс ради достижения целей организации (или даже своих эгоистичных целей), к демократическому благородному наставнику, создающему благоприятную обстановку для максимально полного раскрытия творческого потенциала всех членов социума.

Тем не менее, на эффективность поведения лидера оказывает конкретная ситуация. В кризисной ситуации более продуктивен авторитарный лидер, в то время как в других условиях требуется демократичный корпоративный лидер. В сложноорганизованной многоуровневой иерархической системе лидер должен быть в готовности вести себя по-разному с поддерживающим его окружением и с противостоящими ему элементами.

1. Ахиезер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема. [Текст] // Общественные науки и современность. — 2001. — № 2. — С. 89.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование действительности: Трактат по социологии знания. [Текст] / П. Бергер, П. Лукман. М. : Akademia-Центр, Медиум, 1995.
3. Сорокин П. Общедоступный учебник по социологии [Текст] / П. Сорокин. М. : Наука, 1994.

В. В. РОЗАНОВ О ВЛИЯНИИ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА НА ВОСПРИЯТИЕ ВЛАСТИ ОБЩЕСТВОМ

УДК 141.7

А. П. ЕРМОЛЮК

Всякий исследователь, приступающий к изучению жизни и творчества В. В. Розанова, сталкивается с двумя взаимосвязанными моментами: кажущейся беспринципностью мыслителя и отсутствием системы в его философских воззрениях. Известно, что Василий Васильевич был сотрудником консервативной газеты «Новое время», но это не мешало ему параллельно публиковаться в изданиях либерального толка. Неудивительно, что при жизни В. В. Розанов обладал репутацией двурешника и циника. Но уже многие его современники, а тем более позднейшие исследователи стали усматривать за кажущейся поверхностностью и непоследовательностью определённую цельность и глубину. Реконструкция мировоззрения В. В. Розанова — задача, решение которой представляет для историков философии значительную сложность. В. В. Зеньковский писал, что у В. В. Розанова было достаточно цельное мировоззрение, но розановская манера письма очень затрудняет раскрытие внутреннего единства, свойственного творчеству мыслителя.

Следует сказать, что разноречивость суждений и оценок практически не способна помешать изучению отношения мыслителя к литературе. На наш взгляд, розановские оценки влияния русской художественной литературы и публицистики на восприятие власти обществом весьма последовательны и однозначны.

Следует отметить, что эта проблема относится к числу слабо разработанных в розановедении. Патриарх историко-философского жанра В. В. Зеньковский, посвятив в своём обзорном труде В. В. Розанову несколько десятков страниц, об оценке этим мыслителем литературы не пишет вовсе. С. В. Пишун, глубоко изучавший социальную философию В. В. Розанова, упоминает и о том, что Василий Васильевич высоко оценивал общественную значимость печатного слова и указывал, что оно не только «освещает и собирает факты», но также рождает мысли и настроения [5, с. 109]. Вместе с тем, это положение остаётся у С. В. Пишуна не детализированным.

Историк философии Л. А. Шульгина отмечает, что Розанов, во-первых, рассматривал русскую литературу как барометр духовных и социальных исканий своего времени,

во-вторых, признавал её влияние на формирование русского мировоззрения наряду с академической философией и богословием [16, с. 49]. Но подробного анализа этого влияния Л. А. Шульгина также не даёт.

Специалист по философии образования А. И. Павленко подметил важнейшую особенность розановского восприятия литературы: «Литература предопределяет историю, а не наоборот» [4, с. 61]. Убеждённость В. В. Розанова в том, что литература может влиять на общество, отмечали также А. А. Голубкова [1] и К. И. Горбач [2]. А. А. Голубкова анализирует место литературы в системе ценностей В. В. Розанова и приходит к выводу, что мыслитель отказывался применять к литературе чисто эстетический критерий и был склонен рассматривать её сквозь призму политического. К. И. Горбач отмечает, что для В. В. Розанова, считавшего революцию главной угрозой мироустройству России, русская классическая литература являлась «рекламой революции» [2, с. 111].

Внимание В. В. Розанова к литературе, с точки зрения его биографа А. Н. Николюкина, объясняется тем, что крупнейшие российские мыслители — Достоевский, Толстой, Леонтьев и многие другие — «воплощали в себе литературу и философию одновременно» [3, с. 12]. Здесь, напоминает А. Н. Николюкин, отразился тот факт, что в России философия долгое время не была самостоятельной дисциплиной, а развивалась прежде всего в литературе.

Работы Розанова демонстрируют, что он считал роль литературы в современном ему обществе очень значительной.

Будучи мощным каналом воздействия на общественное сознание, литература может принести обществу пользу, а может и колоссальный вред. И, пожалуй, наибольшую, по мнению В. В. Розанова, опасность она представляет тогда, когда содействует складыванию предвзятых отношения к государственной власти.

Что касается России, тревожные симптомы В. В. Розанов подмечал уже литературе в XVIII веке. Так, признавая несомненную одарённость Д. И. Фонвизина, В. В. Розанов считал его яркие комедии «Недоросль» и «Бригадир» «пристрастными и неверными в тоне, в освещении, в понимании». Эту пристрастность

мыслитель объяснял высокомерием Д. И. Фонвизина и полагал, что, несмотря на близость драматурга к высшим кругам, его комедии подрывали доверие к Российской Империи и тем, кто призван её защищать: «“Недоросли” глубокой провинциальной России несли ранец в итальянском походе Суворова, с ним усмиряли Польшу; а “бригадиры” командовали в этих войсках. Каковы они были? Верить ли Суворову или Фонвизину?» [10, с. 332].

Современники Д. И. Фонвизина Н. И. Новиков и А. Н. Радищев подвергались в работах В. В. Розанова аналогичной критике. По мнению мыслителя, лишь то обстоятельство, что их труды были относительно малоизвестны, спасло Россию от поражения в Отечественной войне 1812 года: «Есть несвоевременные слова. К ним относятся Новиков и Радищев. Они говорили правду, и высокую человеческую правду. Однако если бы эта “правда” расплодилась в десятках и сотнях тысяч листов, брошюр, книжек, журналов по лицу русской земли, — доползла бы до Пензы, до Тамбова, Тулы, обняла бы Москву и Петербург, то пензенцы и туляки, смоляне и псковичи не имели бы духа отразить Наполеона» [9, с. 202]. Распространение свободомыслия, пусть и основанное на глубоких и искренних человеческих убеждениях, пошло бы во вред монархическому государству, апологетом которого был В. В. Розанов.

Из писателей XIX века наибольшего внимания В. В. Розанова удостоился Н. В. Гоголь, анализ его творчества в трудах мыслителя занимает особое место. Василий Васильевич рассматривал Н. В. Гоголя как одну из центральных фигур в русской литературе, основоположника «отрицательного» направления — направления, в наибольшей мере способствовавшего распространению оппозиционных политических взглядов. Д. И. Фонвизин, Н. И. Новиков и А. Н. Радищев были известны лишь в дворянских кругах, поэтому их свободомысленные высказывания не были столь опасными для государства. А вот произведения Н. В. Гоголя, получившие широкую известность, по мнению В. В. Розанова, сыграли колоссальную роль в подрыве авторитета власти и распространении антиправительственных настроений. В. В. Розанов писал, что «ни один политик и ни один политический писатель в мире не произвел в “политике” так много, как Гоголь» [10, с. 325].

Более всего В. В. Розанова не устраивала карикатурность в изображении русской действительности, а также мощный заряд социального пессимизма и безысходности, который, по мнению мыслителя, несут гоголевские произведения. Интересно, что, характеризуя

творчество писателя, Василий Васильевич неоднократно обращался к образу смерти: «Под разразившейся грозой “Мертвых душ” вся Русь присела, съежилась, озябла... Вдруг стало ужасно холодно, как в гробу около мертвеца... Вот и черви ползают везде...» [7], — или в другом месте: «Мертвым взглядом посмотрел Гоголь на жизнь, и мертвые души только увидел он в ней. Совсем не отразил действительность он в своих произведениях, но только с изумительным мастерством нарисовал ряд карикатур на нее: от этого-то и запоминаются они так, как не могут запомниться никакие живые образы» [8, с. 51].

Неприглядное изображение русской действительности у Н. В. Гоголя, по мнению В. В. Розанова, дурно влияло на общественное сознание, фактически оправдывая действия, направленные на подрыв российского государства: «За Гоголем все. Тоска. Недоумение. Злоба, много злобы. “Лишние люди”. Тоскующие люди. Дурные люди. Все врозь. “Тащи нашу монархию в разные стороны”. — “Эй, Ванька: ты чего застоялся, тащи! Другой минуты не будет”» [9, с. 228].

Огромное, с точки зрения Розанова, влияние оказал Н. В. Гоголь и на последующую литературу и публицистику: «Гоголь, — так-таки решительно без мысли, не только у героев своих, но и у себя, если не считать “Размышлений о Божественной Литургии” и писем к калужской губернаторше Смирновой, — толкнул всю Русь к громаде мысли, к необычайному умственному движению, болью им нанесенною, ударом, толчком. Сейчас за ним пошли не формальные, слабые, глиняные, сравнительно антихудожественные Рудины, Лежневы, Базаровы, пошли Рахметовы и Кирсановы, выбежал Чернышевский, выскочила “Вера Павловна” (в “Что делать?”) — все это — слабо, ничтожно, все не изваяно. Но вот в чем суть: все думают, все стараются думать. Вся Русь “потянулась из жил”, чтобы убежать от мертвых червяков Гоголя» [7].

Как видно из приведённого высказывания, демократическая литература второй половины XIX века оценивалась В. В. Розановым преимущественно отрицательно. Он находил для неё весьма хлёсткие сравнения: «Отвратительная гнойная муха — не на рогах, а на спине быка, везущего тяжелый воз, — вот наша публицистика, и Чернышевский, и Благодетель: кусающие спину быку» [10, с. 435]. Искажённое представление о русской действительности у молодёжи, сложившееся под влиянием писателей и публицистов, практически исключало формирование у подрастающего поколения патриотизма и любви к Отечеству. «После Гоголя,

Некрасова и Щедрина совершенно невозможен никакой энтузиазм в России. Мог быть только энтузиазм к разрушению России». Энтузиазмом последнего типа заражали умы «господа “Современника”, “Отечественных записок” и “Русского богатства”» [12].

В целом В. В. Розанов возлагает на русскую литературу XIX века историческую вину за крушение Российской Империи и революционное упразднение монархической формы правления: «Литература, которая была “смертью своего отечества”. Этого ни единому историку никогда не могло вообразиться. Но между тем совершенно реальна эта особенность, что “ни одной поломки корабля” и “порчи машины” нельзя указать без ее “литературного источника”» [15, с. 374–375].

При этом принципиальным представляется отказ В. В. Розанова признавать «отрицательную» литературу реалистической. К примеру, преднамеренно гиперболизированные образы гоголевских взяточников и казнокрадов «передовая интеллигенция» воспринимала буквально. По выражению Розанова, «“воробей слова” был гораздо гниlostнее, нежели “пугало действительности”» [14]. Однако авторитет умозрительных идей, высказывавшихся «властителями дум», был настолько велик, что именно с ними, а не с реальными потребностями общества, радикально настроенная интеллигенция соизмеряла действия власти: «Да разве не было случая, когда травили великого государя, освободителя крестьян, за то, что он “не дошел до той высоты мысли Чернышевского” и в реформах сообразился с нуждами России, а не “с мыслями Чернышевского”» [13, с. 129], — пишет Розанов. После постоянной трансляции идеи о сугубо бедственном положении России, «как же удивляться, что всякий русский с 16-ти лет пристает к партии “ниспровержения государственного строя”», — вопрошает Розанов [10, с. 400–401].

Несколько упрощая, можно сказать, что, по мысли В. В. Розанова, для многих представителей образованного слоя книжная реальность оказалась живее и убедительнее, нежели подлинная социальная реальность. Но как это произошло? Как могло случиться, что, по афористическому выражению мыслителя, «Афродита Милосская затмила живых женщин»? В. В. Розанов указывал две причины.

Во-первых, это литературное мастерство писателей «отрицательного» направления. Говоря о розановской критике литературы, следует подчеркнуть: мыслитель не считал произведения русских писателей и публицистов бесталанными. Напротив, он часто восхищался

совершенством литературных форм, к примеру, работ Н. В. Гоголя. Однако парадоксальным образом это лишь усиливало общее неприятие их творчества, поскольку блеск стили и совершенство форм лишь усиливало заложенный в нём деструктивный заряд, придавало большую убедительность пагубным идеям, имевшимся в них. «От декабристов до нас литературу русскую определяют “пакостничеством”... Очень талантливым, временами — гениальным. Но — пакостничеством. Перья были золотые. Но они обмакивались в какую-то зловонную гущу пакостных чувств и идей. Да, вот где зло и Рок русских и России, где прозвучало что-то похоронное над “всеми русским”, что гениальный по силам период русской литературы и был употреблен просто на пакость» [11, с. 81].

Во-вторых, интеллигенция, которая принимала неприглядное и не соответствующее действительности изображение жизни в литературе за реалистическое, страдала оторванностью от народа. Обосновывая эту мысль, В. В. Розанов ссылаясь на свой личный опыт, описывая в статье «Революционная Обломовка» случайную услышанную беседу двух простых мужиков из села Черняева: «Меня поразила эта беседа мужиков “про свои дела”, так непохожая на то, что я читал “из Лассалья и Прудона”. Там ненависть и перспективы отчаяния. Здесь любовь и явная благодарность» [5].

Последние годы жизни В. В. Розанова пришлось на начало XX века — период революционных потрясений, которые мыслитель воспринял как результат усилий российских писателей и публицистов по подрыву доверия к существовавшей власти. До революции, в 1913 году, Василий Васильевич полагал возможным победить «загаженность литературы, ее оголтело-радикальный характер, ее кабак отрицания и проклятия» [9, с. 268] и тем самым положить начало благотворным социальным переменам. Летом 1917 года, уже после Февральской революции, он подчёркивал огромную важность субъективного, идеологического фактора в крушении монархии и дальнейшем падении авторитета власти: «“Слово — не воробей, вылетит — не поймаешь”. А “слово”-то уже “выпущено”. Как винить толпу, которая слушает» [14]. По мнению В. В. Розанова, на русских писателях лежит ответственность за появление приказа № 1 Петроградского совета, который фактически упразднял власть офицеров над солдатами, спровоцировал невиданный развал дисциплины в армии и, в конечном итоге, подтолкнул позорный выход России из Первой мировой войны. «Ранее его (приказа — А. Е.) начало слагаться пренебрежение к офицеру как

к дураку, фанфанону, трусу, во всех отношениях к ничтожеству и отчасти к вору, для чего надо было сперва посмотреть на Скалозуба в театре и прочитать, как умывался генерал Бетрищев, пишущий “Историю генералов отечественной войны”, — у Гоголя, фыркая в нос Чичикову. Тоже — и самому Толстому надо было передать, как генералы храбрятся по виду и стараются не нагнуться при выстреле, но нагибаются, вздрагивают и трясутся в душе и даже наяву» [6, с. 655]. Иными словами, общественные настроения, послужившие почвой для возникновения печально известного приказа, В. В. Розанов рассматривал как прямой результат влияния образов офицерства в русской литературе на общественное сознание.

В последней работе «Апокалипсис нашего времени», созданной в 1918–1919 годах, В. В. Розанов, резюмируя свои размышления о причинах распространения антиправительственных взглядов и крушения Российской Империи, возлагает ответственность за это на отечественную литературу: «Собственно, никакого сомнения, что Россию убила литература. Из слагающих “разложителей” России ни одного нет нелитературного

происхождения. Трудно представить себе... И, однако, — так» [6, с. 656].

Таким образом, согласно В. В. Розанову, литература играла огромную роль в жизни русского общества конца XIX — начала XX вв. Она помогала «читающей публике» определить отношение к важнейшим вопросам жизни, была серьезным фактором, формирующим социальные настроения и политические взгляды. Подлинной бедой для нашей страны, по мнению В. В. Розанова, стало то, что в её классической литературе возобладала и стала магистральной «линия Гоголя», связанная с протестными настроениями и политической оппозиционностью. Деятельность органов власти, чиновники, офицерство представлены там ничёмными и вредными. Под влиянием такой литературы у интеллигенции складывается отрицательный образ власти. Это способствует легкому усвоению ею революционных взглядов, которые даже становятся своеобразной интеллектуальной модой. Интеллигенция же, используя своё положение в системе производства и распределения информации, тиражирует это отношение к власти, способствуя его распространению среди остальных групп населения.

1. Голубкова А.А. Критерии оценки в литературной критике В.В. Розанова [Текст] / А.А. Голубкова: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 186 с.
2. Горбач К.И. Проблема «Россия-Запад» в философии русского религиозного ренессанса XX века (В.Н. Эрн, Н.А. Бердяев, В.В. Розанов) / К.И. Горбач: дис. ... канд. филос. наук. М., 1997. 152 с.
3. Николоюкин А. В.В. Розанов в контексте эпохи [Текст] / А. Николоюкин // Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. М.: Эксмо, 2008. С. 7–34.
4. Павленко А.И. Философско-педагогическая идея семьи в публицистике В.В. Розанова / А.И. Павленко: дис. ... канд. пед. наук. Елец, 2000. 182 с.
5. Пишун С.В. Социальная философия В.В. Розанова / С.В. Пишун. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1993. 152 с.
6. Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени [Текст] / В.В. Розанов // Розанов, В.В. Апокалипсис нашего времени. М.: Эксмо, 2008. С. 597–682.
7. Розанов В.В. Гений формы (К 100-летию со дня рождения Гоголя) [Электронный ресурс] / В.В. Розанов. URL: <http://www.bibliotekar.ru/rus-Rozanov/45.htm> (дата обращения: 29.03.2012).
8. Розанов В.В. Легенда о великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Опыт критического комментария / В.В. Розанов // Розанов В.В. Мысли о литературе. М.: Современник, 1989. С. 41–157.
9. Розанов В.В. Опавшие листья. Короб первый [Текст] / В.В. Розанов // Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. М.: Эксмо, 2008. С. 133–296.
10. Розанов В.В. Опавшие листья. Короб второй и последний [Текст] / В.В. Розанов // Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. М.: Эксмо, 2008. С. 301–594.
11. Розанов В.В. Мимолётное. 1915 год / В.В. Розанов // Розанов В.В. Мимолётное / под общ. ред. А.Н. Николоюкина. М., 1994. С. 5–334.
12. Розанов В.В. Перед Сахарной [Электронный ресурс] / В.В. Розанов. URL: http://users.kaluga.ru/kosmogama/pered_sakh.html (дата обращения: 29.03.2012).
13. Розанов В.В. Последние листья. 1916 год / В.В. Розанов // Розанов В.В. Последние листья / под общ. ред. А.Н. Николоюкина. М., 2000. С. 5–236.
14. Розанов В.В. Революционная Обломовка [Электронный ресурс] / В.В. Розанов. URL: <http://users.kaluga.ru/kosmogama/oblomovka.html> (дата обращения: 29.03.2012).
15. Розанов В.В. С вершины тысячелетней пирамиды (Размышление о ходе русской литературы) [Текст] / В.В. Розанов // Налепин А.Л., Померанская Т.В. РОЗАНОВ@etc.ru. М.: Центральный издательский дом, 2011. С. 366–384.
16. Шульгина Л.А. Проблема социального идеала у В.В. Розанова : дис. ... канд. филос. наук / Л.А. Шульгина. М., 1999. 127 с.

СФЕРА ПРАЗДНИЧНОГО – ЗОНА ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО

УДК 13

И.Н. ЛАВРИКОВА

*Праздник без политики становится
пустым и бесплодным, политика
без праздника – ограниченной
и низменной [8, с. 142].*

Для того чтобы выяснить возможности политико-идеологической «эксплуатации» института праздника [5], а также обосновать крайнюю приблизительность контроля за его развитием через рычаги непосредственного воздействия, я обратилась к уже существующим определениям праздника. Считаю необходимым оговорить, что имеющиеся концепции, по сути, являются промежуточными попытками формализовать этот сложнейший, где-то закрытый, «ускользающий», но столь укорененный в жизни человека феномен.

Подтверждение этому я нашла и в монографии А. В. Бенифанда, где автор указывает, что слово «праздник» в литературе разного рода «...имеет множество различных значений, порой противоречащих друг другу». При этом оно «...часто употребляется для характеристики эмоциональных состояний (праздник чувств, эмоций, души, сердца)», показывая «лишь одну его грань: праздничное, эмоционально окрашенное состояние, вызванное особым приподнятым настроением» [1, с. 10].

Обратимся к некоторым из принятых на сегодняшний день толкований феномена. Например, в русском энциклопедическом словаре библиографического общества «Гранат» дано определение праздника в связи с религиозными мотивами [13, с. 300–302]; Ф. А. Брокгауз, А. И. Ефрон различают религиозные и светские праздники [2, с. 940]; В. И. Даль вывел понятие «праздник» из понятия «праздность», праздный – порожний, свободный [3, с. 380]. М. Фасмер считает, что понятие «праздный» заимствовано из исконно русского понятия «порожний» [10, с. 353]. Есть мнения, что понятие «праздник» в русском языке произошло от древнеславянского «праздь», означающего безделье, отдых [14, с. 388].

Одним из традиционных считается определение праздника, предложенное И. М. Снегиревым: *праздник как антитеза трудовых будней и проявление свободной жизни.* «Самое слово «праздник», – писал он [9, с. 5], – выражает упразднение, свободу

от будничных трудов, соединенную с веселием и радостью. Праздник есть свободное время, обряд – знаменательное действие, принятый способ совершения торжественных действий; последний содержится в первом».

Ключевое значение слова «праздник»: определенный период времени (час, день или дни), заполненный бездельем; характеристика свободного времени, когда отмечают что-то выдающееся-выделяющееся из потока других событий. Последнее оформляется соответствующими символами – обрядами или ритуалами, т. е. художественно-выразительно обставлено, к тому же это время всегда необычайно радостно или торжественно.

Сверхзадача праздника – осуществить в структуре сознания некие превращения, невозможные в обыденные, занятые трудом дни, поэтому праздник нуждается в особой душевной или психологической настроенности, он же ее и усиливает.

С давних пор и до нашего времени праздник является не только видом досуга, это не просто отдых, а время формирования общечеловеческих договоренностей в понимании свободы, радования и т. п., которые предстают благодаря празднику не как исключительные состояния, а как часть жизни – равноправная и существенно необходимая. Именно поэтому праздник – это вид свободной деятельности людей, в идеальном случае собравшихся добровольно. Отмечу, что только при таких условиях праздник позволяет общаться свободно, создает условия для коллективных переживаний и устремлений, которые на время как бы стали реальностью. Именно праздник дает ощущение полноты жизни (индивидуальной и коллективной), позволяет пережить гармонию с собой и со всем окружающим. Праздник дает людям удовлетворение избыточно, что в будничных условиях подавляется или игнорируется. Праздничные отношения становятся своеобразной «разрядкой напряженности», которая накапливается обыденно, и вместе с тем они позволяют прикоснуться к счастливой жизни.

Существуют разные типы праздников, но все они в большей или меньшей степени основаны на добровольном согласии принимать и выполнять правила праздничной жизни, не сводя ее к материальной пользе.

При таком подходе институт праздника отнюдь не лишается практического смысла и целесообразности, скорее, наоборот, он приближается к своей природной сути — *моделированию способов истинно человеческого общения в сфере свободного времени.*

Фактически данная теоретическая абстракция является еще одним определением праздника, раскрывающим существенный момент его содержания, а именно, *праздник как соединение людей узами общности, порождение чувства свободы и коллективности.* Только праздник позволяет конкретно, чувственно ощутить единство и общность, открыто демонстрировать себя и в таком же качестве видеть других. Именно поэтому праздник является личным опытом почти всех, ведь нет таких людей, кто не пережил хотя бы один раз в жизни состояние праздничности, а пережив, не связывал бы с ним представления о свободной и по-своему счастливой жизни. Именно в это особое время мы переживаем то особое настроение, когда, провозглашая радостное «да» определенному событию, мы утверждаем целостность жизни. Праздник как попытка изобразить человека «от узко утилитарного или односторонне будничного отношения к жизни» [6, с. 12], позволяет задержать мгновенное состояние праздничности, зафиксировать его не завтра и не там где-то, а именно «здесь и теперь».

Новые исследования праздника в силу неисчерпаемости феномена дадут новые характеристики, но его универсализации, полагаю, добиться сложно. В пределах поставленной задачи, мне видится некоторая причина, объясняющая суть этой природной «несхватываемости», на основании которой представляется возможным выработать определенную методологию моделирования праздника в сфере политико-идеологического. В данном случае речь идет как минимум о двух ключевых позициях, максимально и формирующих, и характеризующих природу праздника. К ним я отношу следующее: *первое, это особый род экзистенции — праздничная экзистенция, укорененная в самом празднике. Благодаря ее существованию праздник возрождается. Вторая основа существования праздника — добровольность существования в нем, порожденная его игровой составляющей. Именно эта составляющая становится источником искреннего радования; в противном случае праздник будет «рассыпаться», терять свой природный смысл, а участвующие в нем радость будут имитировать.*

Фиксируя свое внимание именно на этих составляющих, допускаю, что можно создать

политическую модель праздника, точнее, проанализировать в нем баланс игрового и неигрового, то есть политико-идеологического. А далее, в моем представлении, управление указанным балансом и будет основным рычагом воздействия на состояние праздника и, как следствие, на возможность эффективного, в смысле максимально прогнозируемого управления одним из древнейших институтов человеческих взаимоотношений, в чем, собственно, и видится основной идеологический и политический интерес в сфере праздничного.

Итак, попробую выдвинуть некоторые версии-обобщения, которые и позволят вычленивать неигровую компоненту праздника. Оговорюсь, что при анализе такого плана выводы логичнее осуществлять на фоне противоречия «неигровое»-«игровое».

Основание первое

Исходя из сути «игрового», человек играет или не играет, при этом выбор — принимать или не принимать правила — делает сам, то есть добровольно (1). Кроме того, он сам, то есть добровольно, принимает решение, выбирать или не выбирать игровой инструмент — игрушки (2). Допускаю, что последнее (2) можно принять частью основных правил (1). Далее будет понятно, зачем я это вычленивание делаю.

«Неигровое» — отвлекающее: человек сам становится инструментом — политической игрушкой. В таком случае человек делает выбор, подчас недобровольно, но принудительно, становиться или не становиться игрушкой. Последнее состояние есть его основная роль в руках строителей-заказчиков праздника.

Рассмотрим праздник в качестве площадки для игры, которая по определению не имеет цели, и отвлечения (не-игры), имеющего, например, цель воспитательную. В таком случае игра (без цели) дарует удовольствие, радость, наслаждение, проживание свободы и пр. (3).

В качестве комментария к (3) использую выводы Л. Т. Ретюнских. Например: «Если игра бесцельна по отношению к иным формам бытия, то удовольствие, получаемое от игры и в процессе игры, составляет ее внутреннюю, единственно значимую цель. ...Игра есть тот вид удовольствия, который доступен всем, игры... могут быть “плохими” и “хорошими”; нести благо и зло, учить, лечить душу, помогать..., обозлить, искалечить и т.д.; каждый сам выбирает свои игры, а выбор определяется множеством факторов. Неизменным

остаётся только нацеленность игры на получение удовольствия... Игры без удовольствия не бывает...» [7, с. 106].

Е. Финк, перечисляя все переживания-удовольствия, даруемые игрой, представляет их в высших, крайних формах проявления — радость, наслаждение, блаженство [11, с. 381].

Даже смысл, «привнесенный туда субъективными переживаниями игроков», согласно Л. Т. Ретюньских, может стать источником игрового удовольствия.

Очень важно оценить волевую направленность человеческих побуждений в границах «хочу» и «должен». По мнению Л. Т. Ретюньских, участие в игре «определяется только словом “хочу”, но никак не “должен”. ...Если уж вступил в игру, то “хочу”... превращается в добровольное, радостное и приятное “должен”... Любое действие, наполняемое смысложизненным содержанием, теряет игровой характер. Стоит перенести поиск смысла жизни в контекст игры, как она разрушается, пропадает...» [7, с. 110–114].

Не-игра, имеющая вполне определенную цель, становится механизмом, например, воспитания. Как механизм, «неигровое» канализирует эталоны поведения, становится средством идеологического воздействия, способствует «свыканию» с состоянием (ролью) игрушки (4).

Таким образом, состояние праздника зависит от баланса между игрой и не-игрой, что прежде всего определяется:

- общим уровнем культуры празднующих;
- степени их свободолюбия;
- уровнем образованности;
- возможностью реализовать права и свободы;
- самоуважением и цельностью граждан.

Ведь неслучайно Е. Финк замечает, что игровой мир «...столь же вовне, в качестве воображаемого пространства, границы которого знают и соблюдают объединившиеся игроки, сколь и внутри: в представлениях, помыслах и фантазиях самих играющих» [11, с. 376].

Полагаю справедливым сказанное Е. Финком переложить на праздник, значительная и значимая часть которого заполнена игрой.

В таком случае:

- умение ограничить воображаемое пространство является следствием самоуважения и цельности;
- умение договариваться реализуется в правилах проживания свободы. В свою

очередь, формирование этих правил, впрочем, как и их разнообразие, определяются уровнем культуры игроков и оцениваются в пределах: «интересно» — «неинтересно», «примитивно» — «непримитивно», «захватывающе» — «незахватывающе» и пр.

Скажем, при тотальном контроле за обществом игру возможно в праздник «включить», но при условии крайней примитивизации ее правил. Элемент игры в празднике необходим, иначе играющие не проживают удовольствия, как следствие, праздник теряет привлекательность даже для малообразованных. Очевидно: игра по примитивным правилам консолидирует малообразованных.

Полагаю, что в обществе с низким уровнем культуры сращивание играющего «Я» и «Я» игрового мира желательно. Ведь именно тогда, проживая в хроническом счастье и удовольствии, человек перестает разграничивать истинное и ложное. Необходимое условие — вечная игра непрекращающегося праздника: отождествляя «как бы реальное» с реальным, можно даже вплотную приблизиться к мечте о вечном счастье, сделать его явью и в нем существовать. Достойный пример «вселенской» манипуляции, по Е. Финку, — предельно абстрактная всеобщность в качестве универсальной филантропии — «обнимитесь, миллионы, в поцелуе слейся, свет» (по аналогии с «в унисон стучат сердца»), хотя весь опыт мировой истории доказывает, что «изначальные, подлинные переживания общности всегда избирательны» [11, с. 384].

В противопоставлении «игрового» и «неигрового» есть еще один важный, с моей точки зрения, нюанс: суть их связи с иллюзиями. В первом случае, *сама игра обманом не является*, но пользуется иллюзионистскими эффектами, чтобы показное использовать как средство выражения. *Иллюзии «неигрового»*, по моему мнению, есть *намеренный обман*, подмена, скрытая или откровенная манипуляция, особенно в случае массового праздника.

Техническая регламентация свободного времени, то есть времени, не занятого ни трудом и ни политикой, есть характерная данность нашей индустриальной эпохи. Неслучайно в условиях экзистенциального вакуума возникает скука, когда можно и не трудиться (это успешно делают машины), и реализована потребность в отдыхе. Именно на стерильное свободное время, на период вне труда и отдыха и рассчитан массовый праздник, как элемент «идеологической войны», как крупномасштабная обработка сознания посредством праздничного «неигрового».

Основание второе

Праздник — это то, что традиционно. Следовательно, праздник, особенно массовый, является видом «эксплуатации» того, что привычно и понятно. И игра, и не-игра, будучи компонентами праздничного мероприятия, должны быть привычны, так как в противном случае празднество не будет в должной мере восприниматься основной массой народа и даже, скорее всего, отторгаться.

Для внедрения непривычного, по моему мнению, используется пространство «неигрового», так как именно не-игра может содержать силовые «указания» на это непривычное, иначе, выполнять функцию проталкивания или насаживания иного, другого, неизвестного. Естественно, при таком подходе (по сути, нажмем) человек вынуждается к договору с непривычным, становясь игрушкой в условиях этого непривычного. Как результат, ощущение праздничного не проживается, радость имитируется, а сам праздник в конечном счете оценивается как несостоявшийся.

Если игру представлять в качестве этического навыка, то исследуя праздник в такой двухкомпонентной системе, необходимо учитывать, что культура, как результат этического или морального навыка, меняется очень медленно, и гораздо медленнее, чем идеология.

В таком случае неприятие праздника «грозит» механизмами продавливания изменившегося (обновленного) идеологического. Особенно массовый праздник становится эффективным средством манипулирования. Прежде всего, речь идет о массовой идиотии через примитивизацию условий «игрового», то есть внедрения игры другой, на новых, более понятных условиях. Кроме того, возможна и примитивизация потребностей, реализуемых благодаря «игровому» (достижимость удовольствия, счастья и свободы). Примером тому «праздничные неудачи» в современной России как следствие укоренности коммунистических привычек советского периода.

Основание третье

Ключевые требования к празднику со стороны его «заказчиков» сводятся, в символике Э. Канетти, к следующему: во-первых, проводимое мероприятие должно быть «гладким» (5), и, во-вторых, оно должно быть «причесанным», в смысле выстроенным (6). Оба требования успешнее и эффективнее смогут проводиться через компоненту «неигровое», в связи с ее восприимчивостью к общественным переменам по сравнению

с этическими навыками, то есть через компоненту «игровое».

Указанные положения требуют разъяснения. Проводя аналогии между органами человеческого тела и функциями власти, Э. Канетти пришел к выводу, что «главнейшим элементом власти, которым снабжен человек..., являются зубы. ...Гладкость и строй как очевидные свойства зубов перешли в сущность власти вообще. Они стали неотъемлемы от власти, и это первые качества, отчетливо проявляющиеся в любой ее форме» [4, с. 226–227].

Итак, мания «гладкости» (5) «...в языке выражается напрямую, когда говорят: все идет гладко, работает гладко... Человек полностью и беспрепятственно контролирует процесс, о каком бы процессе ни шла речь... Все говорят о функциональности, ясности, полезности, но в действительности торжествует гладкость и скрыто содержащийся в ней престиж власти». Применительно к институту праздника, полагаю, это есть процедура по внедрению «нужных» эталонов поведения, ценностей и т.п.

«Причесанность», или строй, стройность, упорядочение (6) в празднике есть не что иное как органы контроля за порядком, которые, в аналогиях Канетти, гарантируют «равенство всего ряда зубов, четкость промежутков, отделяющих друг от друга». По мнению Канетти, именно устройство рта стало образцом для многих форм строевого порядка. «...Выпадение некоторых из них [зубов] и связанные с этим болезненные последствия заставляли задуматься о важности строя». И далее: «Вряд ли можно ошибиться, предположив, что смутный образ пасти воздействовал на организацию тюрем».

Полагаю, приведенные аргументы достаточно весомы, чтобы принять «неигровое» в качестве канала для властного воздействия на развитие праздника. Интерес к силе праздника вполне оправдан: в любом обществе *то, что может быть опасным для власти, должно быть контролируемым, организованным и перераспределенным с помощью некоторого числа процедур, функция которых — нейтрализовать, блокировать влияние, обуздать непредсказуемое, избежать угроз.*

В обществе, подобном нашему, самой очевидной и привычной является процедура в виде запрета. При таком положении вещей хорошо известно, что «...говорить можно не все, говорить можно не обо всем и не при любых обстоятельствах, и... не всякому можно говорить о чем угодно». А областями, как пишет М. Фуко, где «...решетка запретов

наиболее уплотнена», является в том числе и область политики [12, с. 51–52].

Действительно, власть ставит целью определить условия проведения запретов в действие, чтобы навязать индивидам, существующим в данных сферах, некоторое число правил и сделать так, чтобы не всякому, кто захочет, был открыт к ним доступ. Например, к организации праздника никогда не будет допущен тот, кто не удовлетворяет определенным требованиям властей (5) или же с самого начала не имеет на это права. Не все области праздника одинаково открыты и проницаемы; некоторые из них являются в высшей степени запретными (6), и поскольку праздники «даруют» различного вида довольствия, то «...власти свойственно... быть репрессивной и с особой бдительностью подавлять всяческую бесполезную энергию, интенсивность удовольствий и всякого рода неупорядоченное поведение» [12, с. 106].

Используя так называемые «полиморфные техники» (отказы, дисквалификации, побуждения, интенсификации и пр.), власть добивается до самых тонких и самых индивидуальных поведений, достигает редкие и едва уловимые желания, пронизывает и контролирует даже повседневное удовольствие, не говоря о праздничном.

Власть организует (усиливая запреты) «любопытствующие присутствия», разного рода близости; она постоянно обследует и наблюдает, вымогает признания, инициирует «игру интенсивных ощущений» [12, с. 143]. Но, поскольку до сих пор самой

распространенной формой «возбуждения» и поддержания праздничного мироощущения является праздник, то и внимание к этому, одному из древнейших и постоянно возобновимому виду отношений, вполне объяснимо.

Таким образом, выстраивая политическую модель праздника, необходимо четко представлять, что в неигровую часть праздника входит система мероприятий, начиная от муштры профессиональных кадров для подготовки и проведения (включая цензурировано-эталонированный сценарий, символику и т.п.), что гарантирует «гладкость» проведения действия, и заканчивая органами охраны, поддерживающими необходимую его «стройность». Абсолютное же «повелевание» праздником через непосредственные, свойственные его природе рычаги воздействия — людской ресурс, планирование, сверхзадачи — неосуществимо. Праздник предсказуем и контролируется наиболее эффективно через факторы опосредованные — воспитание, образование, сферу экономического и т.п. Крайняя степень воздействия на него властно-силовая — запрет проведения. Более того, от баланса «игрового» и «неигрового» зависит праздничная «осуществленность»: возможность проживания людьми искренних эмоциональных состояний на момент участия в празднике. В противном случае мы будем иметь лишь жалкое подобие или имитацию радования, особенно в случаях массового, национального праздника, что недопустимо, так как в случае накопления неудовольствий праздник может перерасти в бунт.

1. Бенифанд А.В. Праздник, сущность, история, современность. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1986.
2. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1898. Т. XXIV.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого Великорусского языка. М., 1955. Т. III.
4. Канетти Э. Масса и власть. Пер. с нем. и предисл. Л. Ионина. М., AD, MARGINEM, 1997.
5. Лаврикова, И. Политический праздник: культурфилософская интерпретация. Монография [Текст] / И. Лаврикова. Saarbrücken, Germany : LAP, 2012.
6. Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление. М. : Наука, 1978.
7. Ретюнских Л.Т. Философия игры. М. : Вузовская книга, 2002.
8. Роднянская И.Б. «Кокс Х.Г. Праздник шутов. Теологический очерк празднества и фантазии». М., 1976.
9. Снегирев И.М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. 1. М., 1837.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М. : Прогресс, 1964.
11. Финк Е. Основные феномены человеческого бытия // Проблема человека в западной философии: Переводы / сост. и послесл. П.С. Гуревича; общ. ред. Ю.Н. Попова. М. : Прогресс, 1988.
12. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. М. : Касталь, 1996.
13. Энциклопедический словарь русского библиографического общества «Гранат». М., 1897. Т. 33.
14. Zygluski K. Swieto i Kultura (Swieta dawne i nowe Rozwazania socjologa). Warszawa, 1981.

ПРОЯВЛЕНИЯ «ПРАЗДНИЧНОЙ СТОРОНЫ» РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)

УДК 323 (470.57)

А.С. ИВАНОВ

Политика представляет собой многообразный мир, где сочетается явное и скрытое, официальное и праздничное. С одной стороны, когда речь заходит о политике в целом, в сознании возникает образ делового или официального характера, где доминируют серьёзные встречи, решаются важнейшие вопросы, соблюдаются строгие нормы протокольного этикета, планируются и реализуются рабочие поездки делового содержания. С другой стороны, политика содержит и менее официальные элементы, придающие ей более живой или «человечный» характер, т. е. то, что с полным основанием можно назвать политическим шоу, рассчитанным на широкую массовую аудиторию. Проявлением этого шоу могут являться различные элементы праздничного характера: торжественные ленточки; чистые территории новых объектов; празднично одетые граждане; культурно-массовые мероприятия, связывающие воедино народные традиции и различного рода инновации; праздничное убранство торжественных залов; вручение почётных званий и наград и прочее. В целом всё это многообразие придаёт политике совершенно иное содержание. Мир черно-белого официального становится ярким, красочным и более праздничным. Это праздничная сторона политики, которая в каком-то смысле противостоит её официальной стороне*.

Чаще всего «праздничность» выступает как вспомогательная сторона по отношению к официальной политике. «Праздничность» помогает человеку воспринять должным образом многие сложные элементы политики в простой символической форме, а также воспринимать власть в неразрывном единстве с обществом. Без неё очень сложно привлечь внимание широкой аудитории к фигуре регионального лидера.

В то же время рутинизация «праздничной» стороны политики способна привести к её обесцениванию в глазах аудитории.

В таком случае праздничные церемонии становятся однообразными и предсказуемыми. Церемониальность становится доминирующим аспектом в «праздничной» стороне политики.

Особое и важное место в формировании живого образа власти занимают средства массовой информации. Именно они являются проводниками, которые передают во всей целостности этот образ аудитории. Подчёркивание «праздничности» политики способствует её привлекательности в целом в глазах потребителя информации. Именно эту яркую сторону политики чаще всего освещают средства массовой информации, придавая ей определенный лоск и создавая вокруг неё определенный общественный резонанс. Этот аспект политики нередко становится одной из основных составляющих в образе власти, так как элементы праздничности политики используются прежде всего для того, чтобы показать достижения власти по важнейшим направлениям её деятельности, как вышестоящим органам властной вертикали, так и обществу.

Данные процессы могут происходить на всех уровнях власти, однако если федеральная политика предстаёт порою как нечто далёкое, а муниципальная не обладает такой яркостью и изощрённостью, то региональная политика как раз является примером приближённости к населению и в определенной степени проявлением тонкости в регулировании тех или иных тонов, способствуя проявлению праздничности.

Кроме того, регион — это достаточно замкнутая система, своеобразный политический микромир, на вершине которого находится глава региональной исполнительной власти как наиболее сильной и обладающей наибольшими ресурсами. Именно его фигура становится центральной в освещении региональных средств массовой информации и именно им определяется аранжировка политической повестки дня. С этой точки

* Этими двумя понятиями — «официальная» и «праздничная» сторона политики — мы и будем оперировать в данной статье.

зрения подчеркивание «праздничного» аспекта в политике лидера призвано приблизить его к региональному сообществу и облегчить восприятие его деятельности массовой аудиторией.

В то же время при характеристике «праздничной» стороны политики следует учитывать ряд обстоятельств. Во-первых, срок пребывания лидера у власти. Долгосрочное руководство регионом может говорить об устоявшемся образе лидера. Напротив, недолгое пребывание у власти, позволяет говорить только о складывающемся характере образа руководителя. Во-вторых, важное значение имеет личность лидера, его взгляды и подходы к руководству регионом, его стиль лидерства. В российской региональной политике долгое время имели устойчивые позиции губернаторы, которых называли «харизматиками-хозяйственниками». Они являлись выходцами из советской эпохи управления и поэтому во многом унаследовали и демонстрировали в своей практике многие её элементы управления. Немаловажное значение здесь играла и «праздничность», которая демонстрировала единство лидера и регионального сообщества. В 2008 году по инициативе федеральной власти начался процесс обновления губернаторского корпуса. К власти в некоторых регионах пришли новые руководители. В результате в политических кругах появилось новое понятие «менеджер-управленец», характеризующее регионального руководителя нового поколения, лояльного федеральным органам государственной власти, не имеющего собственных далеко идущих политических амбиций, опирающегося при решении региональных проблем на рациональные механизмы. В его стиле управления «праздничная» сторона политики также имеет место, но её содержание и форма изменяется.

В Республике Башкортостан как в одном из регионов Российской Федерации также произошли соответствующие изменения. В июле 2010 года новым руководителем региона становится Рустэм Хамитов, которого также стали причислять к группе «менеджеров-управленцев». Новый руководитель должен был демонстрировать демократичность и открытость по отношению к местному сообществу, таким образом придав иной оттенок «праздничности» в политике.

В рамках данной статьи попробуем ответить на ряд вопросов: 1) изменилось ли

содержание «праздничной» стороны политики в регионе после смены руководства? и 2) какое место отводится «праздничности» в политике нового руководителя региона?

Для ответа на эти вопросы воспользуемся эмпирическими данными, полученными автором. В 2009 году нами был начат проект «Региональная исполнительная власть глазами российских информационных агентств», основной целью которого было выявление особенностей деятельности высших представителей исполнительной власти Республики Башкортостан (глава региона и председатель регионального правительства) при помощи мониторинга новостных лент российских информационных агентств. Эмпирической базой нашего анализа стали результаты мониторинга федеральных и региональных информационных агентств – РИА «Новости», «Росбалт», «REGNUM» и «Башинформ», предпринятого автором и осуществлённого за период с 01.01.2008 по 31.12.2011 [1, с. 428–434]. Среди прочего в ходе мониторинга была выявлена и праздничная сторона региональной политики.

Основываясь на некоторых результатах данного проекта, проанализируем, насколько ярко проявляется данная составляющая в деятельности исполнительной власти Республики Башкортостан и насколько сильно изменилось её содержание после смены руководства региона.

Основу праздничности в политике можно представить в виде её трёх проявлений:

- публичные письменные сообщения (поздравления);
- участие в праздничных церемониях (награждения, открытие новых объектов);
- участие в торжественных мероприятиях (собрания).

Прежде чем приступить к анализу выделенных нами проявлений, сравним их.

Сравнительный анализ проявлений «праздничности» в региональной политике

Как следует из данных, представленных в таблице 1, наиболее всего в качестве элемента реализации праздничного оттенка политики использовались публичные письменные сообщения. В 2009 г. их количество практически совпало с количеством праздничных церемоний, а в 2011 г. снизилось и, в конечном счёте, стало меньше, чем других проявлений «праздничности». Более того, в 2011 г. ситуация в соотношении изменилась

в диаметрально противоположную сторону: стало больше использоваться участие в праздничных мероприятиях по сравнению с периодом 2008–2010 гг. В целом можно отметить, что общее количество всех трёх

составляющих с 2010 г. начало снижаться, а по двум составляющим (публичные письменные сообщения и праздничные церемонии) достигло минимального количества в 2011 г.

Таблица 1
Общее соотношение проявлений праздничной составляющей политики в действиях руководства Республики Башкортостан в 2008–2011 гг.

№ пп.	Вид сообщений	Кол-во сообщений по годам				Итого:
		2008	2009	2010	2011	
1.	Публичные письменные сообщения	151	146	121	32	450
2.	Праздничные церемонии	112	142	66	44	364
3.	Торжественные мероприятия	102	87	58	75	322
	Итого:	365	375	245	151	1136

Теперь приступим к анализу каждого из трех выделенных нами проявлений праздничности в политике.

Публичные письменные сообщения

В данный блок включаются поздравления, приветствия, благодарности от имени

руководства региона, которые публикуются на страницах печатной или электронной прессы и озвучиваются в телевизионных новостных программах в дни праздников или соответствующих данному случаю праздничных событий.

Таблица 2
Количество публичных письменных сообщений от руководства Республики Башкортостан за 2008–2011 гг.

№ пп.	Вид сообщений	Кол-во сообщений по годам				Итого:
		2008	2009	2010	2011	
1.	Поздравления со знаменательными датами, праздниками, событиями, личными достижениями	124	100	79	14	317
2.	Приветствия, пожелания участникам мероприятий различного плана (конференции, совещания, съезды)	24	45	39	14	122
3.	Благодарность за определенные действия	3	1	3	4	11
	Итого:	151	146	121	32	450

Данные, представленные в таблице 2, показывают, что наиболее привлекательными и часто используемыми в данном блоке были поздравления со знаменательными датами или праздниками. Однако начиная с 2010 г. разница между поздравлениями и остальными видами публичных письменных сообщений снижается, а в 2011 г. их общее количество сравнивается с количеством приветствий [2, с. 1347–1353].

Праздничные церемонии

Блок включает в себя праздничные церемонии вручения наград и церемонии открытия или закладки новых объектов. Оба вида объединяют торжественность и подчинение важнейшим правилам протокольного этикета, но если первое всегда проходит в резиденции главы региона, то второе проводится как в пределах столицы, так и в других районах или городах региона.

Таблица 3
Количество праздничных церемоний с участием руководства
Республики Башкортостан за 2008–2011 гг.

№ пп.	Вид сообщений	Кол-во сообщений по годам				Итого:
		2008	2009	2010	2011	
1.	Вручение наград в честь личных достижений, памятных дат, присуждение премий	56	61	38	30	185
2.	Праздничные церемонии в рамках рабочих поездок и участия в праздничных мероприятиях (открытие новых объектов)	56	81	28	14	179
Итого:		112	142	66	44	364

Данные, представленные в таблице 3, позволяют выделить несколько характерных особенностей. В динамике обоих видов прослеживается одна закономерность: максимальное значение мероприятий достигается в 2009 г., а минимальное значение – в 2011 г. Кроме того, если в 2009 г. количественно преобладали праздничные церемонии в рамках рабочих поездок, то в 2010–2011 г. больше становится церемоний вручения наград. Общее количество обоих видов в течение 2008–2011 гг. приблизительно одинаково. В 2011 г. общее количество мероприятий достигает минимального значения.

Торжественные мероприятия

Данный блок включает в себя все мероприятия торжественного характера: собрания по случаю государственных и иных

праздников и мероприятия, посвящённые памятным датам или юбилеям.

Данные, представленные в таблице 4, позволяют выявить некоторые особенности участия руководства региона в праздничных мероприятиях. Прежде всего, количественно среди мероприятий всех уровней преобладают праздничные мероприятия, организованные и проведённые в регионе. Кроме того, в период с 2008 по 2010 гг. наблюдается тенденция по снижению общего количества подобных мероприятий. Минимальное количество достигается в 2010 г., а в 2011 г. наблюдается лишь незначительный его рост.

Другой тенденцией, характерной для 2011 г., является количественный рост участия руководства региона в мероприятиях общегосударственного и окружного значения (см. таблицу 4). Однако в отличие от первого рост количества второго является незначительным.

Таблица 4.
Количество праздничных мероприятий с участием руководства
Республики Башкортостан за 2008–2011 гг.

№ пп.	Вид сообщений	Кол-во сообщений по годам				Итого:
		2008	2009	2010	2011	
1.	Праздничные мероприятия общегосударственного значения	4	5	1	12	22
2.	Праздничные мероприятия Приволжского федерального округа	0	0	0	2	2
3.	Праздничные мероприятия межрегионального значения	3	1	0	0	4
4.	Праздничные мероприятия республиканского значения	95	81	57	61	294
Итого:		102	87	58	75	322

В целом в проявлении праздничного оттенка в действиях региональной исполнительной власти можно выделить два этапа: 1) 2008–2009 гг. и 2) 2010–2011 гг.

На первом этапе праздничность проявлялась более многогранно, прежде всего количественно. В публичных письменных сообщениях преобладали поздравления.

Праздничные церемонии приблизительно равным образом распределялись по количеству, кроме 2011 г., когда обозначилось количественное преобладание церемоний вручения наград. При проведении торжественных мероприятий с участием руководства региона количественно преобладали мероприятия, организованные на региональном уровне. На втором этапе общее количество мероприятий подобного оттенка снизилось по большинству выделенных аспектов. Тенденция к снижению количества стала обозначаться еще в 2009 г., продолжилась в 2010 г. и завершилась резким снижением общего количества в 2011 г. по большинству выделенных направлений. И только общее количество торжественных мероприятий несколько выросло. Обозначилась и другая особенность периода в этом аспекте: достаточно серьёзно выросло количество торжественных мероприятий общегосударственного значения и впервые проявило себя участие руководства региона в окружных мероприятиях.

Отвечая на поставленные ранее вопросы, можно констатировать, что, во-первых, содержание и форма «праздничной» стороны политики в регионе после смены руководства действительно изменились, и, во-вторых, её роль в деятельности нового руководителя выглядит слабее (о чём свидетельствуют данные, представленные в таблицах).

Специфика «праздничности» в деятельности прежнего руководителя региона М. Рахимова заключалась в следующем. Во-первых, для стиля было характерно большое количество публичных письменных сообщений: поздравительные сообщения касались всех государственных и профессиональных праздников; приветствия со стороны руководства касались всех значимых мероприятий, проводившихся в регионе; благодарности, обращённые к руководству региона, присутствовали, но в небольшом количестве. Во-вторых, важное место занимали праздничные церемонии, среди которых акцент делался на вручение наград и участие в праздничных торжествах. В-третьих, было характерно смещение акцента на мероприятия республиканского значения.

«Праздничная» сторона в деятельности нынешнего руководителя региона Р. Хамитова может характеризоваться следующим образом. Во-первых, количество публичных письменных сообщений существенно снижается: поздравительные сообщения редки и касаются только государственных праздников; количество приветствий к участникам различных мероприятий также снижается; количество благодарностей, адресованных руководству региона, остается на прежнем уровне. Во-вторых, количество упоминаний о вручении наград и об участии в праздничных церемониях снижается. Вручение наград продолжает оставаться одним из значимых составных элементов «праздничности», хотя и снизившись количественно, по сравнению с деятельностью предшествующего руководителя. А участие в праздничных церемониях, напротив, существенно потеряло в значимости. В-третьих, руководитель региона стал меньше участвовать в праздничных мероприятиях регионального значения. Напротив, существенно возросло его участие в мероприятиях общегосударственного значения. Впрочем, общее преобладание в количестве мероприятий республиканского значения сохранилось.

Таким образом, внимание к «праздничности» в политике нового руководителя региона по многим аспектам утратило своё былое значение. Однако пока можно говорить лишь об обозначении определённой тенденции, но не о проявлении нового содержания «праздничности» в деятельности нового руководителя региона. Если значительных изменений в динамике в будущем проследиваться не будет, то можно ожидать, что сложится новый образ руководителя, где «праздничность» будет занимать скромное место. Однако не исключено, что со временем «праздничная» сторона политики в деятельности нового руководителя восстановит свои прежние позиции и тогда можно будет говорить о временных изменениях в её месте, а также об универсальности некоторых её характеристик и объёма независимо от личности руководителя. Отследить любую из этих двух тенденций станет возможным только при помощи сбора и анализа новых эмпирических данных.

1. Иванов А.С. Применение методики контент-анализа в сообщениях информационных агентств [Текст] / А.С. Иванов // Вестник БашГУ. – 2010. – № 2. – С. 428–434.
2. Иванов А.С. Применение коэффициентов в анализе содержания официальных письменных сообщений высших представителей исполнительной власти Республики Башкортостан [Текст] / А.С. Иванов // Вестник БашГУ. – 2011. – № 4. – С. 1347–1353.

СПЕЦИФИКА УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНОМ В ПОСТКОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ*

УДК 316.33

М.М. ЮСУПОВ

Социально-экономические преобразования в стране способствовали утверждению в постсоветском российском обществе многообразия форм собственности, становлению рыночных отношений, изменению ценностно-нормативной системы. В новых условиях стратегический курс на экономическую и социокультурную модернизацию актуализирует потребность повышения эффективности государственного регионального управления. Регионы в Российской Федерации характеризуются историко-культурным многообразием, различным уровнем социально-экономического развития. Это требует учета региональной специфики в социальном управлении. В статье ставится цель выявить ценностные аспекты управления в период послевоенной реконструкции региона. В исследовании применялся функциональный подход, использовались методы наблюдения, количественного анализа.

Понятие «регион» (лат. *regionis* – область) имеет разное значение, им обозначают географические зоны, а также экономические районы, куда входят несколько субъектов страны. В последнее время этот термин часто используют как синоним субъекта РФ, т.е. области, края, округа и республики. В данном смысле регион представляет собой природно-географическую, экономическую, социокультурную и административную целостность как часть российского территориального и государственного пространства. Постконфликтный регион – это территория, на которой проходил ненасильственный или насильственный конфликт с разрушительными экономическими и социально-гуманитарными последствиями.

Конфликт и постконфликтная ситуация – события, которые являются следствием социальной «неустойчивости, хаоса» [4]. Им предшествуют рассогласованность интересов, рост социальной напряженности. Методы урегулирования конфликта, стиль управления постконфликтным регионом предопределяются ценностной ориентацией акторов федерального и регионального уровня. Ценностные представления о государственном устройстве в свою очередь

влияют на выстраивание отношений центра и субъектов федерации.

Управление рассматривают как целенаправленное воздействие на объект с целью его изменения [5]. Регион является объектом и субъектом управления. Как объект он управляется через органы власти, представляющие федеральный центр. Как субъект управления он реализует себя посредством региональных органов государственной власти. В Российской Федерации конституцией определены три уровня управления: федеральный, региональный и местного самоуправления [1]. Соответственно существуют и разные объемы полномочий.

Становлению постсоветской системы территориального управления характерны маятникообразные колебания; в 90-е годы прошлого века, например, происходила децентрализация, сопровождавшаяся также дестабилизацией социально-политической ситуации в ряде регионов. Идея суверенитета получает широкое распространение и поддерживается региональными властвующими группами, общественностью и населением во многих национально-территориальных и в административно-территориальных образованиях. Так, в Чечне в 1991 году высказалась за суверенитет республики одна треть опрошенных, столько же – за сохранение существующего статуса автономии [6].

С 2000 года, напротив, в стране наблюдается новая волна централизации, передача части полномочий в ведение федерального центра. Уместно отметить, что периодическое перераспределение полномочий центра и региона – не исключительно постсоветское явление. Это скорее общесоциологическая закономерность, действующая в зависимости от изменений экономической и социальной структуры общества, политических режимов страны. В первой половине девятнадцатого века (ранний период развития капитализма в России) при всей централизованности власти был высоким уровень локализации и автономии отдельных территорий, в частности, Финляндии и Бухары. В конце XIX века с укреплением крупного капитала и чиновнической бюрократии происходит

* Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ, проект №09-03-0075а.

ограничение власти региональных территорий. Современный процесс централизации государственного управления также связан с повышением роли в экономике и политике олигархического капитала и чиновнического «класса». Однако уже сегодня в политической среде и в обществе осознается потребность развития демократических институтов, предоставления хозяйствующим и территориальным субъектам большей самостоятельности как решающего фактора дальнейшего реформирования и модернизации страны. Об этом свидетельствуют предложения Д. А. Медведева о реформировании сложившейся политической системы, возврате к выборности губернаторов, передаче определенного объема полномочий регионам и муниципальным образованиям [3].

С увеличением среднего класса и повышением его социальной активности неизбежно будет востребована практика поддержания соответствующего баланса интересов в отношениях центр-регион и во внутрирегиональном взаимодействии социальных слоев и групп.

При этом осознаваемая необходимость экономической и социальной свободы, права на инициативу и ответственность не связывается сейчас, как в 90-е годы, с достижением национально-территориального суверенитета. Людей волнуют проблемы социальной защищенности, ограничения встречающегося произвола чиновничества, представителей правоохранительных органов, создания рабочих мест. В 2009 г. отметили, что проголосовали бы за независимость ЧР – 9,3%, ЧР как за равноправный субъект в составе РФ – 45,9%, за особый статус ЧР в составе РФ – 28,4% [7]. По сравнению с 1991 годом доля отдающих предпочтение полному суверенитету республики уменьшилась почти три раза, что можно объяснить переосмыслением населением перспективы развития региона, миграцией в зарубежные страны наиболее убежденных сторонников самостоятельности, а также воздержанием определенной части респондентов от ответов – 15,2%.

В историческом контексте политические установки населения могут меняться в зависимости от ситуации, устойчивого или неустойчивого развития региона и страны. Руководство республики придерживается однозначной позиции: Чеченская Республика является равноправным субъектом РФ. Другими словами, отказывается от принципа исключительности региона. В день своей первой инаугурации на должность

Президента ЧР Р. Кадыров заявил, что целесообразно заключать договор о разграничении полномочий между федеральным центром и ЧР. Хотя кремлевские чиновники допускали существование договорных отношений федерального центра с Татарстаном и Чеченской Республикой. В Конституцию ЧР (2003) также было впервые введено положение о том, что президент России может освободить и вносить предложение в региональный парламент о назначении президента ЧР. В 2009 году Р. Кадыров выступил с инициативой о переименовании должности президента ЧР в главу ЧР. Следует подчеркнуть, что в чеченскую конституцию также впервые включен пункт, обязывающий вести делопроизводство на русском языке. Вся эта символическая атрибутика, значимая для некоторых жителей республики, признается региональной властью несущественной и непродуктивной, несравнимой с выгодой экономического развития территории, ростом благополучия населения.

Основанием такой политической платформы служат не только убеждения, но и реальные показатели жизнедеятельности регионального сообщества. Например, бюджет ЧР дотируется почти на 90%, причем в последние годы наблюдалась прогрессирующая динамика финансирования федерально-целевых программ восстановления и развития социально-экономической инфраструктуры республики. Отдельные специалисты, кстати, полагают некорректным говорить о дотационности республики в условиях вывоза с ее территории добываемой нефти ОАО «Роснефть» и уплаты налогов в бюджет г. Москвы. В 2001 г. бюджет ЧР составил 3110 млн руб., в 2009 г. – 65259 млн руб. в 2011–61306,3 млн руб. [9].

Нынешняя властвующая группа в Чечне была инкорпорирована в управленческую структуру через назначенную временную администрацию, которая обрела легитимность посредством проведения в 2003 году референдума, выборов президента, а в последующем и парламента ЧР. Однако сам факт вхождения во власть через созданную сверху администрацию, видимо, предопределяет характер политической риторики и модель поведения первых должностных лиц. Так, в 2003–2005 гг. руководители ЧР нередко заявляли, что они чувствуют себя в первую очередь представителями федерального центра, а не республики. Ряд ведомств, имевших прежде республиканский

статус, являются сейчас органами федерального значения, например, управления статистики, юстиции, охраны природных ресурсов по ЧР и другие.

Итак, регион включен в строгую вертикаль системы властных отношений, это обуславливает превалирование административного начала в региональном управлении. Административный консерватизм в отношениях центр—регион является, бесспорно, определяющим, но постепенно вносятся элементы современного социального управления. Вместо отжившего отраслевого в практику вошло территориально-пространственное планирование, разработка и выполнение программ в рамках национальных проектов в области здравоохранения, образования, культуры и другие. Федеральная власть инициировала образование в стране и регионах общественных палат, молодежных парламентов, а при министерствах и ведомствах — общественных советов. Эти формы гражданского участия в управлении пока малоэффективны, но через них закладываются общественные основы усиления в будущем роли социальных технологий, сопричастности граждан к принятию решений.

Мы полагаем, что в постконфликтной ситуации существенно усиливается ценностное значение социальной среды как жизнеобеспечивающей регионального пространства. Целью в управлении становится восстановление порядка, объектов коммунальной и транспортной инфраструктуры, укрепление безопасности, параллельно решаются задачи возобновления функционирования системы здравоохранения, образования, культуры, соцобеспечения. Другими словами, общественная безопасность, гуманитарная помощь, благоустройство выступают базовыми ценностными элементами социального управления.

Выход из длительного регионального вооруженного конфликта предопределяет наличие не демократического, а авторитарного стиля управления территорией. Временные границы существования такого типа управления зависят не только от хода процесса социальной реконструкции, но и от характера региональной социальной структуры, культурного опыта, общей системы управления в стране.

Во внутрирегиональной системе социальных отношений управление регионом в постконфликтной ситуации имеет преимущественно административно-командный

характер, что обусловлено, во-первых, встроенностью республиканских институтов власти в централизованную властную вертикаль государства, во-вторых, переносом методов организации вооруженных подразделений на гражданские и хозяйственные формы взаимодействия, в-третьих, недостатком управленческого образования и общественного опыта у управленческого актива. К тому же традиционный тип регионального управления имеет не только административно-авторитарный аспект в его классическом понимании, но и народно-традиционный. Последний просматривается иногда на локальном, т.е. муниципальном уровне в форме использования таких механизмов, как проведение собраний жителей населенных пунктов, привлечение старейшин к решению отдельных вопросов и т.п. Таким образом, управление постконфликтным регионом осуществляется через воссоздание разрушенных в период конфликта социальных институтов, прежде всего административных, правоохранительных, и других.

Современное содержание управления, на первый взгляд, дают возникающие гражданские институты — общественные объединения. В 2009 г. в ЧР было более 400 зарегистрированных общественных организаций, свыше 100 общественных фондов и 7 отделений политических партий. Их деятельность еще не развернута надлежащим образом, и они пока не оказывают заметного влияния на принятие политических решений. В свою очередь официальная власть также не выработала навыки использования в своей деятельности ресурсного потенциала и инициатив общественных объединений.

Региональная система управления территорией ЧР с начала «контртеррористической операции» в 1999 г. претерпевала существенные изменения на каждой фазе протекания конфликта, происходила трансформация ее структуры. Так, первоначально она существовала как военно-административная, затем по мере реализации преимущественно военных задач преобразуется в административно-военно-милицейскую, а в последующем — в административно-милицейскую. Динамика социальных преобразований и эффективность управления, бесспорно, «зависят от уровня развития интеллектуального потенциала общества, субъектов и объектов управления» [2]. Между тем в экстремальной ситуации подбор управленческих кадров осуществляется с учетом повестки дня текущего момента.

На начальном этапе вооруженного конфликта руководителей территориальных администраций назначали не по образовательным и профессиональным данным, а по волевым качествам и при наличии «военного ресурса». Например, при назначении и ныне действующего мэра г. Аргун в первую очередь учитывалось наличие у кандидатуры вооруженного отряда численностью 50 человек, способного противодействовать вылазкам группы боевиков.

В настоящее время административно-территориальная структура управления республикой по своему типу, представленности всех ветвей власти идентична региональным административно-политическим системам других сопредельных субъектов РФ. Однако есть и отличительные особенности. На практике она продолжает оставаться административно-милицейской (полицейской) с явно и сильно выраженной религиозной доминантой, религиозные институты стали компонентом социального управления, причем скорее не как самостоятельные гражданские институты, а как подотделы регионального и муниципального управления. Это обусловлено не только мировоззрением первых руководителей, но и социокультурной спецификой региона и постконфликтной реальностью. На отдельных светских республиканских совещаниях с участием духовенства или на мероприятиях имамов мечетей и кадиев с присутствием представителя власти именно светский руководитель республиканского, городского, районного уровня ставит воспитательные и идеологические задачи перед духовными лицами.

Другая специфическая черта регионального управления в том, что домоэкономические, или социально-бытовые, элементы традиционной жизни возведены на уровень политической деятельности. Возможно, это временное явление, характеризующее стиль и образ руководителей текущего периода, но его можно рассматривать и как признак становления специфики региональной политической культуры.

Традиционный подход к управлению предполагает прямое воздействие на социальный объект, административно-командную мобилизацию коллектива на решение социальных, производственных, трудовых и иных задач. Такой способ требует волевых и энергетических затрат, но дает результат, обеспечивает достижение поставленной цели.

В постконфликтной ситуации перед органами власти стояли неотложные проблемы:

повышение уровня безопасности, укрепление правопорядка, восстановление объектов жизнеобеспечения, реконструкция социально-экономической инфраструктуры, социальной и медицинской реабилитации населения, выплата компенсаций за потерю жилья и имущества, создание имиджа безопасного региона. Эти вопросы решались посредством разработки и выполнения программ восстановления социально-хозяйственного комплекса, стратегии социально-экономического развития ЧР, упорядочения налогообложения и многообразие форм собственности и другого.

Причем нужно отметить, что в управленческой деятельности чаще просматривается ценностный приоритет социальной среды, а не человека и его социальной безопасности. Поэтому организационно-оперативные меры имеют преимущественно принудительный характер, реже используется потенциал экономического и морального стимулирования. Несмотря на такие издержки, в последние пять лет достигнуты успехи в социально-экономической реконструкции региона.

Реализация федеральных целевых программ позволила восстановить социально-коммунальную инфраструктуру, объекты образования и здравоохранения, наладить работу ряда предприятий и организаций различных секторов экономики. Восстановлен в основном г. Грозный, построен деловой центр «Грозный-Сити», реконструированы г. Гудермес и другие населенные пункты. По данным социологических опросов, на этом фоне указали на улучшение материального положения около половины респондентов. Они подчеркивают, что люди живут в регионе лучше, чем во всех соседних – 19,4%; по сравнению с одними регионами живут лучше, а по сравнению с другими – хуже – 56,8%; хуже, чем во всех соседних регионах – 9,4% [7].

Как видим, в постконфликтной ситуации произошли позитивные изменения, наметилась тенденция выравнивания уровня жизни. Однако уровень экономического развития и занятости населения значительно ниже показателей начала 90-х годов XX в. Так, в те годы удельный вес населения и доля валового регионального продукта в социально-экономических показателях РФ составляли примерно 1% и 7%, в настоящем соответственно 0,9% и 0,2% [9].

Экономически активное население в ЧР – 549 тыс., среднегодовая численность занятых в экономике возросла с 227,5 тыс. в 2007 г. до 256,2 тыс. в 2009 г., уровень

зарегистрированной безработицы составил в 2004 – 79,7%, в 2007 – 66,0%, в 2009 – 54% [9].

Многие полагают, что дальнейшее улучшение жизни населения региона в первую очередь зависит от создания рабочих мест. Важнейшим фактором повышения уровня экономической самостоятельности населения могла бы стать предпринимательская деятельность. Так, согласно данным социологического опроса, 30,3% респондентов выразили желание развивать малый и средний бизнес, но в республике еще не создан благоприятный режим для такого сектора экономики.

Остается весьма значимой потребность населения в улучшении медицинского обслуживания. Следует отметить, что объекты здравоохранения восстановлены, в некоторые учреждения завезено редкое высокотехнологичное оборудование, но людей не устраивает качество медицинской помощи. Количество врачей на 10 000 чел. в РФ – 50,1, в СКФО – 42, в ЧР – 26 [9].

Жителей волнует и проблема укрепления социального порядка, борьбы с коррупцией. Кстати, уровень общей преступности в регионе невысокий по сравнению с другими субъектами РФ. В повседневной жизни сильно ощущается административное и социальное насилие, которое выражается, в частности, в поборах, неофициальном перераспределении благ. На вопрос «Как часто Вам лично приходилось сталкиваться с фактами вымогательства, взяток, коррупции?» опрошенные ответили: «Лично не сталкивался» – 54,2%, «Иногда сталкиваюсь с этими фактами» – 25,4%, «Часто сталкиваюсь с этими фактами» – 10,1% [7].

Существует всеобщая заинтересованность в повышении качества образования,

многие сознают, что перспектива преуспевания в жизни зависит от уровня общего и профессионального образования. Охват детей дошкольными образовательными учреждениями составляет в РФ 58,4%, в СКФО – 34,1%, в ЧР – 11,1% [9]. Количество студентов в вузах ЧР возросло с 18,6 тыс. в 2000/2001 гг. до 33,3 тыс. в 2009–2010 гг. [8].

В идеологической сфере в качестве ключевого направления выделено духовно-нравственное воспитание населения, особое внимание обращается на формирование и развитие традиционных и религиозных ценностей, утверждение трезвого образа жизни, проведение досуга и различных празднований без алкоголя.

Таким образом, региональное социальное управление в ЧР традиционное, содержит административно-командный и народно-традиционный элементы. Современные формы самоорганизации только зарождаются и еще не стали органической частью стиля управления. Превалирование в управлении административно-волевых механизмов позволяет решать мобилизационные задачи послевоенной реконструкции ЧР. Однако такие управленческие методы не соответствуют духу социально-исторической практики региональной общности, существовавшим ранее формам саморазвития и самоорганизации, а также не имеют перспективы упрочения, так как современные усложняющиеся производственно-технологические и социальные системы нуждаются в маневренных, гибких механизмах управления с высоким уровнем профессиональной и гражданской самостоятельности.

1. Конституция Российской Федерации. М. : Экзамен, 2007. 63 с.
2. Кунгурцева Г.Ф. Интеллектуальный потенциал как основа современного управления [Текст] / Г.Ф. Кунгурцева // Социум и власть. – 2011. – №1 (29). – С. 46–50.
3. Послание Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному Собранию РФ от 22 декабря 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/369899/> (дата обращения: 05.01.2012).
4. Пригожин И. Конец определенности: Время, хаос и новые законы природы [Текст] : пер. с англ. / И. Пригожин. Ижевск : Ижевская республиканская типография, 1999. 215 с.
5. Социология : Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. Мн. : Книжный Дом, 2003 г.
6. Социологическое исследование «Интересы разнорасовых групп занятого населения». Грозный, 1991. Объем выборки 1575 чел.
7. Социологическое исследование «Социокультурные проблемы региона». Грозный, 2009. Объем выборки 1000 чел.
8. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Чеченской Республике. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chechenstat.gks.ru> (дата обращения: 15.04.2012).
9. Федеральная служба государственной статистики. Основные социально-экономические показатели регионов Северо-Кавказского федерального округа. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_113/iss/ (дата обращения: 14.03.2011).

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИДЕОЛОГИИ БРИТАНСКОГО ПРАВОГО РАДИКАЛИЗМА В 1970-е – 2000-е гг.

УДК 329.17 (41)

Д.Д. КУРНОСОВ

Настоящая статья призвана рассмотреть идеологию ведущих британских праворадикальных политических сил последних десятилетий XX века и начала XXI века – «Национального фронта» (НФ) и Британского национальной партии (БНП), выделив её типические черты, а также проследив её эволюцию. Обе политические силы традиционно рассматриваются в отечественной и зарубежной исследовательской литературе как неонацистские, однако при этом зачастую авторы оставляют без внимания внутрипартийную идеологическую борьбу. Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы восполнить этот пробел.

«Национальный фронт», созданный в 1967 г., как амальгамация ведущих на тот момент британских праворадикальных сил, вообрал в себя активистов, представлявших собой весьма широкий идеологический спектр – от сторонников сохранения колониальной империи до неонацистов. Как отмечал британский политолог М. Биллиг [7, с. 350], это привело к образованию внутри НФ двух аморфных фракций – «прагматической» и «идеологической». Факторами, объединявшими обе фракции, были резко негативное отношение к массовой иммиграции из бывших британских колоний и поддержка идеи принудительной «репатриации» иммигрантов. Программные документы НФ предполагали лишение гражданства цветных иммигрантов и их потомков с последующей принудительной репатриацией «максимально гуманными средствами» [11, с. 68]. В частности, одним из базовых постулатов, которые должны были принять новые члены НФ, была «оппозиция расовой интеграции и неевропейской иммиграции» [17, с. 86]. Следует отметить, что в данный период политическая позиция о необходимости принудительной репатриации иммигрантов была характерна и для некоторых элементов консервативной партии – в особенности т.н. «клуба понедельника». Толчком к усилению этих элементов внутри партии стала произнесённая в 1968 г. речь популярного консервативного политика И. Пауэлла, который в апокалипсических тонах рисовал угрозу, исходящую от массовой иммиграции. Цитируя древних классиков, он предупреждал о «крови, которой будет считаться Тибр». Исследования

социологов показывают, что Пауэлл и «клуб понедельника» смогли сыграть существенную роль в победе консерваторов на выборах депутатов палаты общин 1970 г. В сентябре 1972 г. «клуб понедельника» провел собрание под девизом «Немедленно прекратить иммиграцию!» и представил премьер-министру Э. Хиту ряд требований, которые включали в себя полное прекращение приёма иммигрантов, отмену закона 1968 г. о расовых отношениях и начало полномасштабной программы репатриации [19, с. 118]. На то время 38% депутатов палаты общин от консервативной партии выступали за прекращение «цветной иммиграции» и поощрение репатриации живущих в стране цветных [16, с. 426]. Отличие НФ от популярной в обществе позиции Пауэлла и «клуба понедельника» состояло в том, что партия зачастую формулировала антииммиграционную риторику в откровенно расистском ключе. Так, представитель «идеологической» фракции Дж. Тиндолл в своей работе «Шесть принципов британского национализма» утверждал, что «...способность управлять и поддерживать цивилизацию в нынешнем состоянии принадлежат европейской расе» [18]. В свою очередь, представитель «прагматической» фракции Дж. Кингсли Рид заявлял следующее: «Британский народ должен сохранить свой особый расовый характер за счёт предотвращения дальнейшей иммиграции лиц небританского происхождения и организации гуманной репатриации всех цветных или расово несовместимых иммигрантов» [19, с. 194].

Представителям «прагматической» фракции удалось добиться того, что НФ сформировал самостоятельную позицию по вопросам Ольстера, евроинтеграции, профсоюзов и постиммиграционного видения страны [15, с. 153], а также сформулировать то, как, по мнению партии, иммиграция отражалась на рынках жилья, образования и здравоохранения [19, с. 217]. Кроме того, в ряде случаев они успешно занимались гражданской активностью на местном уровне [19, с. 167–168]. Это вызвало достаточно резкую реакцию «идеологической» фракции, которая настаивала на первостепенной роли расового вопроса. «Когда британский народ будет уничтожен через расовое кровосмешение, британская

нация перестанет существовать, подчёркивал М. Уэбстер [5, с. 17], — «не сумев донести это послание до британского народа, мы сделаем все наши остальные позиции совершенно бессмысленными и неуместными» [5, с. 17]. Таким образом, коренное различие между фракциями лежало в различном видении роли НФ. С точки зрения «прагматиков» он представлял собой инструмент электоральной политики, для «идеологической» же фракции важнее была роль партии как средства индоктринации. Характерным являлось отмеченное С. Тэйлором [17, с. 96–97] различие в идеологии для внутреннего и внешнего «потребления». Тем, кто ещё только заинтересовался деятельностью организации, рассылалось «программное заявление» НФ, содержащее, помимо репатриации иммигрантов, целый ряд популярных предложений (в частности, выход из ЕЭС и восстановление смертной казни), в то время как издания для членов НФ («Новости Национального фронта» и «Наконечник копья») были почти целиком посвящены «расовому вопросу» [17, с. 96–97]. При этом система ценностей, в которую пытались включить «новообращённых», основывалась на традиционной для неонацистов антиизраильской интерпретации антисемитизма и конспирологических теориях.

Основное периодическое издание НФ заявляло, что «британский парламент и другие органы власти зависят или напрямую контролируются международной финансовой элитой» [2, с. 2]. Другое программное издание «Наконечник копья» выделяло в качестве основных элементов «мирового правительства» Совет по внешней политике, Трёхстороннюю комиссию, Бильдербергский клуб, ООН и ЕЭС [6, с. 12, 13, 20]. По мнению С. Тэйлора, конспирологические теории «идеологической» фракции приводили к большой «текучести» членов партии [17, с. 103–104].

Таким образом, на наш взгляд, характерной чертой идеологической эволюции НФ было формирование глубокого раскола между умеренной и радикальной фракциями. Политическое кредо первой фракции, несмотря на расистское и антисемитское видение мира, складывалось под влиянием позиций представителей «системных» политических партий. При этом приоритетом данной группы было политическое участие и использование инструментов демократического государства. Для радикальной («идеологической») фракции было характерен «метаполитический» характер деятельности, в рамках которой политическое участие понималось скорее как инструмент привлечения новых «адептов»

в правозэкстремистскую субкультуру. Системные противоречия в рамках НФ усугублялись «рыхлой» организационной структурой партии. В конечном итоге, во второй половине 1970-х гг. большинство видных представителей умеренной фракции покинули НФ. Некоторыми из них были основаны собственные партийные организации (например, «Национальная партия» Дж. Кингсли Рида). 1980-е гг. ознаменовались новым раундом фракционной борьбы в рамках НФ (теперь уже между различными «метаполитическими» течениями), что привело к фактическому исчезновению партии с политической арены.

БНП была основана в 1982 г. после одного из фракционных расколов НФ и в целом продолжила линию «идеологической» фракции НФ. Принципиальным отличием БНП от НФ, на наш взгляд, была принципиально иная организационная структура, фактически установившая в партии режим единоличной власти председателя (в 1982–1999 гг. — Дж. Тиндолл) Краеугольным камнем партийной доктрины оставалось требование принудительной репатриации иммигрантов из Великобритании. В своих работах (в частности, книге «Одиннадцатый час») председатель БНП подтверждал приверженность «метаполитическому» видению мира, антисемитской конспирологии и внеконституционным способам прихода к власти. Тем не менее, начиная с конца 1980-х гг. внимание британских праворадикалов привлекают успехи политических сил аналогичного профиля в странах Северной и Западной Европы (в особенности, французского «Национального фронта») По мнению норвежской исследовательницы Э. Иварсфлатен, данным политическим силам удалось реализовать концепцию т.н. «идеологического щита». Иварсфлатен полагает, что общее правило о неприемлемости расистской идеологии для широких слоёв публики не действует, когда партия имеет «позитивное наследие» [15, с. 469]. Таким образом, значение имеет не столько послание, сколько достоинство направляющего его актора [15, с. 469]. Иварсфлатен исходит из того, что «репутационный щит» имеет значение на трёх уровнях — как ресурс во внутриэлитных дебатах и как внешнее и внутреннее оправдание для избирателей [15, с. 470]. Практическим выражением «репутационного щита» может служить, в частности, сепаратизм («Фламандский блок» в Бельгии), регионализм («Лига Севера» в Италии) или борьба с высоким уровнем налогообложения («Партии прогресса» в Дании и Норвегии) [15, с. 470]. Таким образом, данные партии

фактически в значительной степени следовали политическому курсу умеренной («прагматической») фракции НФ. Под влиянием этих процессов заместитель председателя БНП Н. Гриффин весной-летом 1999 г. выдвинул программу масштабной идеологической и тактической «модернизации» БНП, которая была реализована им после избрания на пост председателя партии осенью 1999 г. По мнению Гриффина, в виду кризиса, ожидающего британскую политическую систему, БНП должна была сделать своим приоритетом участие в выборах и привлечение широких масс электората, обновить свой словарь и набор тактических методов, поставив во главу угла принципы «ответственности» и «профессионализма» [10, с. 101]. Таким образом, фактически предлагалось принять видение «прагматической» фракции НФ. Гриффин стремился покончить с образом партии, запятанным обвинениями в неонацизме. «Безответственный и и непрактичный экстремизм остаётся политически неприемлемым для 98% населения», — заявлял он [10, с. 110]. Основными постулатами, вокруг которых должен был формироваться новый имидж БНП, стали свобода, демократия, безопасность и идентичность. По словам Н. Гриффина, эти понятия были столь же естественными и безобидными, как молоко матери [10, с. 103]. Предложения Гриффина встретили поддержку членов БНП, и в октябре 1999 г. он был избран новым председателем партии. Следующим поворотным моментом в идеологической эволюции БНП стали выборы по парламентскому округу Западный Вест Бромвич в октябре 2000 г. В предвыборных материалах впервые речь шла не о принудительной депортации, а о «добровольной репатриации» цветного населения. В дальнейшем партия будет придерживаться этой линии и развивать её. Соответствующие изменения будут внесены и в партийный устав. Задача «восстановления преимущественно белого состава британского населения, существовавшего до 1948 года» [1] была сохранена, однако методы её достижения были переформулированы как «путём изменений законодательства, переговоров и достижения согласия» [1]. Другим существенным изменением в идеологии БНП стал перенос фокуса с расовой проблематики и «еврейского вопроса» на мусульманское население и определение его в качестве основной «угрозы». В частности, во время волнений азиатского населения на севере Англии в мае-июне 2001 г. Гриффин назвал их «не азиатской, а мусульманской проблемой» [4]. Впоследствии лидер БНП заявлял следующее:

«Я был склонен считать, что (беспорядки в городах Северной Англии) это расовая проблема и, возможно, это делало меня расистом. За последние несколько лет я пришел к выводу, что поскольку сикхи, индусты и иммигранты из Вест-Индии так обычно не поступают, значит, этому есть некая другая причина...» [3]. Дальнейшая эволюция исламофобской линии позволила Гриффину в ноябре 2006 г. сделать следующее заявление: «Выступать с позиций расовой нетерпимости глубоко несправедливо, поскольку никто не в силах изменить то, каким он родился. С другой стороны, совершенно оправданно критиковать религию, не стесняясь в выражениях, даже если это преступает черту, установленную законом, поскольку каждый может сменить религию, если она плоха» [3]. В своих заявлениях лидер БНП не скрывал ситуативного характера исламофобии БНП: «Уникально сочетающиеся в исламе террор, заносчивость, скрытность, высокая рождаемость, нефтяное богатство и капитулянтство нашей собственной «элиты» делают его явной угрозой для большего числа населения, чем, пожалуй, любой тоталитарный враг, с которым британский народ сталкивался в мирное (относительно) время со дней французской революции» [14, с. 5]. Гриффин даже не отрицал, что, например, предвыборная кампания БНП на выборах британской делегации в Европарламенте в 2004 г. планировалась в расчёте на то, что в её ходе в Великобритании произойдёт очередной крупный террористический акт, аналогичный взрывам в Мадриде 11 марта 2004 года [13, с. 5]. По словам одного из ведущих идеологов «модернизации» БНП Э. Батлера, «чем более радикальным, агрессивным и непримиримым становится ислам, иными словами, чем больше его приверженцев будет в нашей стране, тем более очевидной будет его несовместимость с базовыми постулатами либерализма» [8, с. 30]. Соответственно БНП стремилась подчеркнуть противоречия между исламом и либеральными ценностями. В частности, эта религия объявлялась несовместимой с такими базовыми ценностями как свобода слова, свобода совести или научных исследований [1].

Следует заметить, что ряд исследователей (например, Н. Копси) выражают сомнение в том, что предложенные Гриффинем изменения представляли собой истинную смену идеологии. По их мнению, истинная задача «модернизации» соответствовала принципа прежней «идеологической» фракции НФ [см. 9]. В этой связи они приводили его слова лидера БНП о том, что «мы, конечно, должны

доносить истину до внутреннего круга активистов» [9, с. 66], а предложенные им меры «являются единственно возможным шагом, приближающим нас к нашей конечной цели» [10, с. 102]. Следует заметить, что под руководством Гриффина БНП сохранила норму устава о том, что целью партии является возвращение Великобритании к этническому составу образца 1948 г. Более того, критерии членства в партии продолжали носить расово исключительный характер. Согласно уставу БНП, членами партии могли являться только представители англосаксонских и кельтских народов и проживающие в Великобритании, либо представители этих этнических групп, проживающие в Европе или за её пределами, но связанные с ними этническим происхождением [1]. Соответствующая норма была изменена только в 2009 г. под давлением Комиссии по равенству и правам человека, подавшей против БНП гражданский иск о нарушении закона 1976 г. о равенстве рас. Именно ригидность, лежащая в центре идеологии БНП, отличает партию от своих аналогов в странах континентальной Европы, успешно реализовавших концепцию «идеологического щита», что осознаётся и лидерами партии [12, с. 4]. Тем не менее, они признавали, что на настоящий момент найти его не удалось [12, с. 6].

Реализованную Н. Гриффином программу идеологической «модернизации» можно охарактеризовать как попытку адаптировать

вокабуляр и тактику партии к современным общественно-политическим тенденциям при сохранении элементов «метаполитического» видения. При этом следует обратить внимание на тот факт, что внутривнутрипартийные конфликты, сопровождавшие «модернизацию», в отличие от НФ не привели к деградации и распаду партии. Во-первых, «метаполитические» элементы позволили сохранить «ядро» партийных активистов, привычных к субкультуре правого экстремизма. Во-вторых, авторитарная структура партийного руководства снижала разрушительный потенциал подобных конфликтов.

Анализ идеологической эволюции британских праворадикалов за рассмотренный временной период позволяет выделить ряд характерных черт. Как в случае НФ, так и в случае БНП, коренным вопросом, определявшим развитие партии, являлась степень участия в политическом процессе. Умеренные элементы были склонны рассматривать электоральную политику в качестве приоритета, а радикальные — отвергали политическое участие и демократические институты в пользу субкультурной жизни. Таким образом, стремления последних обуславливали маргинализацию партии. Перенос же внимания на электоральную политику приводил к определённой смягчению ксенофобской риторики и формулированию более широкой партийной программы. Тем не менее, коренным элементом идеологического видения в любом случае оставался расизм.

1. British National Party. The official website. URL: <http://www.bnp.org.uk> (дата обращения: 06.07.2011).
2. National Front News. 1978. № 14.
3. Nick Griffin interview for Channel4, uncut version. URL: http://www.youtube.com/watch?v=_Hzq7OHn9il (дата обращения: 11.07.2011).
4. Nick Griffin v Jeremy Paxman on Newsnight. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=YawVS9BanAg> (дата обращения: 12.07.2011).
5. Spearhead. 1975. № 85.
6. Spearhead. 1976. № 107.
7. Billig M. Fascists. London, 1986.
8. Butler E. The Nature of the Beast // Identity. – 2008. – № 7. – P. 28–30.
9. Copey N. Changing course or changing clothes? Reflections on the ideological evolution of the British National Party 1999–2006 // Patterns of Prejudice. – 2007. – № 1. – P. 61–82.
10. Copey N. Contemporary British Fascism. The British National Party and the Quest for Legitimacy. Basingstoke, 2004.
11. Fielding N. The ideology of the National Front. London, 1981.
12. Griffin N. Reputation Shields // Identity. – 2009. – № 2. – P. 4–7.
13. Griffin N. June 4 – Our fight with destiny // Identity. – 2009. – № 1. – P. 4–7.
14. Griffin N. British Nationalism – Political Party or Broad-Based Popular Movement // Identity. – 2006. – № 10. – P. 4–7.
15. Ivarsflaten E. The Vulnerable Populist Right Parties: No Economic Realignment Fuelling their Electoral Success // European Journal of Political Research. – 2005. – № 3. P. 465–492.
16. Messina A. Race and Party Competition in Britain // Parliamentary Affairs. – 1985. – № 2. – P. 423–436.
17. Taylor S. The National Front in English Politics. Basingstoke, 1982.
18. Tyndall J. Six Principles of the British Nationalism. URL: <http://www.aryanunity.com/sixprincip4.html> (дата обращения: 06.07.2011).
19. Walker M. The National Front. Glasgow, 1977.

«ПРЯМОЕ ДЕЙСТВИЕ» В СИСТЕМЕ ЮРИДИЧЕСКИХ СВОЙСТВ КОНСТИТУЦИИ РОССИИ

УДК 342.4

Т.И. РЯХОВСКАЯ

Одним из показателей реальности действующей в государстве Конституции является возможность реализации ее норм прямо, без опосредующих звеньев. Эта идея нашла свое отражение в ч. 1 ст. 15 Конституции Российской Федерации. В то же время на сегодняшний день ситуацию с прямым действием конституции невозможно признать удовлетворительной, что связано с отсутствием правовой определенности в понимании данного легального термина. Полагаем, указанный пробел должна устранить наука конституционного права путем выработки своего отношения к обозначенному понятию.

К тому же этот вопрос особо актуален для нашего государства, в котором длительное время конституционные нормы не играли роли реальных правовых регуляторов. Причем подобного рода практика была свойственна большинству социалистических государств, которые вслед за Российской Федерацией установили в своих текстах формулировки о непосредственном действии конституционных норм (в частности, это сделали Украина, Таджикистан, Казахстан) [10, с. 350–351].

Рассматривая систему юридических свойств Конституции, отметим, что это понятие стало складываться еще задолго до появления современной конституции, хотя авторами отмечалось в основном наличие специфических черт конституции, а не свойств. Существовала путаница в понятиях, в связи с чем в итоге учеными выделялись в качестве черт конституции: реальность, стабильность, верховенство, программный характер и ее свойство быть законом государства и общества [13, с. 5–7]. Вероятно, указанному есть причина: попытка рассмотрения конституции одновременно и как основного закона, и как политического акта. Прямое действие норм конституции, впрочем, как и непосредственное действие не обозначалось в качестве свойств либо черт. Лишь А.Б. Венгеров говорит об этом в развитии своей мысли [2, с. 32–33].

Некоторые авторы, например, Ю.Л. Шульженко, выделяют свойства конституции, которые имеют универсальный и всеобъемлющий характер, определяя их как верховенство и высшую нормативную

юридическую силу основного закона [15, с. 6–7]. Полагаем, что это не вполне справедливо, так как указанные свойства являются лишь характеристиками Конституции как Основного Закона.

Е.И. Козлова в качестве юридического свойства Конституции выделяет связку: «конституция имеет высшую юридическую силу и применяется на всей территории Российской Федерации» [4, с. 69]. Однако применение, пусть даже на всей территории России, не указывает на все возможные способы реализации Конституции, не выделяет ее среди, например, федеральных конституционных законов, федеральных законов.

Есть и иные мнения, например, относить к юридическим следующие свойства Конституции: учредительный характер, верховенство в системе источников права, базовый характер, стабильность, итоговый характер, наличие программных положений, нормативность, наивысшую юридическую силу, специальный порядок принятия и изменения конституционных норм, а также связанную с ним стабильность [5, с. 58–59; 8, с. 36–37]. Полагаем, что столь разноплановые характеристики в одну строку ставить едва ли возможно.

В то же время некоторые ученые помимо вышеперечисленных свойств, рассматривают в качестве юридического свойства и прямое действие. Подобного подхода придерживаются: М.П. Авдеенкова, Ю.А. Дмитриев [6, с. 203–204], И.А. Конюхова (она использует термин «правовые свойства») [9, с. 305]. И.М. Филянина в одном из своих исследований отмечает, что «одним из юридических свойств Конституции выступает принцип прямого действия положений Конституции» [14, с. 64]. И.А. Кравец, говоря о «прямом действии» Конституции, называет его свойством [10, с. 344].

Полагаем, наиболее удачным выглядит мнение Н.В. Витрука, который говорит, что правовые свойства Конституции устанавливаются ее собственными нормами и таковыми являются: верховенство и высшая юридическая сила [3, с. 34–35].

Другая тенденция — не обозначать прямое действие Конституции как ее юридическое свойство. Н.В. Варламова [1, с. 101–123],

В. А. Кряжков [11, с. 366], А. Е. Постников [7, с. 39] придерживаются позиции, что это есть принцип действия Конституции, при котором все субъекты конституционного права должны непосредственно руководствоваться нормами Конституции.

Н. В. Витрук, называя прямое действие «правилом действия» Конституции [3, с. 151–152], не проводит жесткой разделительной линии между понятиями «правило действия» и «юридическим свойством».

Лексическое значение слов «принцип», «правило» означает следующее: «принцип – основная особенность в устройстве чего-либо», а «правило – положение, в котором отражена закономерность, постоянное соотношение каких-нибудь явлений» [3, с. 511, 528]. Исходя из конституционно-правового смысла, «принцип» – весь набор основ конституционного строя, которые нашли закрепление в Главе 1 Конституции Российской Федерации, в узком смысле – принципы российского конституционализма представляют собой базовые конституционные положения, обеспечивающие господство права, реальность действующей Конституции, демократические процедуры осуществления государственной власти, защиту прав и свобод личности [10, с. 210]. Следовательно, наименование «принцип прямого действия Конституции» не содержит ошибки, хотя

значительно сужает суть прямого действия Конституции, которое шире, нежели базовое установление.

Резюмируя вышесказанное, полагаем, что верховенство и высшая юридическая сила – постоянные качественные характеристики Конституции как Основного Закона, следовательно, они как юридические свойства могут называться статическими, так как раскрывают сущность конституции как таковой – отличие ее от всех иных законов, ее место в иерархии нормативно-правовых актов. Прямое же действие представляется возможным относить к динамическим характеристикам норм Основного Закона, то есть связанными и востребованными в процессе реализации норм Конституции.

Прямое действие Конституции Российской Федерации – это юридическое свойство ее норм, имеющее легальный характер, выражающее правило действия и реализации норм Конституции независимо от наличия конкретизирующих их нормативно-правовых актов. С одной стороны, оно, являясь основополагающим, обеспечивает своим наличием возможность приобретения конституционно-правовых предписаний реальности, с другой – оно обусловлено верховенством и высшей юридической силой Конституции РФ, что позволяет говорить о нем как о производном от выше указанных.

1. Варламова Н.В. Проблемы прямого действия Российской Конституции // Правовое государство, личность, законность. М. : НИИ правовой политики и применения РАП МЮ РФ, 1997. С. 101–123.
2. Венгеров А.Б. Конституционный контроль в СССР // Правоведение. – 1970. – № 3. – С. 32–34.
3. Витрук Н.В. Верность Конституции: монография. М. : Изд-во РАП, 2008. 272с.
4. Козлова С.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: учеб. 4-е изд., перераб. и доп. М. : ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2006. 608с.
5. Колюшин Е.И. Конституционное (государственное) право России: курс лекций. М., 2006. 416 с.
6. Конституционное право в Российской Федерации: курс лекций: в 9 тт. Т. 1. Основы теории конституционного права / М.П. Авдеевкова, Ю.А. Дмитриев. М., 2005. 384с.
7. Конституционное право России: учеб. / А.Е. Постников, В.Д. Мазаев, Е.Е. Никитина; под ред. А.Е. Постникова. М. : Проспект, 2009. 504 с.
8. Конституционное право России: учебник / под ред. Г.Н. Комковой. М.: Юрист, 2005. 399 с.
9. Конюхова И.А. Конституционное право Российской Федерации. Общая часть: курс лекций. М. : ОАО «Издательский Дом «Городец», 2006. 592с.
10. Кравец И.А. Российский конституционализм: Проблемы становления, развития и осуществления. СПб. : Издательство Р.Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. 675 с.
11. Краснов М.А., Кряжков В.А. Толковый словарь конституционных терминов и понятий. М. : ОАО «Издательский Дом «Городец», 2006. 480 с.
12. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов/ Под ред. докт. филол. наук, проф. Н.Ю. Шведовой. 15-е изд., стереотип. М. : Рус. яз., 1984. 816 с.
13. Тихомиров Ю.А. Проблемы теории социалистической Конституции // Советское государство и право. – 1978. – № 2. – С.3–11.
14. Филянина И.М. Прямое действие положений Конституции – основа легитимности основного закона// Актуальные проблемы публичного, частного права и правоохранительной деятельности в России: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2008. С.64–65.
15. Шульженко Ю.Л. Самоохрана Конституции РФ. М., 1997. 62 с.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОЛИЦЕЙСКИХ РЕФОРМ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ НА РУБЕЖЕ XX–XXI вв

УДК 351.741

И.А. АНДРЕЕВА

«...Историю полиции можно прочесть как череду реформ..., приспособляющих инструмент к постоянно меняющемуся обществу, к задачам все более сложным и разнообразным» [4, р. 12]. Это высказывание как нельзя лучше характеризует развитие полиции в большинстве стран в последние десятилетия с одной поправкой: интенсивность преобразовательных мероприятий такова, что они предстают как одна непрерывная реформа. Поиск оптимальных форм противодействия преступности актуализировал изучение организации и правового регулирования различных видов правоохранительной деятельности. Особое место в антикриминальных стратегиях по-прежнему принадлежит деятельности полицейских органов. В контексте резкой политизации проблемы борьбы с преступностью совершенствование эффективности полицейских структур стало политически значимой проблемой: «Политика влияет на то, что будет определено в качестве проблем, а что нет. От нее зависит, какие будут выявлены угрозы, установлены приоритеты, назначены партнеры и разработаны критерии успеха» [11, р. 6].

Полицейские службы всего мира в течение XX в. трудились над созданием автаркической и иерархической системы. Централизация управления полицией в руках руководства, независимого от политической (местной) власти, рационализация процедур деятельности, введение жестких критериев отбора, профессиональной подготовки, установление дисциплины внутри организации означали превращение полиции в бюрократизированную организацию, деятельность агентов которой, с одной стороны, максимально введена в рамки закона, с другой – понимается преимущественно как правоприменительная, которая получила название в научном дискурсе «профессиональная модель» полиции. Такая полицейская организация инертна и не способна следовать изменениям среды, поскольку процесс принятия решения разорван иерархической дифференциацией (стадия сбора информации, анализа информации, идентификации проблемы и принятия решений), а административные требования соблюдения стандартизированных процедур не позволяют действовать по ситуации. Процесс специализации деятельности,

который является частью ее рационализации, порождает трудности в координации различных полицейских подразделений. История полицейских учреждений свидетельствует и о значительном воздействии военной модели организации работы. Этот выбор можно объяснить желанием, ограничивая дискреционные полномочия агентов, перекрыть потенциальный источник девиаций и сделать полицейское вмешательство таким же эффективным, как вмешательство военных подразделений. Границы «профессиональной» модели полицейской деятельности стали очевидными в 1970–1980-е гг. ввиду непрерывно растущей преступности, глубоких социальных изменений. Ее «пересмотр» происходил и в теоретической (идеи превращения полиции в общественную службу и ее сближения с гражданами), и в практической плоскости (стремление организовать деятельность на основе тесного контакта с населением).

Острые дискуссии в европейских государствах, в которые были вовлечены как политики, так и профессионалы, происходили по вопросу о том, кто должен нести ответственность за обеспечение безопасности и каков современный образец «хорошей полиции». Реформирование полицейской деятельности происходило в тесной связи с обновленными концепциями национальной безопасности, стержнем которых становится принцип коллективной ответственности за «производство безопасности», который должен рассматриваться в контексте распространения и в других секторах публичной службы новых способов и принципов управления (общий подход, партнерство, проект, близость), которые принято обозначать понятием «gouvernance» (фр.) или «governance» (англ.). Термин служит для обозначения искусства или способа управления системой, состоящей из множества элементов (государство, местные органы власти, негосударственные организации, ассоциации, международные инстанции), которые располагают, каждый в различной степени, способностью принимать решения [3].

Стремление придать деятельности полиции превентивно-сервисный характер, делегирование отдельных задач в сфере борьбы с преступностью обществу сочетались с созданием механизмов и методов планирования

и бюджетирования в управлении полицией, ориентированных на результат. В рамках модели «нового публичного управления» главное внимание сосредоточено на повышении эффективности управления полицией посредством создания действенных инструментов контроля и оценки деятельности, мониторинга достигнутых результатов с целью обеспечения ее соответствия потребностям общества при более низких затратах.

Ведущую роль в проведении реформ сыграло распространение в академических кругах и в высшем полицейском руководстве принципов и идей концепции полиции, ориентированной в своей деятельности на общество («Community policing»). Ее становление произошло еще в 1970-е гг. в тесной связи с критикой «традиционной» или «профессиональной» модели полиции за неспособность справиться с городским насилием, решить проблемы распространения незаконной наркоторговли и подростковых банд, обеспечить справедливость (в смысле предоставления равной защиты всем членам общества), за полицейское насилие, пренебрежение мелкими правонарушениями. Свойства традиционной полиции — преобладание в деятельности «реактивных» установок (полиция реагирует на инциденты после того, как они произошли); «симптоматический» подход к проблемам безопасности; понимание полицейской деятельности как правоприменительной (полиция ограничивается задачей обеспечения соблюдения в обществе закона, который воспринимается как цель, а не как средство достижения безопасности и улучшения качества жизни); социальная изолированность полиции — по мнению многих исследователей, не позволяли ей дать адекватный ответ вызовам современности.

Разнообразие стратегий и тактик «Community policing» можно свести к базовым принципам: сближение полицейских служб и граждан на основе совместной деятельности по обеспечению безопасности; реальное партнерство с представителями местного общества (коммуны) и местных учреждений; решение проблем; усиление профилактической составляющей в деятельности полиции. Конкретные направления реорганизации полицейской деятельности — децентрализация управления, сосредоточение управленческих структур на анализе проблем, изменение менталитета членов организации, привлечение общества (территориальной общины, прежде всего) к участию в полицейской деятельности, поощряя участие граждан в процессе принятия решений, предоставление возможности участия

в принятии решений всем сотрудникам полиции, признание значимости качества службы, командного духа работы.

Поскольку полицейские организации европейских государств имели значительную национальную специфику, складывавшуюся в течение длительного времени, то и содержание модернизационных мер не было одинаковым. Если в Англии и Уэльсе полицейская реформа была направлена на повышение эффективности полицейской деятельности в смысле улучшения соотношения «стоимость–качество» в оказании публичных услуг, то, например, в Бельгии на первом плане оказалось реструктурирование полицейской системы, в результате которого вместо трех независимых полицейских органов была создана интегрированная полиция на местном уровне. Хотя в сравнении с Германией, где лишь некоторые полицейские структуры были преобразованы в конце XX в. под влиянием идей «нового публичного управления» из-за сильного сопротивления его распространению парламентской оппозиции и полицейских профсоюзов [11, Р. 10], в Бельгии менеджерский подход в управлении полицией прижился благодаря тому, что большая группа высокопоставленных полицейских чиновников в свое время получили образование в бизнес-школе Vlerick [8, р. 66]. В Испании разработка реформ, связанных с формированием коллективного подхода в противодействии преступности, была по сравнению с другими европейскими странами запоздалой и менее активной. Основные угрозы для нее были связаны с терроризмом и организованной преступностью, в то время как для полиции ближайших соседей Испании главным вопросом повестки дня в последние десятилетия стало обеспечение повседневной безопасности и противодействие преступности небольшой тяжести. Институциональное многообразие сферы обеспечения безопасности стало в определенный период препятствием ее эффективности, что сделало задачу улучшения координации деятельности полицейских структур Испании ведущей в их реформировании, предопределив тенденцию дальнейшей их централизации. Столкнувшись с необходимостью организационно-правового совершенствования органов охраны правопорядка, государства стремятся к повышению эффективности их деятельности, не отказываясь от национальных особенностей, используя достоинства той модели полиции (централизованная, децентрализованная, или смешанная), которая сложилась исторически и наиболее адекватна политико-правовым традициям страны. Развитие идей «Community policing» и их реализация имеют нюансы в различных странах.

Регионально-муниципальная модель организации полиции Великобритании с большей легкостью интегрировала идею ориентирования полиции на потребности территориальной общины и взаимодействие с ней. Важным направлением «Community policing» в Великобритании стала работа добровольных полицейских, способствующая, с одной стороны, усилению взаимодействия между полицией и обществом, а, с другой, позволяющая ответить на пожелания населения по усилению присутствия полиции в общественных местах. В 1982 г. было положено начало реализации программ «соседского наблюдения» как форме неофициального общественного контроля. К концу 2008 г. во всех районах были созданы команды «neighborhood policing», состоящие из полицейских, специальных констеблей, представителей местных властей, учреждений, общественных и коммерческих организаций. Также были постепенно созданы предусмотренные Законом о полиции и доказательств по уголовным делам 1984 г. (Police and Criminal Evidence Bill) консультативные комитеты, объединившие членов управлений полиции, представителей церкви, этнических меньшинств и общественных ассоциаций. Закон о преступлении и о беспорядке 1998 г. (Crime and Disorder Act 1998) установил обязанность местных властей работать над уменьшением уровня преступности и потребовал учреждения структур межведомственного сотрудничества. Ими стали Партнерства в сфере сокращения преступности и нарушений порядка (CDRPs). Закон 2006 г. (Police and Justice Act) активизировал их создание, четко определив обязанности местных властей и полиции. В 2007 г. МВД Великобритании ввело национальные стандарты для организации их работы [5].

В течение последних тридцати лет правительство Великобритании стремилось положить в основу организации полицейской деятельности ориентацию на потребности населения в безопасности, однако итоги проводимой политики оказались далеки от ожидаемых. Противоречивость проводимых преобразований, одновременно предполагающих и централизацию, и территориализацию полицейской деятельности, констатировалась многими исследователями [10]. В 2008 г. комитет Палаты общин по внутренним делам закончил исследование состояния полицейской службы в Великобритании и пришел к выводу, что в результате введения системы определения целей деятельности «сверху» качество предоставления полицией услуг населению ухудшилось. Он изложил ряд предложений, ставших основой для новой

реформы полиции [6, p. 14–15]. Во-первых, предложено, чтобы управления полиции были отменены и заменены уполномоченными по делам полиции, которые будут избираться непосредственно населением. Во-вторых, предусмотрено перераспределение полномочий в определении целей и задач полицейской деятельности между МВД Великобритании и местными руководителями полиции в смысле их «передачи от правительства к профессионалам». В-третьих, сообщалось об изменении акцентов в деятельности центральных структур: теперь главным объектом приложения их управленческих усилий станут общенациональные полицейские агентства. В-четвертых, предполагается дальнейшее развитие «экономической рентабельности» полицейских сил. И, наконец, в-пятых, ставка делается на развитие разнообразных форм участия населения в охране общественного порядка. В министерской программе «Полиция в XXI в.: восстановление связи между полицией и населением» констатируется, что «увеличение правительственного вмешательства в последние годы изменило фокус полицейской деятельности», «она стала более ответственна по отношению к правительственным целям и бюрократии, а не к обществу» [7, p. 2]. Сегодня Великобритания приступает к новому этапу реформирования полицейских сил, делая непростой выбор между дальнейшей централизацией управления полицейскими силами и возобновлением подхода, учитывающего потребности территориальных общин, в пользу последнего.

Различные формы привлечения граждан к охране общественного порядка оказались чужды французской политико-правовой традиции. Прямому участию граждан в обеспечении безопасности было противопоставлено обновление способа деятельности полицейских служб и улучшение связей между силами безопасности и местным обществом на основе доктрины «близкой полиции». Ее принципы: территориализация полицейского действия; постоянный контакт с населением и партнерство со всеми заинтересованными учреждениями и организациями в рамках локальных контрактов безопасности; поливалентность полицейских функций; ответственность полицейских перед населением; понимание полицейской работы как социальной службы. Слабость концепции, отсутствие ясно сформулированных целей и разработанных конкретных практик деятельности для сотрудников полиции, неразработанность критериев оценки полицейской деятельности, сокращение бюджета, сопротивление сотрудников полиции не позволили реализовать

в полной мере французской полиции стратегию «Community policing» [см. подробнее: 1, с. 185–188]. Императивом преобразований французской полиции в 2000-е гг. стала оптимизация деятельности государственных сил безопасности в духе органического закона от 1 августа 2001 г., относящегося к законам о финансах (LOLF) и предусматривающего рационализацию расходов государственных средств [9]. Несмотря на критику и попытки реорганизации национальной полицейской модели, осуществляемые начиная с 1980-х гг. практически непрерывно, ее главные черты были сохранены и даже усилены в связи с реформой сближения Национальной жандармерии и Национальной полиции (2009).

Внедрение концепции «нового публичного менеджмента», критика традиционной модели полиции, поиск и внедрение новых методов полицейской деятельности характеризуют в разной степени все европейские страны. Это привело к увеличению персонала, специализирующегося на управлении полицией и расходов на деятельность по управлению качеством работы. Опыт зарубежных стран показывает, что критерии эффективности, среди которых важное место занимают показатели, измеряющие степень удовлетворенности населения работой полиции, являются лишь одним из элементов системы управления качеством деятельности полицейских органов, вне которой они теряют свой инструментальный характер; процедуры и критерии, внедряемые для определения эффективности деятельности полицейских подразделений, не должны быть чрезмерно сложными; все критерии должны быть между собой тесно взаимосвязаны; информационным

источником для оценки отношения населения к полиции должны быть опросы, осуществляемые независимыми организациями.

В 1980–2000-е гг. произошли фундаментальные изменения в полицейской работе, философии, управлении, кардинально изменились представления о социальной функции полиции и ее роли в обеспечении безопасности [11, р. 8]. Объектом преобразований стали полицейское образование, интегрируемое на основе принципов так называемого Болонского процесса; карьерный и профессиональный рост в полиции; демонополизация функций полиции в сфере общественной безопасности и порядка, связанная со специализацией и дифференциацией органов полиции (дорожная полиция, криминальная полиция и т.д.), а также делегированием части полномочий другим органам и ведомствам (антинаркотическим, антитеррористическим и т.д.). Итогом реформирования, которое концептуализируется в отечественной науке как процесс «социализации» полиции, стало понимание полиции не как военизированного и правоохранительного института, а как государственного органа, деятельность которого связана с оказанием всесторонней помощи и услуг законопослушным гражданам в сфере общественной безопасности и порядка [2, с. 18].

Сегодня полиция участвует в обеспечении безопасности наряду с другими публичными и частными организациями. Не обладая больше монополией на осуществление полицейской деятельности, полиция вместе с тем остается главным элементом «сетей безопасности», без которого совместная деятельность других участников не может состояться.

1. Андреева И.А. Полицейская система Франции [Текст] / И.А. Андреева. Омск, 2011.
2. Астапенко П.Н. Конституционно-правовые основы деятельности полиции (милиции) стран Европейского союза и Российской Федерации (сравнительно-правовой анализ) [Текст] / П.Н. Астапенко: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2009.
3. Baron C. La gouvernance: débats autour d'un concept polysémique // Droit et Société. 2003. № 54. URL: <http://www.reds.msh-paris.fr/publications/revue/html/ds054/ds054-03.htm> (дата обращения: 30.01.2011).
4. Berlière J-M. Le monde des polices en France: XIXe-XXe siècles. Paris, 1996.
5. Binet-Grosclaude A. La politique pénale du New Labour: poursuite de l'approche gestionnaire conservatrice? // Observatoire de la société britannique. – 2010. № 8. URL: <http://osb.revues.org/925> (дата обращения: 17.05.2011).
6. Liberty's response to the Home Office consultation Policing in the 21st Century: Reconnecting police and the people. September 2010. URL: <http://www.liberty-human-rights.org.uk/pdfs/policy10/policing-in-the-21stc-reconnecting-the-people-and-the-police-sept-2010.pdf> (дата обращения: 17.05.2011).
7. Policing in the 21st century: reconnecting police and the people. P. 2. URL: <http://www.homeoffice.gov.uk/publications/consultations/policing-21st-century/policing-21st-full-pdf?view=Binary> (дата обращения: 17.05.2011).
8. Pollitt C., Bouckaert G. Continuity and change in public policy and management. Edward Elgar Publishing, 2009.
9. Rapport d'information n°25 (2003–2004) de M. A. de Montesquiou, fait au nom de la commission des finances, déposé le 15 octobre 2003. URL: http://www.senat.fr/rap/r03-0025/r03-0025_mono.html (дата обращения: 09.12.2010).
10. Stephen P.S. Give and take: the bifurcation of police reform in Britain // Australian and New Zealand Journal of Criminology. – 2007. – Vol. 40. URL: <http://www.highbeam.com/doc/1G1-172555816.html>. (дата обращения: 17.05.2011).
11. Van Sluis A., Frevel B. Contested police systems // van Sluis A., Frevel B. (eds.) German Policy Studies. – Vol. 5. – No. 2. – 2009.

ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ ФЕДЕРАЛЬНОЙ КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 342.951

К.И. ФАМИЕВА

Российское государство имеет богатейший опыт по осуществлению деятельности в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. В условиях перехода России к качественно новому уровню экономики, развитию конкуренции отношения, связанные с закупками, получили новое развитие. Первостепенная роль рассматриваемых отношений обусловлена в том числе их особой целевой направленностью, связанной с удовлетворением потребностей общества в необходимых товарах, результатах работ, услугах. Кроме того, развитие нормативно-правовой регламентации отношений в сфере закупок — одно из основных направлений модернизации экономики. Практика показывает, что в современных условиях значимость данных отношений продолжает возрастать.

В настоящее время в Российской Федерации различные стадии размещения заказа для государственных и муниципальных нужд в разной мере нормативно регламентированы, методически обеспечены и организационно структурированы. Вместе с тем существующее законодательство не обеспечивает единства подходов к регулированию всего цикла государственных (муниципальных) закупок. В связи с тем, что комплекс проблем в сложившейся системе регулирования закупок не представлялось возможным решить в рамках внесения отдельных изменений в действующее законодательство, разработан и внесен в Государственную Думу Российской Федерации законопроект «О федеральной контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг». Разработке законопроекта предшествовал длительный процесс формирования нормативной базы, обеспечившей становление закупочной системы России [4, с. 46].

Современное состояние правового регулирования института закупок для государственных и муниципальных нужд представляет собой результат процесса сложных преобразований и изменений, отразивших все коллизии истории российского государства.

Правовой анализ генезиса конструкции нормативно-правового регулирования

правоотношений в сфере закупок с учетом исторического аспекта и международного опыта, приведенный в данной статье, направлен на установление предпосылок возникновения, становления и развития федеральной контрактной системы.

Исторический опыт свидетельствует о том, что закупки появились в годы правления Петра I. Закупки проводились преимущественно в форме конкурса и обладали специфическими чертами, характерными для современных торгов. В указанный период зарождались принципы открытости и публичности проводимого отбора. Так, первые объявления о конкурсе вывешивались на всех городских воротах, чтобы лица, входящие в город или покидающие его, могли с ними ознакомиться. Здесь же обычно сообщалось о льготах подрядчикам и поставщикам, перечислялись лица, уже работающие по государственным закупкам. В июне 1714 г. издано специальное сенатское решение, согласно которому необходимо было публичное сообщение результатов не только важнейших, но и различных мелких торгов. Требовалось указать, кто на что подрядился, по каким ценам, данные сведения подлежали направлению в Канцелярию Сената.

Одновременно с ростом числа проводимых конкурсов резко возросло число злоупотреблений, связанных с распределением и использованием казенных средств, резко возрастало взяточничество. При этом система наказаний за подобные преступления в рассматриваемый период не была развита. Приведенные обстоятельства указывают на возникновение важнейшей задачи упорядочения процедур, правил, порядка ответственности при проведении публичных торгов.

При императрице Елизавете в 1758 г. впервые появилось установление преференций, которое существует по настоящее время. В соответствии с действовавшим законодательством преимущество отдавалось непосредственному производителю, а не купцу-посреднику. От участников требовалось множество справок, гарантий, проводилась предварительная проверка надежности поставщика. Победителя торгов

склоняли к уменьшению цены в целях увеличения казенной прибыли. Полагая, установление процедуры проверки надежности поставщика является целесообразным и способствует более эффективному обеспечению государственных и муниципальных нужд, а также экономии бюджетных средств. В отличие от законодательства о закупках, существовавшего при императрице Елизавете, действующий с 2005 года Федеральный закон от 21 июля 2005 года № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 94-ФЗ) процедуру проверки надежности поставщика не предусматривает, напротив, усматривается презумпция, согласно которой факт подачи участником заявки уже подразумевает добросовестность намерений участника и, как следствие, его соответствие установленным требованиям. При этом проверка надежности может рассматриваться контролирующими органами как вмешательство в хозяйственную деятельность субъекта. Существующие процедуры позволяют участвовать в размещении заказа и побеждать поставщикам с низкой квалификацией, не обладающим реальными производственными возможностями для надлежащего исполнения государственного (муниципального) контракта. При данных обстоятельствах, с учетом сложившейся практики и исторического опыта, установление федеральной контрактной системой возможности предварительной проверки финансового соответствия поставщика, во избежание наступления неблагоприятных для заказчика последствий, представляется крайне необходимым.

Таким образом, действовавшая система закупок содержала институты, являющиеся прообразом определенных элементов, вводимых в настоящее время федеральной контрактной системой, и наиболее приближенные к сущности современного процесса закупок. В частности, института поручительства, информационного обеспечения процедур размещения заказа, принципа гласности и прозрачности в осуществлении закупок, установления начальной (максимальной) цены контракта. Такой положительный опыт оценки ценовой конъюнктуры и доведения вытекающих из нее рекомендаций до государственных и муниципальных заказчиков применен в Законопроекте «О федеральной контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг» [2, с. 167].

До советского периода система правового регулирования закупочного процесса существенных изменений не претерпевала. Для социалистической экономики советского периода была характерна система планирования и распределения материальных ресурсов, которая не обеспечивала необходимой сбалансированности производства и потребления.

В сравнении с социалистической системой, институт планирования в федеральной контрактной системе модернизирован и призван обеспечить осуществление закупок на качественно новом уровне. В Бюджетном послании Президента Российской Федерации «О бюджетной политике в 2010–2012 годах» отмечается необходимость совершенствования инструментов программно-целевого планирования (федеральных целевых программ, приоритетных национальных проектов, проектов основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации), что связано с переходом к программной структуре бюджета. Действующая система законодательства в сфере размещения заказа не регламентирует институт планирования, за исключением обязанности заказчиков, уполномоченного органа по размещению планов-графиков закупок товаров, работ, услуг в информационно-телекоммуникационной сети Интернет в порядке и по форме, утвержденной совместным Приказом Минэкономразвития РФ N 761, Казначейства РФ N 20 н от 27.12.2011 «Об утверждении порядка размещения на официальном сайте планов-графиков размещения заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для нужд заказчиков и формы планов-графиков размещения заказа на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для нужд заказчиков». Однако размещение планов-графиков является лишь составным элементом системы планирования и прогнозирования, регламентированной федеральной контрактной системой.

В законодательстве советского периода также особое внимание уделялось контролю за исполнением по договорам поставки и подряда.

Однако постепенно институт контроля за исполнением контракта был упразднен. На основании части 4 статьи 9 Закона № 94-ФЗ заказ признается размещенным со дня заключения контракта или, в случаях, предусмотренным указанным законом, со дня заключения гражданско-правовых договоров. Отношения после размещения заказа

регулируются непосредственно гражданским законодательством, а участниками таких правоотношений являются только две стороны – заказчик и лицо, являющееся победителем проводимых процедур размещения заказа. Вместе с тем нормы о гражданской правовой ответственности не носят императивного характера и применяются по усмотрению стороны контракта. Ответственность государственного заказчика за конечные результаты закупки во многих случаях, по сути, подменялась ответственностью исключительно за соблюдение формализованных правил выбора поставщика [7, разд. III]. Таким образом, исключен административный механизм регулирования правоотношений по размещению заказа и административная ответственность за неисполнение обязательств по контракту.

Введение столь важного инструмента системы закупок как контроль за исполнением контракта предусматривает федеральная контрактная система.

Логика рассуждения приводит к тому, что система планирования и прогнозирования осуществления расходов бюджета, контроля за исполнением государственного (муниципального) контракта, упраздненные в процессе становления законодательства, регулирующего отношения в сфере закупок, возрождаются в федеральной контрактной системе.

Контрактная система как форма управления закупочным процессом широко применяется во всем мире.

Идея перехода на контрактную систему опирается на положительный зарубежный опыт. В настоящее время национальные контрактные системы успешно функционируют в экономически развитых странах Европы – Франции, Великобритании; Азии – Сингапур, Тайвань, Саудовская Аравия; Северной Америке – США, Канада. Несмотря на разнообразие подходов, существующие системы характеризуются четкой и эффективной регламентацией различных этапов удовлетворения государственных нужд.

Классическим примером федеральной контрактной системы является федеральная контрактная система США [3, с. 67]. Предпосылками ее формирования явились ежегодное расширение масштабов государственного потребления; рост государственных расходов и постоянное ускорение научно-технического прогресса на фоне глобальной конкуренции в области науки, техники и экономики; усиление регулирующей роли государства

в экономике при ограниченных размерах государственной собственности. В отличие от Российской Федерации, где процесс развития нормативной базы и совершенствования правоприменительной практики в сфере закупок был прерван в годы существования административно-плановой экономики, в развитых странах этот процесс шел практически непрерывно, что позволило данным странам добиться значительных успехов в этой сфере.

Нормативной основой федеральной контрактной системы США является свод законодательных актов государственного регулирования. Цель такого регулирования – преодолеть ведомственность при формировании и заключении контрактов, централизовать и, как следствие, унифицировать правовые акты, регулирующие контрактные отношения [5, с. 96–100].

В отличие от российской системы законодательства, регулирующего правоотношения в данной сфере, система законодательства зарубежных стран включает в себя механизмы управления всем циклом заказа (планирование–размещение–исполнение).

С позиции изложенного, основным недостатком существующего нормативного правового регулирования усматривается в том, что относительно прозрачной, подверженной общественному контролю, является исключительно стадия размещения заказа, а не весь процесс осуществления закупок, что влечет возникновение правовых пробелов в регулировании отдельных закупочных этапов и процессов.

Следует отметить, что данный недостаток влечет возникновение коррупционного потенциала, который формируется уже на стадии планирования: обоснование завышенных бюджетных заявок, установление завышенной начальной цены на торгах, подготовка технического задания, соответствующего определенному поставщику, выставление нереальных сроков осуществления заказа. Все эти вопросы не регламентированы действующим законодательством.

С учетом положительных результатов и эффективности функционирования федеральной контрактной системы США, необходимо руководствоваться зарубежным опытом в части практической реализации систем такого рода. Следует отметить, что вопросы, связанные с контрактными системами, являются предметом анализа многих ученых из зарубежных стран [9, с. 616]. Материалы их научных исследований в данной области

должны учитываться при выработке подходов к реализации контрактной системы в Российской Федерации.

Социально-экономическое развитие России на современном этапе происходит на фоне расширения сферы экономического прогнозирования и финансового планирования. Так, цель разработки Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [8, ст. 5489] заключается в определении путей и способов обеспечения в долгосрочной перспективе устойчивого повышения благосостояния российских граждан, национальной безопасности, динамичного развития экономики, укрепления позиций России в мировом сообществе. В Концепции отмечается, что в 1990–2000-х гг. в России в основном завершён переход к рыночной экономической системе и дальнейшее развитие нашей страны связывается с переходом к инновационному социально ориентированному типу экономического развития. Анализ положений данной Концепции и других программных документов среднесрочного и долгосрочного характера показывает, что важным инструментом реализации выработанного курса является система закупок для государственных и муниципальных нужд.

Практика показывает, что существенная роль государственных и муниципальных закупок преобладает в условиях финансово-экономического кризиса и преодоления его последствий. Через систему закупок возможно оказание поддержки реальному сектору экономики, отечественным товаропроизводителям, в том числе малому и среднему бизнесу и другим категориям хозяйствующих субъектов [2, с. 4].

В Российской Федерации, как и в других странах, на государственные нужды расходуются значительные объёмы денежных средств бюджетов различных уровней. При этом одной из первостепенных задач является повышение эффективности использования государственных ресурсов. Система государственных заказов должна использоваться в качестве инструмента управления структурными преобразованиями в российской экономике, способа стимулирования технологической модернизации и повышения конкурентоспособности эффективных производителей.

Изложенные обстоятельства свидетельствуют о том, что сфера государственных и муниципальных закупок является особо значимой сферой отношений, от развития

которой непосредственно зависит реализация важнейших целей и задач Российской Федерации применительно к среднесрочной и долгосрочной перспективе социально-экономического развития, обеспечения национальной безопасности.

В Бюджетном послании Президента РФ Федеральному Собранию от 25 мая 2009 г. «О бюджетной политике в 2010–2012 годах» поставлена задача перехода к режиму жесткой экономии бюджетных средств, решение которой невозможно без дальнейшего развития отношений в сфере закупок.

Во исполнение указанного поручения представляется необходимым реализация федеральной контрактной системы в Российской Федерации.

Первоочередной мерой при формировании федеральной контрактной системы по устранению текущих недостатков и пробелов в регулировании закупок является обеспечение и структурирование всех стадий закупочного процесса, о чем указано в Программе Правительства Российской Федерации по повышению эффективности бюджетных расходов на период до 2012 года.

Внедрение механизмов федеральной контрактной системы в закупочный процесс государственных (муниципальных) нужд в товарах, работах и услугах на качественно новом уровне. Повышение результативности закупок продукции обеспечит существенное повышение объёмов и качества оказываемых населению государственных (муниципальных) услуг и снизит затраты на их оказание.

Исторический и международный опыт, опыт правоприменительной практики, правовая и административная среда, накопившиеся проблемы в сфере закупок были учтены при разработке вышеуказанного законопроекта.

Предпосылками разработки федеральной контрактной системы послужили следующие проблемы: неполнота правового регулирования процесса закупок (урегулированы только вопросы размещения заказа); отсутствие контроля планов закупок, открывающее возможности для осуществления закупок, не отвечающих интересам общества и государства; отсутствие ответственности заказчика за результат; увеличение количества контрактов, заключённых с единственным поставщиком, то есть без проведения каких-либо конкурентных процедур; демпинг и незащищённость заказчиков от недобросовестных поставщиков; постоянно возрастающее количество не состоявшихся конкурсных

процедур, отсутствие правовых механизмов защиты интересов государства в процессе публичных инвестиций, крайне узкие возможности реальной конкуренции при размещении заказов, отсутствие процедуры обоснования заказа и нормирования нужд учреждений [10, с. 28].

Именно исходя из необходимости решения указанных проблем разработаны и ключевые принципы, на которых базируется федеральная контрактная система, — нацеленность на результат и ответственность заказчика за обеспечение прозрачности, подконтрольности обществу всех стадий процедур осуществления закупок. Федеральная контрактная система направлена на создание правовой системы координат для долгосрочного развития системы закупок для государственных и муниципальных нужд. Концепция федеральной контрактной системы содержит пути решения задачи формирования национальной контрактной системы как адекватного инструмента для достижения целей более высокого уровня — для обеспечения государственных нужд [1, с. 19].

Целью федеральной контрактной системы является достижение соответствия показателей и итогов обеспечения государственных и муниципальных нужд по первоначально заложенным в них параметрам и утвержденным показателям бюджета, что позволит установить приоритеты, направленность,

а также результаты использования бюджетных средств, установить индикаторы, характеризующие их достижение, организовать на постоянной основе мониторинг эффективности расходования бюджетных средств.

Прогнозируемые результаты реализации федеральной контрактной системы заключаются в повышении качества удовлетворения государственных (муниципальных) нужд за счет реализации процедур прогнозирования и планирования закупок товаров, работ и услуг в увязке с мониторингом и контролем исполнения контрактов, учетом и комплексной оценкой контрактных результатов, сокращении уровня коррупции при осуществлении закупок — за счет осуществления необходимых закупочных процессов на всех этапах жизненного цикла контракта, их регламентации и публичного мониторинга, повышении эффективности бюджетных расходов — за счет сокращения малоэффективных государственных контрактов, оперативного контроля исполнения, анализа и предупреждения контрактных рисков, обеспечение технологической безопасности — за счет контроля качества предоставляемых товаров, работ и услуг [6, ст. 12].

Таким образом, перспективность и абсолютная необходимость практической реализации будущей российской федеральной контрактной системы представляется очевидным фактом.

1. Анчишкина О. В. Национальные контрактные системы: российское перепахуье [Текст] / О. В. Анчишкина // Этап: экономическая теория, анализ, практика. — 2010. — № 2. — С. 19.
2. Белов В. Е. Поставка товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд: правовое регулирование [Текст] / В. Е. Белов. М. : Норма, Инфра-М, 2011. 304 с.
3. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество [Текст] Дж. Гэлбрейт. М. : ООО «Издательство АСТ», 2004. 608 с.
4. Кичик К. В. Государственный (муниципальный) заказ России. Правовые проблемы формирования, размещения и исполнения [Текст] / К. В. Кичик. М. : Юстицинформ, 2012. 260 с.
5. Лобанова Е. Госзаказы и контракты в системе государственного регулирования // Вопросы экономики. — 1991. — № 7. — С. 96 — 100.
6. О бюджетной политике в 2012–2014 годах: Бюджетное послание Президента РФ Федеральному собранию от 29.06.2011 [Текст] // Парламентская газета. — 2011. — № 32.
7. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 N 1662-р [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2008. — № 47. — Ст. 5489.
8. О федеральной контрактной системе: концепция проекта Федерального закона [Текст] // Российская газета. — 2011. — № 5556.
9. Федорович В. А. США: Федеральная контрактная система и экономика: Механизм регулирования [Текст] / В. А. Федорович. М. : Наука, 2008. 893 с.
10. Храшкин А. А. Порядок госзакупок следует изменить [Текст] / А. А. Храшкин // Учет в бюджетных учреждениях. — 2011. — № 12. — С. 28.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СПОРТИВНОГО ПРАВА В РОССИИ

УДК 34:796

Н.В. ДРАНИЧНИКОВА, С.А. ЗАХАРОВА, А.Б. СЕРГЕЕВ

Спорт — социальное явление, которое оказывает влияние на различные сферы общества: экономику, менеджмент, культуру, образование, международные отношения, политический процесс. Во всем мире наблюдается развитие спортивного права. Объясняется это тем, что в спорт привлекаются большие финансовые потоки. Можно с уверенностью сказать, что спорт как бизнес зависит от рыночных отношений.

Смысл спортивного права связывается с социальной значимостью спорта. Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ (далее — Закон о физической культуре и спорте), разделяя понятия «физическая культура» и «спорт», не толкует последний как составную часть физической культуры, а дает следующее определение: «Спорт — сфера социально-культурной деятельности как совокупность видов спорта, сложившаяся в форме соревнований и специальной практики подготовки человека к ним» [3].

За последнее время правовые отношения в спорте претерпели существенные изменения, поэтому ранее появившиеся нормы и новые нормы права о спорте, объединившись, вызывают необходимость определения их принадлежности к той или иной части системы права.

Понятие «спортивное право» возможно рассматривать в зависимости от контекста в различных значениях:

- как отрасль права;
- как комплексную отрасль законодательства;
- как науку, исследующую закономерности формирования и функционирования спортивного права;
- как учебную дисциплину [9, с. 36].

В российской правовой науке И. С. Кузнецов одним из первых определил спортивное право как отрасль законодательства, охватывающую нормативные акты, регулирующие общественные отношения, возникающие в процессе подготовки спортсмена к спортивным соревнованиям и участия в них, а также участия юридических лиц в деятельности, связанной с организацией и проведением спортивных мероприятий,

как на национальном, так и на международном уровнях [6, с. 2].

Рассуждая о месте спортивного права в системе права России С. В. Алексеев отмечает, что спортивное право является комплексной отраслью наряду с маркетинговым, транспортным, банковским, корпоративным, финансовым и др. [5, с. 134]. Поэтому объективно первая правовая проблема связана с регулированием общественных отношений в обсуждаемой сфере и заключается в согласованности нормативно-правовой базы, её непротиворечивости и внутреннего единства. К сожалению, решение названной проблемы находится на первоначальном этапе осуществления. Такое состояние во многом объясняется тем, что система норм, охватывающих отношения, возникающие в сфере физической культуры и спорта, — это новое направление российской юриспруденции, следовательно, ошибки неизбежны.

Закон о физической культуре и спорте устанавливает правовые, организационные, экономические и социальные основы деятельности в области физической культуры и спорта в Российской Федерации, определяет основные принципы законодательства о физической культуре и спорте. В этом законе существенно расширен и уточнен понятийный аппарат. Впервые введены такие понятия, как: массовый спорт, национальные виды спорта, паралимпийское и сурдлимпийское движение, правила видов спорта, спортивная дисциплина, спортивная федерация, спорт высших достижений, физическая подготовка, спортивные сооружения и др. Названным Законом вводится новый вид общественного объединения — спортивная федерация, целью которой является развитие одного или нескольких видов спорта, их пропаганда, проведение спортивных мероприятий и подготовка спортсменов спортивных сборных команд.

По мнению А. Т. Сихарулидзе, С. В. Алексеева, Закон о физической культуре и спорте позволил:

- придать системе управления спортивным движением оптимальную управляемость, целенаправленность и гарантированность;
- создать условия для разработки долговременной программы развития этой системы (и такая программа принята [4]);

- охватить единым нормативным регулированием спортивные отношения, во многом опосредованные многообразием национальных спортивных законодательств;
- повысить эффективность разрешения споров в сфере спорта [8, с. 234].

Однако А. А. Соловьев считает, что этот Закон не смог полностью преодолеть существенную разрозненность нормативных актов в области спорта, даже с учетом значительных изменений (16 поправок), внесенных в него в последующие годы [9, с. 4]. Среди них – комплекс мероприятий, направленный на предотвращение допинга в спорте и борьба с ним (ст. 26) [3]. С данным суждением согласны А. Т. Сихарулидзе и С. В. Алексеев. К неотложным проблемам относят незавершенность правовой регламентации главы 4 Закона о физической культуре и спорте, посвященной подготовке спортивного резерва. Правовой пробел заключается в отсутствии конкретных правовых механизмов реализации, в том числе в неопределенности статуса организаций, осуществляющих подготовку спортсменов, отсутствии прав, обязанностей и порядка деятельности этих организаций.

Другой нерешенной проблемой является совершенствование правового статуса спортивных федераций (в части оптимизации их взаимодействия с органами управления физической культурой и спортом) и др. [8, с. 68].

Перечислить все проблемы не представляется возможным, но в классификационном порядке их можно представить так:

1. Проблемы трудовых, гражданских, финансовых отношений в сфере спортивной деятельности.

2. Актуальные проблемы государственной защиты прав спортсменов.

3. Особенности содержания правового статуса субъектов в области физической культуры и спорта. О последней проблеме свидетельствует то обстоятельство, что с 2009 года приостановлено (в настоящее время вновь продлено приостановление теперь уже до 2015 года [2]) действие ст. 7 названного Закона относительно полномочий по оформлению и ведению спортивных паспортов и расходованию средств на осуществление переданных соответствующих полномочий.

К отдельному блоку правовых проблем профессионального спорта следует отнести проблемы спортивного правопорядка:

1. Проблемы технико-юридического

характера включают следующие вопросы:

- своевременное правовое реагирование на изменения общественных отношений в спорте;

- точное комментирование (восприятие) существа норм права.

2. Проблемы обобщения, систематизации и кодификации существующей нормативно-правовой базы.

3. Проблема прогнозирования: правильного определения направлений совершенствования правовой базы [5, с. 275].

Как показывает анализ проблем, их решение не зависит от власти субъектов Федерации. Закон о физической культуре и спорте учитывает вопросы, связанные с разграничением полномочий органов государственной власти и органов местного самоуправления. Значительно изменились условия функционирования всех структур, непосредственно связанных со спортом. Это касается и спортивных федераций, и общественных организаций, и развития массового спортивного движения, и детско-юношеского спорта.

К ведению субъектов Российской Федерации отнесен незначительный перечень полномочий, указанных в ст. 8 названного Закона:

- 1) определение основных задач и направлений развития физической культуры и спорта в субъектах Российской Федерации, принятие и реализация государственных региональных программ развития физической культуры и спорта и межмуниципальных программ в области физической культуры и спорта;

- 2) учреждение почетных званий, наград, премий и иных форм поощрения в области физической культуры и спорта субъектов Российской Федерации;

- 3) организация и проведение региональных официальных физкультурных мероприятий и спортивных мероприятий и межмуниципальных официальных физкультурных мероприятий и спортивных мероприятий, а именно:

- а) установление порядка проведения региональных официальных физкультурных мероприятий и спортивных мероприятий и межмуниципальных официальных физкультурных мероприятий и спортивных мероприятий на территориях субъектов Российской Федерации;

- б) утверждение и реализация календарных планов официальных физкультурных мероприятий и спортивных мероприятий субъектов Российской Федерации;

в) содействие обеспечению общественного порядка и общественной безопасности при проведении официальных физкультурных мероприятий и спортивных мероприятий на территориях субъектов Российской Федерации;

г) информационное обеспечение региональных и межмуниципальных официальных физкультурных мероприятий и спортивных мероприятий;

4) утверждение порядка формирования и обеспечение спортивных сборных команд субъектов Российской Федерации, а именно:

а) наделение статусом «Спортивная сборная команда субъекта Российской Федерации» коллективов по различным видам спорта, включенным во Всероссийский реестр видов спорта;

б) материально-техническое обеспечение, в том числе обеспечение спортивной экипировкой, финансовое, научно-методическое, медико-биологическое, медицинское и антидопинговое обеспечение спортивных сборных команд субъектов Российской Федерации;

в) обеспечение подготовки спортивного резерва для спортивных сборных команд субъектов Российской Федерации;

5) организация развития национальных видов спорта, в том числе установление порядка проведения спортивных мероприятий по национальным видам спорта, развивающимся в субъектах Российской Федерации;

6) присвоение спортивных разрядов и квалификационных категорий спортивных судей в порядке, установленном Положением о Единой всероссийской спортивной классификации и Положением о спортивных судьях;

7) реализация мер по развитию физической культуры и спорта инвалидов, лиц с ограниченными возможностями здоровья, адаптивной физической культуры и адаптивного спорта в субъектах Российской Федерации;

8) организация профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов в области физической культуры и спорта;

9) обеспечение деятельности региональных центров спортивной подготовки;

10) осуществление иных установленных

в соответствии с законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации полномочий.

Концептуальный подход к разрешению всего комплекса правовых проблем в спортивном праве в целом и его содержание опосредуются тем, что преодоление всего множества проблем — есть путь длительный и его успех во многом предопределяется условием создания и совершенствования правового механизма регулирования общественных отношений, формирование которых мы наблюдаем, да и сами в нём (формировании) участвуем.

Представляется необходимым остановиться на понимании правовой категории «механизм правового регулирования».

Согласно общей теории права категория «механизм правового регулирования» рассматривается как система юридических средств, взятая в единстве, и при помощи которых осуществляется результативное правовое воздействие на общественные отношения, поведение людей. «Понятие «механизм правового регулирования» призвано, образно говоря, отразить анатомию правовой действительности с ее динамической стороны» [7, с. 213]. «Анатомию правовой действительности» в спорте представляют такие составляющие механизм элементы, как:

- нормы права;
- юридические факты, в том числе и акты (факультативный элемент);
- правоотношения;
- акты реализации прав и обязанностей;
- правоприменительный акт, носящий охранительный характер.

Ряд учёных считает данный элементный состав исчерпывающим. Нам же представляется более правильной позиция другой категории учёных и практиков. По их обоснованным утверждениям, в механизм правового регулирования следует включить также правосознание, правовую культуру* [7, с. 213], правомерное поведение. Без наличия этих компонентов мы не создадим действительно эффективную правовую базу спорта.

Так, следствием несформированности правосознания является:

- самоуверенность в хорошей юридической подготовке при фактическом незнании

* Правовая культура — это качественное состояние правовой жизни общества, выражающееся в достигнутом уровне совершенства правовых актов, правовой и правоприменительной деятельности, правосознания и правового развития личности, положительно влияющее на общественное развитие и поддержание самих условий существования государства и общества.

законов (недостаточность правовых знаний — правовой инфантилизм). Как результат — вольное обращение с законами либо с оценками юридической ситуации (при отсутствии корыстных целей — правовой дилетантизм);

- отрицание социальной ценности права;
- осознанное игнорирование требований закона (правовой нигилизм).

Особую опасность при наличии несформированного правосознания представляет ситуация массовости названного явления. Следует признать, что если у правоисполнителей (спортсменов, тренеров, организаторов соревнований, спортивных судей и пр.), правоприменителей (государственные органы, которые применяют нормативные действия в случаях допущения нарушений норм законодательства о спорте) будет отсутствовать правовая культура, правосознание, то никакой правовой механизм без названных элементов, сколь бы совершенен он ни был, не позволит достичь в спорте тех результатов, к которым мы стремимся и ожидаем.

Такое положение (отсутствие правосознания) приводит к:

- массовому несоблюдению и неисполнению юридических предписаний;
- подмене законности целесообразностью (интересами региона, экономическими мотивами и пр.);
- прямым умышленным нарушениям действующих законов и иных нормативных правовых актов.

О высоком уровне имеющихся в настоящее время правонарушений (как следствие, отсутствие правосознания) свидетельствуют изданные правоохранительные нормы, в том числе в уголовном законодательстве. Это реагирование государства на массовые случаи проявления нигилизма в худшей его форме:

- подкуп спортсменов, спортивных судей, тренеров, руководителей команд и других участников или организаторов профессиональных спортивных соревнований, а равно организаторов или членов жюри зрелищных коммерческих конкурсов в целях оказания влияния на результаты этих соревнований или конкурсов (ч. 1 ст. 184 УК РФ);
- незаконное получение спортсменами денег, ценных бумаг или иного имущества, переданных им в целях оказания влияния на результаты указанных соревнований, а равно незаконное пользование спортсменами услугами имущественного характера,

предоставленными им в тех же целях (ч. 3 ст. 184 УК РФ);

- незаконное получение денег, ценных бумаг или иного имущества, незаконное пользование услугами имущественного характера спортивными судьями, тренерами, руководителями команд и другими участниками или организаторами профессиональных спортивных соревнований, а равно организаторами или членами жюри зрелищных коммерческих конкурсов в целях оказания влияния на результаты соревнований.

Следует отметить, что за данные преступления усилены размеры и виды наказания. В декабре 2011 г. в Уголовный кодекс Российской Федерации введен новый вид наказания (помимо штрафов и лишения свободы) — принудительные работы [4] на срок до 5 лет (для ОПГ) [1].

Мы можем прийти в тупик, до бесконечности ужесточая санкции за нарушения правовой сферы, поэтому снижение угрозы массового нарушения норм в спорте должно достигаться другими средствами. Среди таких средств хотелось бы выделить высокий уровень правосознания. Формирование у участников субъектов правоотношений в сфере спорта должного правосознания (как минимум, отсутствие нигилистических тенденций) уже будет означать решение большой проблемы, заключающейся в следующем: «вывод действий» в спорте из теневого сектора в правовое поле. Это очень важно и будет ознаменовать первый уровень успеха.

Кто может решить эту проблему? Ответ сложный. Многие органы, как государственные, так и общественные могут вносить посильную лепту в решение этой проблемы. Но, как нам представляется, первостепенную роль здесь должны решать вузы (образовательные, повышения квалификации). Например, Уральский государственный университет физической культуры осуществляет подготовку юристов-специалистов в области спортивного права.

Однако изжить нигилистическое отношение к законам — это только первый уровень в решении вышеназванной проблемы.

Второй уровень заключается в формировании качественного правосознания. Для этого важно правильно воздействовать на мотивационную сторону правомерного поведения спортсменов и других участников правоотношений и исключить такую составляющую правомерного поведения,

как маргинальное, то есть правомерное поведение, вытекающее из страха перед применением мер государственного принуждения, боязнь наказания и неотвратимости ответственности.

И последний уровень, завершающий решение данной проблемы, но являющийся самым сложным, – это сформировать у спортсменов внутреннюю убежденность в ценности права и государственных установлений, глубокое осознание необходимости подчинения требованиям правовых норм.

Достижение такого уровня правосознания у спортсменов снимет множество проблем с разработкой новых законов, уточняющих и детализирующих уже принятые и действующие. Однако урегулировать все ситуации, возникающие в общественных отношениях, в том числе и в сфере спорта, невозможно.

Таким образом, в качестве выводов следует обозначить:

1. Интенсивное и плодотворное развитие физкультурно-спортивной деятельности возможно посредством создания правового поля, лишённого пробелов, внутренних и внешних противоречий.

2. Функционирование права и его эффективное воздействие на развитие спорта зависит от наличия совершенного правового механизма регулирования общественных отношений в области физической культуры и спорта.

3. «Классическую» структуру правового механизма регулирования общественных отношений в области физической культуры и спорта следует расширить, включив правосознание, правовую культуру.

Именно правосознание является основным элементом системы средств разрешения многочисленных проблем в области правового регулирования правоотношений в сфере спорта.

4. При формировании у спортсменов правосознания важно достигать третьего его уровня, когда правомерное поведение есть результат внутренней убежденности в необходимости права, глубокого осознания важности подчинения требованиям правовых норм.

5. Основное бремя формирования правосознания высокого уровня должно возлагаться на высшие учебные заведения, институты повышения квалификации.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.07.2012 № 141-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954; доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.07.2012).

2. О приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с Федеральным законом «О федеральном бюджете на 2012 год и на плановый период 2013 и 2014 годов» и признании утратившими силу отдельных положений статьи 2 Федерального закона «О внесении изменения в статью 31 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с Федеральным законом «О федеральном бюджете на 2011 год и на плановый период 2012 и 2013 годов»: Федер. закон Рос. Федерации от 6 ноября 2011 г. № 301-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 45. Ст. 6331.

3. О физической культуре и спорте в Российской Федерации: Федер. закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ (ред. от 28.07.2012 № 136-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 50. Ст. 6242; официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.07.2012).

4. О Федеральной целевой программе «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2006-2015 годы»: постановление Правительства Рос. Федерации от 11 января 2006 г. № 7 (ред. от 20.07.2012 № 744) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 3. Ст. 304; доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.07.2012).

5. Алексеев С.В. Спортивное право России [Текст] / С.В. Алексеев: учеб. / под ред. д.ю.н., проф. П.В. Крашенинникова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТА-ДАНА, Закон и право, 2012. 1055 с.

6. Кузнецов И.С. Спортивное право России как отрасль российского законодательства [Текст] / И.С. Кузнецов // Спорт: экономика, право, управление. – 2004. – № 4. – С. 2.

7. Мелехин А.В. Теория государства и права [А.В. Мелехин]: учеб. М.: Маркет ДС, 2007. 633 с.

8. Сихарулидзе, А.Т. Актуальные проблемы спортивного права и спортивного законодательства на современном этапе [Текст] / А.Т. Сихарулидзе, С.В. Алексеев // Спорт: экономика, право, управление. – 2011. – № 2. – С. 3–10.

9. Соловьев А.А. Систематизация законодательства о спорте (российский и зарубежный опыт) [Текст] / А.А. Соловьев: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2011. 54 с.

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ НАКАЗАНИЯ И ТИПОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ОТ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ ДО НАШИХ ДНЕЙ

УДК 008:316.34

Н.В. ТИЩЕНКО

Исходное положение статьи гласит: тип доминирующих в конкретном обществе противозаконных действий непосредственно связан с системой наказания и исправления, а также конструирует характерные черты преступности. Следовательно, анализируя статистически самый распространенный тип правонарушений, мы воспроизводим одновременно систему его наказания и образ его актора. Если одна из трех частей не соответствует остальным, это означает, что в обществе применяется неадекватный метод наказания, преступность находится вне сферы воздействия дисциплинирующих механизмов наказания и ожидается повышение уровня социальной нестабильности. Этим положением утверждается взаимная интегрированность социальных институтов, системы представлений, норм и ценностей в каждом конкретном обществе.

Второе принципиальное для статьи положение связано с пониманием роли идеологии эпохи Просвещения для современного типа общества и функционирующих в нем социальных и культурных институтов. Многие исследователи — и социологи (Т. Парсонс, Н. Луман), и философы, и исследователи культуры (М. Фуко, Р. Жирар, Ж. Бодрийар) — полагают, что современный тип социальных отношений и особенности культуры индустриального и постиндустриального общества непосредственно связаны с идеологией эпохи Просвещения. Последствия противоречий и неопределённостей, которые присутствовали в правовых, политических и философских концепциях авторов XVIII, прослеживаются и во многих современных социальных проблемах. Одним из самых ярких примеров связи идеологии эпохи Просвещения и социальных институтов современности является система наказания.

Можно рассматривать преступность как таковую или анализировать институт тюрьмы в качестве универсальной модели формирования общественных отношений, но в подобных исследованиях вне поля зрения останется специфика современного типа культуры — ее интегративная функция. Ни тюрьма, ни преступник, ни преступление не являются самостоятельными и самодовлеющими единицами. Они — элементы общей структуры власти,

тотально использующей весь имеющийся материал (человеческий, технический, природный) и распадающейся на множество на первый взгляд кажущихся самостоятельными функций: функции надзора, охраны, соблюдения прав, выработка норм поведения и пр. Теоретическим базисом этого утверждения является интерпретация Т. Парсонсом социальной системы в качестве интегрирующего звена для всех систем действия в целом. Парсонс предлагает рассматривать общество и культуру в целом через систему действий как субъектов, так и абстрактных социальных подсистем. Он видит в обществе своеобразную реальность, где ценности, нормы, роли, коллективы выступают в качестве идеальных, абстрактных составляющих, а подлинными, «реальными» оказываются процессы взаимодействия и воздействия этих ценностей, норм, ролей и коллективов [5, с. 83]. В подобном контексте исследуемый объект (в данном случае субкультуры исправительных учреждений) оказывается продуктом различных механизмов культуры. Функциональный подход делает предмет исследования открытым для многочисленных интерпретаций и тем самым позволяет провести полноценный, скрупулезный анализ.

В основу используемой нами типологии противозаконных действий положен метод М. Фуко, подробно изложенный им в работе «Надзирать и Наказывать». Условно Фуко выделяет два типа противозаконных действий, сменивших друг друга на рубеже XVIII и XIX столетий в европейской культуре, чей характер непосредственно связан с методами и способами наказания: 1) противозаконности в области народного права 2) противозаконности в области экономики [7, с. 398–407]. В своих выводах Фуко опирается на выведенный им методологический конструкт: с конца XVIII века наибольший общественный резонанс получают любые виды преступлений против собственности. Хотя количество «стихийных» противозаконных волнений не уменьшается, каждый из таких случаев вписывается в частным дискурсом в систему экономических отношений: так любое противоправное волнение классифицируется как выступление бедности за перераспределение богатства. Соответственно, Фуко устанавливает

и трансформацию приоритетов в наказаниях — карательная практика суверенной власти сменяется более гуманной исправительной системой паноптических пенитенциариев.

Фуко заявляет, что «хотя новое уголовное законодательство как будто бы предполагает смягчение наказаний, более четкую их кодификацию, заметное сокращение произвола, более широкое согласие относительно власти наказывать, в действительности оно основывается на перевороте в традиционной экономии противозаконностей и на жесткой необходимости поддерживать их новое регулирование» [7, с. 129–130]. Речь идет, прежде всего, об изменении типов противоправных действий. До XVIII столетия противозаконности были связаны с отставанием определенных прав и свобод той или иной категорией поданных. С конца XVIII века противозаконности наносят ущерб экономическому статусу граждан. Именно нанесение материального, экономического вреда гражданам становится той точкой, вокруг которой фокусируются новые принципы наказания, по мнению Фуко.

Сегодня перед мировым сообществом вновь стоит проблема смены области противозаконности. Экономические правонарушения по важности уступили место противозаконностям в сфере жизнеобеспечения. Старый неразрешенный клубок этнополитических проблем приобрел чудовищные очертания. Не заметить, проигнорировать важность этого блока проблем позволил старый просветительский принцип: «цель и мерило власти... заключается в сохранении всех принадлежащих к обществу людей, т.е. всего человечества в целом» [3, с. 363]. С одной стороны, власть проявляет тотальную заботу обо всех гражданах, с другой — эта тотальная забота была однотипной и уравнительной, она лишала и социальные группы, и индивида отличающих их «индивидуальности» и своеобразия.

В своих рассуждениях об экономическом типе противозаконности Фуко воспроизводит просветительскую идею о связи свободы личности и прав собственника. Несмотря на свое критическое отношение к наследию эпохи Просвещения, Фуко в анализе пенитенциарной системы не преодолел рубеж экономических противозаконностей, хотя процессы, происходившие на его глазах в тюрьмах, и «качественное» изменение преступлений говорили о том, что противозаконность в сфере экономики сменяется правонарушениями совсем иного рода. Преступность и пенитенциарная система перешли на новый уровень отношений: 1) изменилась форма протеста тюремному

режиму; 2) корыстные преступления сохранили массовый характер, но перестали рассматриваться общественной системой в качестве глобального урона; 3) появились новые формы преступности. Совокупность этих процессов привела к формированию третьего типа противозаконности, определяемого нами, вслед за криминологами, как транснациональная организованная преступность, в борьбе с которой требуются совсем иные методы наказания и исправления.

В XX столетии приобрел массовый характер новый способ противостояния между заключенными и администрацией тюрем. С самого начала появления пенитенциарной системы современного типа очевидным стал факт того, что благодарность и преданность со стороны осужденных к своим охранникам — это утопическая мечта таких творцов тюремной паноптической системы, как Ч. Беккариа и Дж. Бентам. Более того, скрытое и явное противостояние внутри тюрьмы между осужденными и охраной стало основой эффективных методов дисциплинирования и надзора. Поэтому традиционной формой неповиновения на протяжении всего XIX века был побег, зачастую связанный с убийством охранников. Альтернативной формой протеста была голодовка, но ей пользовались «необычные» с позиций уголовного права XIX века преступники — политические заключенные. Убийца, вор, грабитель, мошенник пытались вырваться из пространства тюрьмы или каторги, лишаящих их свободы действия, потому что в заключении они ощущали себя абсолютно бесправными людьми. С чувством бесправия в тюрьме связано и формирование тюремной субкультуры, легализующей свои нормы поведения и нормы государственному закону, а по своим собственным нормам. Только политические заключенные в условиях тюрьмы поднимали вопрос о правах осужденных в контексте прав гражданина, но при этом подчеркивали свое принципиальное отличие от остальных преступников и требовали для себя особого отношения со стороны властей.

Одну из самых интересных точек зрения на протесты в современных тюрьмах предложил Р. Морган. Опираясь на анализ бунтов и волнений, представленный в отчете Министерства внутренних дел Великобритании (1991), в котором была дана оценка крупнейшему в современной истории тюремному восстанию в Манчестере, он сформулировал принцип «беспорядочно расширяющейся спирали», трактуя беспорядки не как событие, а как результат определенного предшествующего процесса [8, с. 210–223]. Согласно

этой модели, установленные контролирующие стратегии оказываются проблематичными по нескольким причинам, включая вопросы легитимности власти, трансформацию структуры организации, ухудшение условий содержания или несправедливое отношение. Концентрация неразрешимых ситуаций ведет к крайней поляризации служащих и осужденных, к росту антагонизма и незащитности, снижению уровня толерантности с обеих сторон. В этот момент любой малозначительный конфликт может стать «спусковым крючком», оборачивающим гнев и фрустрацию в бунт.

Изоляция преступника не является сегодня достаточной и адекватной мерой наказания, точно так же, как и освобождение не рассматривается осужденными в качестве основной цели. В XX столетии господствующий дискурс посредством научных исследований, средств массовой информации, риторики общественных и правозащитных организаций перестает транслировать пенитенциарную систему в терминах исправления и справедливого наказания, а видит в ней практику сегрегации, исключения и складирования, угрожающую жизни вообще и системам жизнеобеспечения в частности.

Удельный вес корыстных преступлений в Европе и Америке по-прежнему остается очень высоким (от 75% до 94% в различных странах) [2, с. 28]. Однако поле деятельности этой группы противозаконности постоянно сужается и уже не представляет серьезной опасности для общества. Кроме того, регуляция многих экономических нарушений вынесена за пределы уголовного кодекса современным законодательством и входит в компетенцию административного, семейного, налогового, гражданского кодексов. Рыночная экономика достигла такого уровня самодостаточности, что перестала нуждаться исключительно в уголовных механизмах защиты против таких видов преступлений в экономической сфере, как «бродяжничество» или «нарушение прав наследования». Даже уголовно наказуемые взяточничество, подлог, злоупотребление служебным положением в большей степени наказываются не через пенитенциарную систему, а через информационные и административные механизмы: объявление в СМИ о мошенничестве руководства одной компании ведет к краху и банкротству целой финансовой и производственной сети, состоящей из банков, предприятий, страховых компаний, служб инфраструктуры.

Но если общество выработало иммунитет против некоторых типов экономических преступлений, это не означает, что оно полностью

обезопасило себя от противоправных действий. Сегодня общественная система не менее уязвима, чем сто лет назад, и ее главной угрозой является *транснациональная преступная деятельность, направленная на подрыв здоровья населения и дезорганизацию структур жизнеобеспечения общества*. В 1994 году в Неаполе состоялась Всемирная конференция по организованной преступности, в ходе работы которой было отмечено и обосновано десять угроз, вызываемых транснациональной преступностью.

На практике эти угрозы выливаются в следующие формы: 1) незаконный оборот наркотиков; 2) поставка оружия (в том числе массового поражения); 3) внутренний и международный терроризм; 4) торговля мужчинами, женщинами, детьми, человеческими органами. Предупреждение и наказание этих преступных действий потребовали от власти отказа от прежних стратегий наказания [4, с. 181]. Опыт показал, что исправление наркомана подразумевает не изоляцию, а длительное лечение; поставщиков оружия и террористов нельзя дисциплинировать через систему трудовой повинности; современные работорговцы и продавцы человеческих органов вообще до недавнего времени не были оговорены уголовными системами многих государств.

Причины появления третьей формы противозаконности заключены в самом характере господствующих властных отношений. Власть изначально не смогла адекватно отреагировать на некоторые формы преступлений, не соответствующие общему проэкономическому строю пенитенциарной системы. На наш взгляд существует четыре группы противоправных действий, не соответствующих по своей внутренней структуре паноптической тюрьме: 1) «нерациональные преступления», перешедшие в компетенцию психиатрии; 2) гендерные стереотипы в анализе преступлений, способствовавшие укреплению норм нуклеарной семьи и социальных практик исключения женщин; 3) насильственная депривация бедности; 4) этнические/расовые образы преступности. Распространение подобных преступлений, общественный резонанс, который они получали, дискуссии о способах борьбы против них — эти процессы легли в основу развития транснациональной организованной противозаконности, чьи основные черты мы попытаемся определить.

1) В дискурсивном разрыве, возникшем в результате споров между криминалистикой и психиатрией по поводу вменяемости преступника, выкристаллизовывалась транснациональная противозаконность, которая,

наравне с явной экономической выгодой, подразумевает и большую долю «необъяснимого» и «нелогичного» в действиях преступника. В европейских государствах и Америке криминологи, социологи и психологи обратили внимание на это несоответствие и сделали вывод, что эффективно бороться с транснациональными преступлениями можно только лишь через общественную агитацию и идеологический пресс. Поэтому большое распространение получили общественные движения по борьбе с наркотиками, детской и подростковой проституцией, продажей людей и пр.

2) Гендерные стереотипы в анализе преступлений. Двумя крупнейшими западноевропейскими идеологами гендерной сегрегации в области преступлений были Ч. Ломброзо и П. Ж. Прудон. Их теории находились в постоянной конфронтации с набирающим силу феминистским движением, а самое главное, — с потребностями рынка труда, который в XIX веке нуждался в женской рабочей силе. Однако высказывания о типично «женских» преступлениях и «женских» криминальных сферах закрепились в современной криминологии, что позволило транснациональной преступности использовать гендерные различия в своих целях. Гендерные стереотипы в анализе преступлений привели к тому, что исполнителями самого нижнего звена в транснациональной преступности являются на сегодняшний день чаще всего женщины, причем представительницы развивающихся стран или представительницы национальных меньшинств и женщины из наименее защищенных социальных слоев. По статистике, среди транзитных перевозчиков наркотиков женщины составляют 48% (подростки — 25%), женщины все чаще вовлекаются в качестве исполнителей террористических актов, поставщиками человеческих органов на черном рынке также являются в подавляющем большинстве женщины [6, с. 134–161].

3) Насильственная депривация бедности. Идеологи дисциплинирующей системы наказания в XIX веке — Фоше, Феррюс и Веллерме — предупреждали, что корни преступности лежат в бедности и нищете [7, с. 398–407]. Главным объектом внимания дисциплинирующей власти должны стать бедные кварталы городов, экономически неразвитые пригороды, т.к. именно эти территории являются основными поставщиками криминальных элементов. В XX веке мнение о том, что беднейшие и низшие слои общества принадлежат к криминальным структурам, поддерживалось многими исследователями, принадлежащими

к противоположным теоретическим направлениям: от Т. Веблена до Э. Гидденса. Однако большинство подобных анализов проводилось на основе данных официальной криминальной статистики, которая совсем не учитывает, что организацией большинства корыстных и насильственных преступлений занимаются люди, имеющие высокое положение в обществе. Четвертый обзор преступности ООН, чья программная часть написана Дж. Ньюменом, подтверждает предвзятость подхода, связывающего нищету и преступность, и осуждает распространение насильственной депривации и криминализации бедности [9, с. 128–154].

Транснациональный тип противозаконности использует насильственную криминализацию для того, чтобы скрыть от органов правопорядка подлинных участников транснациональной преступности, он способствует распространению коррупции во власти, и остановить этот процесс крайне тяжело, т.к., по общему мнению, опасность заключается в «беднейших слоях населения», а не в «элите общества». Поэтому Ньюмен полагает, что продуктивнее выяснить не то, кто больше совершает преступлений, а какие слои общества больше всего страдают от преступлений. Анализ мировых криминальных данных показывает, что от транснациональной преступности прежде всего страдают слабо защищенные беднейшие слои общества. Если в ситуации с экономической противозаконностью закон ограждал от посягательств *богатство*, то сегодня закон должен защищать от насилия *бедность*, т.к. преступные действия направлены теперь на жизнь как таковую, на механизмы жизнеобеспечения.

4) Этнические/расовые образы преступности. Наряду с криминализацией гендера и бедности паноптическая тюремная система столкнулась с проблемой криминализации этноса, имеющей два вектора развития. С одной стороны, криминализации этноса способствовала попытка национальных меньшинств и малых этносов отстоять свои традиции, расходящиеся с экономическими транснациональными интересами капитала. С другой стороны, массовые миграционные процессы во всем мире спровоцировали столкновение различных субкультур, которые, отстаивая специфические нормы и традиции, обратились к методам, противоречащим нормам государственного права.

Столкновение старого традиционного права, связанного с обычаем рода или этнической группы, с новыми экономическими приоритетами представляет собой борьбу этнических и родовых интересов с транснациональными. Противостояние подобного рода

не изжито до сих пор. Более того, оно приобрело еще более изощренные формы шантажа, терроризма и саботажа. Буржуазия не только, по словам Фуко, «оставила за собой богатую область противозаконности в отношении прав» [7, с. 127], но и предложила новую сетку распределения этих прав, которая в меньшей степени учитывала интересы этнических групп и родовых общин. Таким образом, новое право оказалось не столько транснациональным, сколько а-национальным.

Поначалу борьба носила действительно экономический характер. Этнические группы отстаивали традиционные виды промысла в ущерб государственным экономическим интересам, внутри этих групп культивировались обряды и традиции, противоречащие государственным законам (определенные формы брака, передачи собственности) [10, с. 84–110]. Затем формы противостояния стали отличаться большим уровнем конфликтности и переросли в откровенные криминальные действия. В XX столетии экономический и политический вес приобрели национальные мафиозные группировки (итальянская, китайская, японская, кавказская мафия). Преступные, противоправные действия этих сообществ располагались уже не в области родового права или в экономической, имущественной сфере. Они контролировали преступный бизнес, который не только подрывает экономику государства, но и разрушает здоровье и генофонд населения: продажа спиртных напитков, наркотиков, оружия, проституция.

В культурно-историческом контексте прослеживается наличие трех групп противозаконных действий, сменивших друг друга с XVIII по XX столетия в Европе и чей характер непосредственно связан с изменением повседневных культурных практик: 1) противозаконности в области «народного права»; 2) противозаконности в области экономики;

3) транснациональная организованная преступность. В российском историческом и криминальном опыте представлены все три типа противоправных действий. В XVII–XVIII вв. в Европе произошли кардинальные, интеграционные изменения, которые в итоге привели к появлению нового типа противозаконности и, соответственно, нового метода наказания. Теоретическим звеном трансформаций выступила идеология Просвещения, в частности, знаменитый тезис Локка о том, что главным достоинством человека в гражданском обществе являются «жизнь, свободы и имущество» [3, с. 301]. Тотальная забота о «жизни, свободе и имуществе» гражданина послужила поводом к появлению в XX веке третьего типа противозаконности, угрожающего самому факту существования жизни и одновременно демонстрирующему парадокс просветительских ценностей.

Основным противоречием Просвещения мы, вслед за М. Хоркхаймером и Т. Адорно, считаем внутреннюю диссимилиацию перво-степенной задачи, выдвинутой идеологией Просвещения: преодоление нестабильности и зависимости от природы благодаря калькулирующим методам технологической рациональности [1, с. 47–52]. В пенитенциарной системе этот парадокс выглядит следующим образом: интенсификация режимных правил сопровождается усилением сопротивления правовым нормам и ростом социальных отклонений в обществе. Современная транснациональная преступность является следствием разинтегрированности социальных институтов, правовых норм и культурных предпочтений. Она возникла на пересечении механизмов тотальной рационализации и стратегий социального контроля и прогнозирования, и эффективная борьба с этим типом преступности означает преодоление негативных последствий рационализации, овещствления, и технологизации современных социальных отношений.

1. Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика Просвещения. Философские Фрагменты. М. : Медиум, 1997. 310 с.
2. Алауханов Е.О. Криминологические проблемы предупреждения корыстно-насильственных преступлений [Текст] / Е.О. Алауханов. СПб. : Юрид. центр «Пресс», 2005. 282 с.
3. Локк Дж. Два трактата о правлении. Книга вторая / Сочинения: в 3 т. М. : Мысль, 1988. Т. 3. С. 135–407.
4. Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировой криминологический анализ. М. : Норма, 1997. 480 с.
5. Парсонс Т. О структуре социального действия. М. : Академический Проект, 2002. 880 с.
6. Стеффенсмайер Д., Аллан Э. Пол и преступность [Текст] / Криминология: под ред. Дж. Ф. Шелли. СПб. : Питер, 2004. С. 134–161.
7. Фуко М. Надзирать и наказывать. М. : Ad Marginem, 1999. 482 с.
8. Morgan R., Malcolm. E. Preventing Torture: A Study of the European Convention for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment. Oxford : Oxford University Press, 2000. 345 p.
9. Newman G. Crime and the Human Condition / Essays on Crime and Development. Rome : UNICRI, 1990. P. 128–154.
10. Rublack U. Pregnancy, Childbirth, and Female body in Germany Modern Time // Past and Present. – 1996. – 150. P. 84–110.

ПРИНЦИПЫ КЛАССИФИКАЦИИ СОБСТВЕННЫХ ДОХОДОВ МЕСТНЫХ БЮДЖЕТОВ

УДК 336.025

Н.Ю. КОРОТИНА

Социально-экономическое развитие муниципального сектора экономики определяется наличием у органов местного самоуправления собственных финансовых ресурсов, достаточных для решения вопросов местного значения: повышение уровня благосостояния и качества жизни населения, реализация социально-культурных мероприятий и социальных гарантий.

Основными финансовыми задачами органов местного самоуправления является повышение стабильности доходной базы местных бюджетов, усиление заинтересованности органов местного самоуправления в создании условий для экономического роста, наращивание налогового потенциала муниципальных образований. Однако на практике предпосылок для реализации указанных задач не создано. Особенно серьезно дело обстоит с созданием механизмов формирования доходов местных бюджетов.

Неустойчивость финансового состояния

местных бюджетов, высокая зависимость от финансовой помощи вышестоящих уровней власти остаются основными проблемами для саморазвития муниципальных образований. Принцип самостоятельности бюджетов, заложенный в Бюджетном кодексе, не подкреплен конкретным содержанием и остается только тезисом, не обеспечивающим реальной финансовой самостоятельности муниципальным образованиям.

Фактически продолжается процесс регулирования доходов местных бюджетов, что усиливает их финансовую зависимость от бюджетов более высокого уровня и соответствующих властных структур, о чем свидетельствуют данные мониторинга местных бюджетов Российской Федерации, ежегодно проводимом Министерством финансов (таблица 1).

Более половины доходов местных бюджетов России формируются за счет межбюджетных трансфертов. Данный показатель ежегодно незначительно, но увеличивается.

Таблица 1
Доля межбюджетных трансфертов в общем объеме доходов местных бюджетов Российской Федерации, %

Год	2007	2008	2009	2010	2011
Значение показателя	50,8	58,1	59,7	59,2	60,7
Темпы роста		114	103	100	103

Источник: расчеты автора на основе результатов мониторинга местных бюджетов Российской Федерации за 2007–2011 гг. Информация размещена на www.minfin.ru.

Логично предположить, что при таком высоком уровне финансовой помощи органы местного самоуправления фактически ограничены в возможностях управлять источниками доходной базы бюджетов.

В то же время собственные доходы местных бюджетов ежегодно увеличиваются и составляют около 75%, и этот показатель производит достаточно благостное впечатление (таблица 2).

Таблица 2
Доля собственных доходов в общем объеме доходов местных бюджетов Российской Федерации, %

Год	2007	2008	2009	2010	2011
Значение показателя	71,1	73,3	75,6	75,9	76,0
Темпы роста		103	103	100	100

Источник: расчеты автора на основе результатов мониторинга местных бюджетов Российской Федерации за 2007–2011 гг. Информация размещена на www.minfin.ru.

Для реальной аналитической оценки необходимо сопоставить долю межбюджетных трансфертов и долю собственных доходов в общем объеме доходов местных бюджетов. В целом наблюдается опережение роста доли межбюджетных трансфертов над ростом доли собственных доходов, что еще раз подтверждает тезис об усилении зависимости местных бюджетов от региональных. Безусловно, с точки зрения финансовой самостоятельности данная динамика требует пересмотра.

Одна из проблем искажения представления информации об истинном состоянии бюджетной обеспеченности муниципальных образований заключается в некорректной методике отнесения доходов к разряду собственных.

Термины и классификации, установленные Бюджетным кодексом и другим бюджетным законодательством, не позволяют в должной степени проанализировать особенности функционирования бюджетов различных уровней.

Дело в том, что Министерство финансов руководствуется понятием «кассовое исполнение бюджета», в соответствии с которым собственностью муниципального образования становятся те средства местного бюджета, которые зачислены на счета соответствующего бюджета. Трансформация права собственности на данные средства происходит в момент перечисления налоговых или неналоговых доходов или безвозмездных поступлений в доход местного бюджета.

На наш взгляд, перечень доходов, относящихся к «собственным доходам бюджета», является дискуссионным и не позволяет в полной мере получить реальную оценку состояния местных бюджетов.

Изначально сама природа спорности вопроса о самостоятельности доходов бюджета заложена кооперативной моделью бюджетного федерализма, применяемой в Российской Федерации. Кооперативная модель строится на основе принципа централизации и единства распределения государственных доходов между бюджетами бюджетной системы. Местных налогов, закрепленных за местными бюджетами, изначально недостаточно для обеспечения финансовых потребностей муниципальных образований. Именно поэтому кооперативная модель подразумевает активное применение механизма бюджетного регулирования (механизм отчислений в местный бюджет части федеральных и региональных налогов и межбюджетных трансфертов в местные бюджеты).

Бюджетный кодекс к собственным доходам относит налоговые доходы, неналоговые доходы, а также доходы, полученные

бюджетами в виде безвозмездных поступлений, за исключением субвенций (статья 47 Бюджетного кодекса РФ).

В соответствии с данным подходом, к собственным доходам местных бюджетов отнесены местные налоги, отчисления части федеральных и региональных налогов, неналоговые доходы, дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности, дотации на сбалансированность местных бюджетов, субсидии на софинансирование расходов и иные межбюджетные трансферты в форме дотаций и субсидий.

Данная трактовка собственных доходов является, на наш взгляд, принципиально неверной, поскольку доходы, полученные бюджетами в виде безвозмездных поступлений, не соответствуют понятию «собственный».

Такое понимание собственных доходов местных бюджетов частично предопределено терминологией, ранее существовавшей в бюджетном законодательстве («постоянно закрепленные доходы», «регулирующие доходы»), что более точно выражало их суть [1].

Под закрепленными доходами понимались доходы, которые полностью или в твердо фиксированной доле, на постоянной или долговременной основе поступали в соответствующий бюджет. К закрепленным доходам местных бюджетов относились местные налоги и неналоговые доходы и регулирующие доходы (закрепленные на постоянной основе отчисления от федеральных и региональных налогов и долговременно закрепленные межбюджетные трансферты).

В настоящее время термины «закрепленные» и «регулирующие» доходы в бюджетном законодательстве отсутствуют, но отнесение к собственным доходам межбюджетных трансфертов (субсидий и дотации) осталось.

Такая терминология при анализе финансовой автономии муниципальных образований, безусловно, искажает реальную картину их финансовой обеспеченности и является теоретическим тормозом к повышению бюджетной самостоятельности территорий.

Учитывая вышесказанное и не вступая в принципиальные противоречия с существующим бюджетным законодательством, на наш взгляд, возникает потребность в уточнении классификации доходов бюджетов. Необходимость уточнения классификации связана с тем, чтобы при анализе вырисовывалась более реальная картина, реальное, а не искаженное состояние финансовой ситуации в муниципалитете.

Существует множество общепризнанных классификаций доходов бюджета по различным основаниям. Приведем некоторые из них [составлено на основе 1]:

– по социально-экономическому признаку (поступления в бюджет от государственного сектора экономики; поступления от негосударственных организаций; поступления от граждан);

– в зависимости от метода бюджетной деятельности (принудительно-безвозвратные; принудительно-возвратные; добровольно-безвозвратные; добровольно-возвратные);

– в зависимости от методов аккумуляции (обязательные и добровольные платежи);

– по природе происхождения (налоговые и неналоговые);

– в зависимости от признака экономической эквивалентности (возмездные, относительно возмездные, безвозмездные);

– по способу движения денежных средств (безвозвратные и возвратные);

– в зависимости от назначения платежа (универсальные и целевые);

– в зависимости от целей использования доходов (обусловленные и необусловленные) [2] и др.

По нашему мнению, возможно дополнить классификацию бюджетных доходов по признаку «источники получения доходов», которая представляется значимой при проведении аналитических исследований и позволит

идентифицировать доходы с позиций их источников.

Доходы местного бюджета по источникам их получения подразделяются на следующие группы (рис. 1):

– внутренние собственные доходы (к ним отнесены местные налоги и неналоговые доходы);

– внешние собственные доходы (налоговые доходы в виде отчислений от федеральных и региональных налогов, а также средства, привлеченные на финансирование выполнения собственных полномочий органа местного самоуправления);

– доходы, поступившие на выполнение передаваемых от других уровней полномочий);

– заемные средства (бюджетные кредиты местным бюджетам из бюджета субъекта и бюджетные кредиты бюджетам поселений из бюджета муниципального района)

Аналогичным образом могут быть классифицированы доходы бюджетов субъектов Федерации. Выделение в составе внутренних и внешних собственных средств позволит оценить возможность муниципального образования реального влияния на развитие собственной доходной базы, резервы самообеспечения и саморазвития территорий.

Рисунок 1

Группировка доходов местного бюджета по источникам их получения

Рассмотрим, каким образом изменения в классификации и введение новых терминов позволят улучшить качество проводимых аналитических исследований местных бюджетов.

В таблице 3 приведена информация об исполнении бюджета города Челябинска по доходам за 2011 год.

Таблица 3
Исполнение бюджета города Челябинска по доходам за 2011 год

	Наименование доходов	Исполнено, млн руб.
1.	Налоговые и неналоговые доходы, в т.ч.	12 032,60
1.1.	местные налоги	2 448,00
1.2.	поступления от федеральных и региональных налогов	7 558,30
1.3.	неналоговые доходы	2 026,30
2.	Безвозмездные поступления, в т.ч.	15 808,80
2.1.	дотации	5 412,20
2.2.	субсидии	3 482,00
2.3.	субвенции	6 914,60
	<i>Доходы бюджета – Итого</i>	<i>27 841,40</i>
	<i>Рассчитано:</i>	
	<i>Собственные доходы (строки 1 + 2.1. + 2.2)</i>	<i>20 926,80</i>
	<i>Внутренние собственные доходы (строки 1.1 + 1.3)</i>	<i>4 474,30</i>
	<i>Внешние собственные доходы (строки 1.2. + 2.1. + 2.2)</i>	<i>16 452,50</i>

Данные об исполнении бюджета г. Челябинска свидетельствуют о том, что собственные доходы составляют 20 926,80 млн руб., их доля в доходах бюджета составляет 82,4%. Складывается впечатление, что органы местного самоуправления в состоянии влиять большинство доходов, поступающих в бюджет. На самом же деле этот показатель означает, что муниципальные власти могут потратить эти средства на решение вопросов местного значения, причем более половины всех доходов бюджета (56,8%) профинансировано за счет вышестоящих бюджетов. Доля внутренних собственных доходов составляет 16,1% всех доходов местного бюджета, то есть фактически органы местного самоуправления в состоянии влиять только на одну шестую часть всех средств, аккумулированных в бюджет.

Таким образом, на основе использования показателя внутренних собственных доходов проясняется реальная картина возможности муниципального образования увеличивать доходную базу собственными усилиями. Еще раз подтверждается зависимость формирования собственной финансовой базы местных бюджетов от федерального законодательства. Более того, законодательство до сих пор не создает нормативных условий стабильной и достаточной финансовой базы органов местного самоуправления для решения задач, находящихся в их компетенции.

В целом мы не отрицаем, что увеличение поступлений в бюджет трансфертов

(в частности дотаций) расширяет финансовые возможности муниципальных образований, позволяя без вмешательства региональных властей решать вопросы местного значения.

Речь в данном случае идет не только о финансовой самостоятельности местных бюджетов, что, конечно, чрезвычайно важно, а в первую очередь о том, как эта самостоятельность не имеет под собой объективных оснований, что органы местного самоуправления не наделены необходимыми и достаточными полномочиями по формированию собственных доходов бюджетов.

Усиление зависимости местного самоуправления от государственных структур влечет за собой возникновение и поддержание иждивенческих настроений со стороны местных властей, которые проявляются в нежелании прикладывать усилия в расширении собственной доходной базы.

Возрастающие задачи местного самоуправления и финансовые возможности объективно определяют необходимость пересмотра принципов формирования финансовой базы муниципалитетов.

Безусловно, в современной ситуации главное то, чтобы местные бюджеты реально обладали широким влиянием воздействия на все составные части воспроизводственного процесса, высокой степенью гибкости и действенности, выполняли роль экономического рычага современной системы управления муниципального уровня.

1. Ливеровский А.А. Бюджетные полномочия субъектов Российской Федерации [Текст] / А.А. Ливеровский, А.И. Худяков, М.А. Бродский, В.Н. Антонов. Санкт-Петербург, 2003.
2. Силуанов А. Методологические подходы к оценке эффективности межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации [Текст] / А. Силуанов, И. Стародубровская, В. Назаров // Экономическая политика. – 2011. – № 1. – С. 5–22.

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ РЕГИОНОВ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

УДК 332.158:338.49:364.017

Н.М. ЛОГАЧЕВА

В современных условиях актуализируется необходимость комплексного решения социально-экономических проблем, стоящих как перед страной в целом, так и перед ее регионами. В последнее десятилетие резко усиливается взаимовлияние экономических и социально-политических процессов, проявляется всесторонняя взаимосвязь экономики и социальной жизни. В значительной мере возрастает влияние человеческого фактора на все сферы общественной жизни. В таких условиях вопросы социального развития становятся ключевыми при рассмотрении любых сторон жизни общества.

Взаимосвязь и взаимовлияние экономических и социальных факторов являются предметом пристального внимания ученых, политиков. Видное место среди них занимают проблемы развития социальной инфраструктуры. Очевидно, что социальная инфраструктура, которая длительное время финансировалась по остаточному принципу и на данный момент в большинстве регионов не отвечает потребностям населения, требует своего развития, а исследования о возможных путях ее развития становятся все более актуальными.

Целью данной статьи является анализ подходов ведущих экономистов к проблемам развития региональной социальной инфраструктуры, способной оказать влияние на уровень и качество жизни в регионе, выявление возможностей самих регионов и инструментов финансирования ее развития.

Ученые, специалисты Уральского региона в рамках I Всероссийского симпозиума по региональной экономике, организованного Институтом экономики УрО РАН, обсуждали возможные

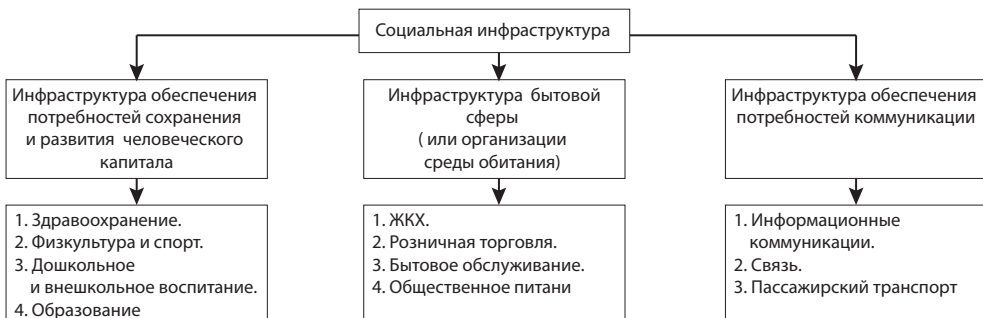
направления дальнейшего социально-экономического развития России и регионов, проблемы межбюджетных отношений и приоритетности социальной составляющей при формировании стратегий. Так, в своем выступлении академик РАН, директор ЦЭМИ РАН В.Л. Макаров сказал, что при разработке стратегий и программ развития необходимо помнить главный тезис: «Население должно быть счастливым». Во время работы симпозиума неоднократно поднималась тема необходимости создания благоприятных условий для жизнедеятельности людей и повышения уровня жизни населения.

Предмет нашего исследования – вопросы развития социальной инфраструктуры – непосредственно связан с поднимаемыми проблемами. Действительно, социальная инфраструктура представляет собой систему отраслей, расположенных на определенной территории, которые выполняют различные социальные функции, создающие условия для эффективного функционирования человека в процессе производства, социальные условия воспроизводства работников и гармоничного развития членов их семей.

Учитывая тот факт, что уровень жизни населения представляет степень удовлетворения физических, духовных и социальных потребностей людей, обеспеченность населения потребительскими благами, то развитая социальная инфраструктура способна положительно воздействовать на уровень и качество жизни.

Следует отметить, что социальная инфраструктура полиструктурна, в связи с этим она может быть подразделена на группы (виды) (рис. 1).

Рисунок 1
Виды социальной инфраструктуры

Элементы, составляющие первую группу, по своей сути оказывают влияние не только на отдельно взятого человека и/или членов его семьи, но и на общую демографическую ситуацию в регионе и качество человеческого капитала.

Элементы второй группы «Инфраструктура организации среды обитания (бытовой сферы)» прежде всего определяют комфортность проживания населения, широту и качество бытового обслуживания, простоту и доступность удовлетворения потребностей в приобретении товаров и услуг.

Третья группа «Инфраструктура обеспечения потребностей коммуникации» в современных условиях, когда средства коммуникации часто заменяют реальное общение, позволяет удовлетворить потребности населения в общении и повышает уровень мобильности населения и территориальной доступности объектов социальной инфраструктуры.

Таким образом, социальная инфраструктура оказывает воздействие на качество жизни населения, уровень его благосостояния, состояние здоровья, активность поколений. Исследование о влиянии социальной инфраструктуры на человеческий капитал, проведенное автором, позволяет утверждать, что социальная инфраструктура выступает важным интегрирующим фактором регионального экономического роста, так как оказывает влияние на качество человеческого капитала, повышает комфортность проживания в регионе, тем самым увеличивая конкурентоспособность региона за трудовые ресурсы [1, с. 155–156].

Определяя стратегические направления развития социальной инфраструктуры в целом, необходимо учитывать, что одновременное улучшение всех элементов (видов) не представляется возможным. Это актуализирует вопросы приоритетов в развитии социальной инфраструктуры.

В контексте негативных демографических тенденций, имеющих место в России, и повышения важности сохранения и прумножения человеческого фактора в рамках социально-экономического развития наиболее важной, с нашей точки зрения, является инфраструктура обеспечения потребностей сохранения и развития человеческого капитала. Она, с одной стороны, будет способствовать достижению целей социально-ориентированного развития, сформулированных в Концепции долгосрочного социально-экономического развития

Российской Федерации на период до 2020 г. (увеличение ожидаемой продолжительности жизни до 75 лет; всеобщая доступность услуг образования и здравоохранения, соответствующих уровню наиболее развитых стран; уменьшение масштабов регионального неравенства в социальной сфере), а с другой стороны, оказывая положительное воздействие на уровень здоровья и образования людей, позволит повысить качество и уровень жизни населения конкретного региона.

В настоящий момент осуществляются попытки модернизации и развития социальной инфраструктуры, однако они осуществляются точечно и не системно.

При определении направлений стратегического развития социальной инфраструктуры в сфере здравоохранения и образования необходимо учитывать сложную территориальную организацию России (значительную территориальную протяженность и федеративное государственное устройство). В связи с этими особенностями целесообразно рассматривать социальные проблемы применительно к федеральному, региональному, муниципальному уровням.

Услуги, оказываемые в сфере, связанной с социальной инфраструктурой, «нетранспортабельны» и предоставляются, как правило, местному населению, поэтому она имеет наибольшее значение для региона. Более того, развитие инфраструктуры в сфере здравоохранения и образования повышает конкурентоспособность региона, позволяет обеспечивать воспроизводство человеческих ресурсов и профессионально подготовленных кадров для различных сфер экономики, сохранить трудовые ресурсы на территории региона, гарантировать необходимый уровень и качество жизни в регионе.

Несмотря на эту заинтересованность со стороны регионов, выстроенная «вертикаль власти» сконцентрировала большинство (более 65%) социальных полномочий на федеральном уровне, а региональные и муниципальные власти не в состоянии изменить ситуацию. Более того, имея возможность в рамках ограниченных полномочий развивать социальную инфраструктуру, они (регионы) не имеют финансовых возможностей сделать это, поскольку бюджетный процесс законодательно и организационно «выстроен» в пользу федерального центра. По расчетам, от 64 до 67% всех поступлений

от территорий приходится на федеральный бюджет. Не случайно 70 субъектов РФ из 83 (то есть 84%) вот уже более 10 лет являются хронически убыточными. В них проживает 74,2% населения страны, они охватывают 87% территории России) [2, с. 28–29; 3, с. 101–116].

Но главная проблема в том, что нет (не сформировано) единого понимания в отношении стратегического развития социальной инфраструктуры в регионах РФ.

Член-корреспондент РАН В. П. Чичканов, выступая на симпозиуме, подчеркнул, что формирующиеся или уже существующие в РФ и регионах стратегии развития разрозненны. Они должны быть едины, взаимнообусловлены и одновременно иметь отражение в Стратегии развития РФ, Послании Президента Федеральному Собранию и Бюджете РФ, региональных программах и бюджетах. Руководитель центра стратегического развития территорий, д.э.н. В. С. Бочко, продолжая эту тему, отметил: проблема регионального развития в РФ состоит еще в том, что планы, концепции, программы, стратегические направления составляются на разных уровнях (город, регион, страна), которые не увязаны друг с другом и часто ничем не обеспечены.

Более того предлагаются различные (иногда взаимоисключающие) стратегические направления развития социальной инфраструктуры:

1. Граждане РФ, независимо от региона проживания, должны быть равны (примерно равны) в доступе к социальным благам, так как это их право по Конституции. Поэтому следует развивать социальную инфраструктуру на всех территориях. Она может быть различной, но она должна быть.

Подобное стратегическое направление указал в своем докладе А. Г. Высокинский – заместитель главы города Екатеринбурга, один из разработчиков и координаторов стратегического плана развития Екатеринбурга. Он подчеркнул, что для реализации такого направления необходимо принять стандарт бюджетной обеспеченности (минимальный уровень – 50000 рублей на человека).

Социальная составляющая антикризисной стратегии должна фокусироваться на поддержании на приемлемом уровне социальной инфраструктуры (образования, медицины), а также на расширении возможностей самореализации граждан (обучение безработных информационным технологиям, развертывание систем

микrokредитования). Важным условием инновационного развития России и перехода на новый технологический уклад является приведение в соответствие с его требованиями системы образования и подготовки кадров [4, с. 24].

2. Должны существовать регионы-«локомотивы» социально-экономического развития (где будут развиваться инновационные предприятия и пр.), в которые необходимо привлечь профессиональные трудовые ресурсы, следовательно, развивать социальную инфраструктуру нужно именно в них, в остальных – поддерживать те объекты инфраструктуры, которые имеются.

3. В целях минимизации бюджетных расходов необходимо сокращение объектов социальной инфраструктуры на территории сел и малых населенных пунктов, так как их содержание дорого, а функционирование неэффективно. Нужно развивать эти элементы в городах, а для малых населенных пунктов увеличить транспортную доступность.

Данное направление, в частности, было предложено руководителем направления политической экономии и регионального развития Института экономической политики им. Е. Т. Гайдара И. В. Стародубской в рамках ее доклада на Гайдаровском форуме, проходившем в марте 2011 года на базе Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

4. Социальная инфраструктура должна быть «двухслойной», двухуровневой:

1 слой: по нормативам, определенным обществом (в сфере образования, здравоохранения и пр.). Услуги, предоставляемые на этом уровне, должны быть бесплатными или очень доступными для всего населения;

2 слой: сверх нормы. Такие услуги социальной инфраструктуры будут платными и, может быть, окажутся доступными не всем.

Анализ существующих подходов позволит сформировать собственное видение. С нашей точки зрения, среди выделенных направлений стратегического развития элементов социальной инфраструктуры целесообразно рассматривать комплексно первый и четвертый вариант. Они действительно исходят из принципа социальной направленности развития, учитывают права и потребности людей, проживающих в любом регионе России.

Однако важно не только определить направление развития, но и видеть

возможности и особенности в области финансирования.

В последнее время наблюдается тенденция сокращения государственного участия в развитии социально значимых сфер и поддержании социального благополучия в общественном развитии [2, с. 29–31; 5]. Основной целью становится не развитие социальной инфраструктуры, а минимизация бюджетных расходов. В этой ситуации в среднесрочном и долгосрочном плане необходимо рассматривать различные инструменты финансирования.

1. На федеральном уровне:

– использовать целевые инвестиционные кредиты из золотовалютных резервов России;

– удвоить в течение нескольких лет крайне низкую долю инвестиций в составе консолидированного бюджета страны;

– установить льготы для предприятий, например, по налогообложению, при дополнительном изыскании инвестиционных источников.

2. На региональном уровне условием успешного развития социальной инфраструктуры может стать использование института частно-государственного партнерства, что позволит сохранить и преумножить имеющиеся элементы инфраструктуры и обеспечить устойчиво сбалансированный и социально ориентированный рост в регионе.

Частно-государственные партнерства представляют собой объединение ресурсов государства или местного самоуправления и частного сектора экономики на долгосрочной и взаимовыгодной основе для

создания общественных благ или оказания общественных услуг. Это относительно новый, но весьма перспективный инструмент реализации стратегий развития территории, эффективность которого определяется, прежде всего, системностью и стратегической сфокусированностью. При этом проекты реализуются посредством партнерства преимущественно в поддерживающих (инфраструктурных) отраслях экономики регионов, которые выступают в качестве факторов региональной конкурентоспособности [6, с. 90–93].

По нашему мнению, неоспоримым преимуществом партнерства государства и бизнеса является то, что регионы самостоятельно могут использовать этот инструмент, снижая при этом бюджетные расходы. Препятствием пока является институциональная составляющая вопроса о частно-государственном партнерстве.

Не вызывает сомнения тот факт, что чем больше развита инфраструктура, тем более гибкой является вся экономика региона, тем на более прочной основе базируется его социально-экономическое развитие и процветание. Несмотря на это, регионы не вполне самостоятельны в процессе выбора направлений и путей развития собственной социальной инфраструктуры. С нашей точки зрения, эти вопросы целесообразно решать одновременно на федеральном и региональном уровнях, учитывая потребности в услугах социальной инфраструктуры конкретного региона и используя все имеющиеся возможности и инструменты финансирования.

1. Жихаревич Б. С. Социальная инфраструктура и человеческий капитал российских регионов: подход к оценке взаимовлияния [Текст] / Б. С. Жихаревич, Н. М. Логачева // Экономика и управление. – 2012. – № 3 (77). – С. 150–156.
2. Татаркин А. И. Инновационная миссия модернизации общественного уклада как потребность устойчивого развития России [Текст] / А. И. Татаркин, Д. А. Татаркин // Экономика региона. – 2011. – № 2. – С. 25–37.
3. Балацкий Е. Финансовая несостоятельность регионов и совершенствование межбюджетных отношений [Текст] / Е. Балацкий, Н. Екимова // Общество и экономика. – 2010. – № 7–8. – С. 101–116.
4. Глазьев С. Ю. О стратегии модернизации и развития экономики России в условиях глобальной депрессии [Текст] / С. Ю. Глазьев // Экономика региона. – 2011. – № 2. – С. 14–25.
5. Гонтмахер Е. Ш. Главное – маневры! Бюджетные... Государство уходит из ЖКХ, образования и здравоохранения в национальную оборону [Электронный ресурс] / Е. Ш. Гонтмахер. URL: <http://www.nowayagazeta.ru/data/2011/113/14.html> (дата обращения: 10.10.2012).
6. Важенин С. Г. Конструирование государственно-частного партнерства в модернизируемой экономике [Текст] / С. Г. Важенин, Н. М. Герасимов // Экономика региона. – 2011. – № 2. – С. 90–97.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ: УЧАСТИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ ОРГАНОВ РСФСР В РЕПАТРИАЦИИ ПОЛЬСКИХ И СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН В 1945–1946 гг.

УДК 94 (470)

С.А. ПИСКУНОВ

Весьма актуальной для ряда государств является проблема демографических последствий Второй мировой войны, вызвавшей наряду с прочими процессами активные перемещения населения.

В этот перечень стран с полной уверенностью можно отнести и СССР, с характерными для него как внутренними, так и внешними масштабными миграциями.

Внутреннее механическое движение населения связано, прежде всего, с эвакуацией в 1941–1942 гг. жителей прифронтовой зоны на восток (около 17 млн человек), а по мере освобождения территории страны, с 1943 года, — с набирающей силу реэвакуацией. Кроме того, в годы войны были осуществлены и репрессивные выселения проживавших в СССР немцев, карачаевцев, балкарцев, чеченцев, ингушей, калмыков, крымских татар и некоторых других народов [1, с. 191–197].

Внешние масштабные перемещения людей, как и внутренние, не осуществлялись в одном направлении. Так, после вступления Красной Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию были депортированы вглубь СССР проживавшие там лица польской, еврейской, украинской, белорусской и других национальностей [18, с. 9]. И наоборот, с началом Великой Отечественной войны миллионы людей вынуждены были покинуть свою Родину: это и советские граждане, направленные на принудительные работы в Германию и другие страны, это и военнопленные, это и отступившие немецкие пособники и беженцы [13, с. 203].

По мере успехов стран-союзниц в борьбе против Германии был поднят вопрос об обязательной репатриации граждан, что было закреплено в двусторонних советско-американском и советско-английском соглашениях в результате переговоров на Ялтинской конференции [13, с. 207–208]. Возвращение в СССР его граждан было регламентировано постановлениями СНК СССР от 6 января 1945 г. и 16 июня 1945 г. [6, л. 134].

По окончании войны между Советским Союзом и Польшей в июле 1945 г. была

достигнута договоренность о возвращении на родину части польских граждан, проживавших в СССР: «Ст. 1. Правительство Союза Советских Социалистических Республик соглашается предоставить лицам польской и еврейской национальностей, состоявшим в польском гражданстве к 17 сентября 1939 г. и проживающим на территории СССР, право на выход из гражданства СССР, в соответствии с выраженным ими желанием, и разрешить им переселение на территорию Польши.

Аналогичное право предоставляется также на основании Указов Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня и 14 июля 1944 г. лицам польской национальности, перечисленным в этих Указах» [9].

Итак, многочисленным по своему объему миграционным движением, в котором активное участие принимали переселенческие органы, хронологически не вписывающимся в рамки войны, но без сомнения, вызванным ею, явилась репатриация советских и польских граждан в 1945–1946 гг.

Следует отметить, что проблема возвращения польских и советских граждан активно разрабатывается отечественными и зарубежными учеными в последние два десятилетия: исследованы количественная ее сторона, вклад органов безопасности, Управление Уполномоченного при СНК СССР по делам репатриации и другие [1; 11; 15–19]. Несколько «обделенными» в этом смысле остаются переселенческие органы, принимавшие активное участие в репатриации населения двух государств в послевоенные годы, что обуславливает научную новизну заявленной темы.

Тем самым целью статьи является исследование деятельности переселенческих органов РСФСР в 1945–1946 гг., задействованных в перемещении советских и «лиц польской и еврейской национальностей, состоявших в польском гражданстве к 17 сентября 1939 г. и проживавших на территории СССР».

Очевидным видится вопрос: почему реализация планов возвращения польских и советских граждан на Родину в заявленных хронологических рамках принадлежит

именно миграционным органам РСФСР? Для ответа на него следует проследить процесс реформирования переселенческой системы страны.

Известно, что единая общесоюзная организация, способная обеспечить не только переселение как таковое, но и его планирование, организацию и хозяйственное устройство новоселов в местах вселения, контроль за соблюдением установленных законом льгот, а также изучение степени эффективности переселения, после многочисленных реорганизаций была создана только в 1939 году* [12, с. 243]. Однако деятельность Переселенческого управления при СНК СССР была сравнительно недолгой. Начавшаяся Великая Отечественная война повлияла на реорганизацию уже сложившейся плановой системы переселения. Распоряжением СНК СССР от 25 июня 1941 г. государственное переселение из-за войны было прекращено. С этого времени центральные и местные органы ограничили свою работу по хозяйственному устройству переселенцев 1939–1941 гг. В связи с возникшей необходимостью эвакуации населения из прифронтовых районов Переселенческое управление при СНК СССР в ноябре 1941 г. вошло в состав организованного Управления по эвакуации населения при Совете по эвакуации, в котором был создан отдел по переселению. Изменившаяся обстановка на фронтах и сокращение потока эвакуируемого населения выдвинули задачу хозяйственного и трудового устройства эвакуированного населения. В конце января 1942 г. Управление по эвакуации населения было ликвидировано и для указанных задач был организован Отдел СНК РСФСР по хозяйственному устройству эвакуированного населения с переселенческим сектором и соответствующими отделами при исполкомах [2, лл. 12, 25; 7, лл. 46–48; 8, лл. 1–2; 10, л. 6]. В 1945 г. Отдел включал в себя сектор перевозок, осуществлявший контроль за организацией транспортировки, продвижением железнодорожных эшелонов и обслуживанием в пути следования советских граждан. Сектор трудового и бытового обслуживания при помощи местных органов советской власти принимал и размещал репатриантов, что находило свое выражение в оказании им помощи в обеспечении жильем, продовольственными

и промышленными товарами, организации медицинского обслуживания, поддержки социально незащищенных категорий перемещенных лиц. Сектор учета и статистики осуществлял фиксирование численности репатриантов [4, лл. 14–18]. Отдел реэвакуации населения в рассматриваемый период возглавлял Д. Быченко. Численность Отдела СНК РСФСР на 2 марта 1945 года составляла 12 человек, а краевых и областных — от 4 до 15 [4, л. 19].

С сентября 1945 г. задачи по репатриации, наряду с прочими, были возложены на созданное Переселенческое управление при СНК РСФСР и местные отделы [2, лл. 1–2].

Руководитель Отдела по реэвакуации населения реализовывал задачи, поставленные союзным правительством и уполномоченным СНК СССР по делам репатриации [4, л. 21].

Изначально одной из важнейших задач для обеспечения эффективной работы по приему советских граждан являлось определение объема миграционных потоков, проще говоря, численности возвращаемого населения. Распоряжением от 13 января 1945 г. СНК РСФСР обязало краевые и областные исполкомы предоставить сведения о количестве людей, «угнанных в фашистское рабство». Полученные результаты сверялись с данными Чрезвычайной государственной комиссии, после чего следовало повторное уточнение на местах. Работа по определению численности перемещенного населения в годы оккупации за пределами СССР возлагалась как раз на местные отделы по хозяйственному устройству эвакуированного населения при областных и краевых исполкомах и СНК республик. Эта рутинная работа была крайне необходима для подготовки к приему на местах советских граждан [4, л. 19].

В зависимости от ожидаемого к прибытию в ту или иную республику, край или область числа советских граждан из-за рубежа, создавались приемно-распределительные пункты. На таких пунктах действовали дезинфекционная камера, баня, было организовано питание [4, л. 20, 28–29].

В дальнейшем переселенческие отделы организовывали перевозку репатриантов в места их прежнего жительства и осуществляли контроль за их должным хозяйственным устройством. Так, в некоторых колхозах их

* Согласно постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 мая 1939 г. были ликвидированы Бюро по сельскохозяйственному переселению Наркомзема и Переселенческий отдел НКВД. На их основе была создана общесоюзная организация — Переселенческое управление при СНК СССР с отделами на местах.

не только расселяли в дома местных жителей, но обеспечивали семенами, а также кормами для привезенного ими скота за счет фондов принимающих хозяйств [4, лл. 19–20].

Вполне понятно, что в условиях послевоенного времени обеспечение репатриантов всем необходимым было затруднительно, однако, судя по отчетам переселенческих органов, дела с возвратившимися гражданами СССР обстояли не так уж плохо. Так, по сведениям Переселенческого управления, в РСФСР 30,7% были размещены в неразрушенных домах, в восстановленных – 26,5%, во вновь построенных – 16,9%, в порядке подселения – 19,4%, в общежитиях – 4%, в землянках – 2,5%. Обеспечены работой были не только все трудоспособные, но также и часть инвалидов, престарелых и подростков [6, л. 125–126].

Если учесть, что за 1945–1946 гг. в СССР, по данным В. Земскова, было репатрировано 4083994 человека (94,87%), становится понятным, насколько велика была нагрузка на переселенческие органы [13, с. 214–215].

Помимо приема граждан СССР, оказавшихся за его пределами, переселенческие органы принимали активное участие в репатриации польских граждан.

Согласно советско-польскому соглашению, заключенному 6 июля 1945 года и утвержденному постановлением СНК СССР 7 июля, была достигнута договоренность о возвращении польских граждан на Родину.

Для начала следовало определить число лиц, подлежащих репатриации. Каждая административно-территориальная единица обязана была выяснить, какое количество польских граждан, попадавших под переселение, находилось на ее территории. Соглашением устанавливалось, что желавшие выехать в Польшу через местные органы (в городах – органы милиции, в сельской местности – сельские советы, в воинских частях – командир части, во всех остальных случаях – советские административные власти) должны были обращаться в Комиссию Президиума Верховного Совета СССР по рассмотрению вопросов приема, выхода и лишения гражданства СССР. Этим же соглашением была создана Смешанная советско-польская комиссия, состоявшая из 6 человек, в равных пропорциях назначенных соответствующими правительствами, для контроля за переселением граждан [9, лл. 12, 19–20]. Для руководства процессом репатриации польского населения постановлением СНК

СССР от 10 ноября 1945 года была организована Комиссия СНК СССР, председателем которой был назначен А. Н. Косыгин. Этим же постановлением определение права на выезд из территории Советского Союза в Польшу возлагалось на создаваемые специальные комиссии при СНК союзных и автономных республик, краевых и областных исполкомах по делам польских граждан (далее – комиссии. С. П.). В состав таких комиссий входили заместитель председателя СНК, краевого или областного исполкома – председатель комиссии, а также заместители начальников управлений НКВД, НКГБ и заместитель прокурора [9, лл. 245–246; 14, с. 218].

Специальные комиссии на основании личного заявления (либо заявления главы семьи) утверждали списки тех, кто имел право на выезд. Покинуть СССР могли польские граждане, ставшие таковыми до 17 сентября 1939 года. Факт государственной принадлежности должен был быть документально засвидетельствован. Этим документом мог быть советский паспорт с соответствующей отметкой о принадлежности заявителя к польскому гражданству; польский паспорт, польский военный билет, свидетельство о рождении, диплом, профсоюзная, больничная книжка, справка об амнистировании и т. п. Если лица, подавшие заявления о выезде в Польшу, не имели возможности доказать проживание на территории Польши к 17 сентября 1939 года, при разрешении вопроса о предоставлении этим лицам права на переселение в Польшу могли быть использованы имевшиеся в НКВД материалы паспортизации бывших польских граждан, проводившейся в 1943 году, а также некоторые другие материалы [14, с. 219].

Очевидно, что комиссии имели право отклонить просьбу заявителя (таблица 1).

Так, в Ульяновской области было учтено 1293 бывших польских гражданина, подано заявлений – 919, утверждено на выезд – 1289. 22 было отказано, поскольку они имели «белорусскую и украинскую национальность, в Польше никогда не проживали и польского подданства никогда не имели и комиссией не учитывались как польские граждане...». Лицам, получившим разрешение на выезд из СССР, выдавались специальные эвакуационные удостоверения, подписываемые председателем комиссии и представителем польской стороны, а их списки репатриантов через Центральную комиссию передавались во внешнеполитическое союзное ведомство [3, лл. 43, 239, 256].

Таблица 1
Сводные данные по союзным республикам по переселению бывших польских граждан из СССР в Польшу (по состоянию на 15 августа 1946 г.)

Название республики	Учено проживавших польских граждан	Подано заявлений	Отказано в выезде взрослых/ всего	Утверждено к выезду			Отправлено		
				взрослых	детей	всего	эшелонами	индивидуально	всего
РСФСР	99 495	66449	1103/1140	65104	29687	94791	92018	1320	93338
УССР	43699	28074	1868/1991	26269	12611	38880	37304	753	38057
Казахская ССР	55430	39412	72/72	38840	15219	54059	52668	15	52683
Узбекская ССР	27734	21575	117/138	21284	5994	27278	24834	2075	26909
Киргизская ССР	10249	7275	39/42	7236	2879	10115	10051		10051
Таджикская ССР	3800	2776	22/23	2709	973	3682	3449	178	3627
Туркменск. ССР	783	634	4/4	607	146	753	730		730
БССР	875	723		552	316	868	794		794
Молдавская ССР	50	44		44	6	50	50		50
Грузинская ССР	385	326		326	59	385	385		385
Армянская ССР	146	116		116	20	136	136		136
Азербайд. ССР	250	183	2/2	218	32	250	198	37	235
Латвийская ССР	4510	1357	47/51	1310	602	1912	1726	69	1795
Карело-Финская ССР	54	50	8/8	42	2	44		24	24
Всего	247460	168994	3282/3471	164 657	68546	233 203	224 343	4471	228814

Таблица составлена на основе источника: ГАРФ. Ф.А-327. Оп.1. Д.14 Л.28.

Наиболее трудоемким и ответственным участком работы являлось собственно переселение граждан, получивших возможность покинуть СССР. На заседании Центральной специальной комиссии по эвакуации польских граждан при СНК СССР было принято решение о том, что все мероприятия, связанные с организацией перевозки польских граждан, обеспечением их питанием, одеждой, обувью в пути следования должно осуществлять Переселенческое управление при СНК РСФСР в лице заместителя начальника Д. Быченко и его местные органы. При этом деятельность Управления не ограничивалась только лишь территорией РСФСР, поскольку оно обеспечивало репатриацию (в рамках своей компетенции) польских граждан, проживавших в других союзных республиках [3, л. 171].

Отправка эшелонов из СССР в Польшу началась в феврале 1946 г. Переселенческими отделами на местах разрабатывался план организации перевозки, включая определение станций погрузки и порядка доставки к ним репатриантов, с указанием пунктов питания

на пути следования [3, л. 189]. Предусматривалось, что выезжающие лица проходили медосмотр, проводилась и их вакцинация. По прибытии на пункты сбора выезжающие, как правило, размещались в заранее подготовленные помещения, где обеспечивались, что немаловажно в первые послевоенные годы, горячим питанием, медицинской помощью и необходимыми вещами.

Обеспечивались всем необходимым польские граждане и во время переезда. Так, по данным начальника Ульяновского переселенческого отдела, один из эшелонов, сформированных в области, состоял из 66 вагонов, включая вагон-лавку промышленных товаров и вагон-лавку продовольствия, два вагона-изолятора – вагон-амбулатория и вагон-парикмахерская, а также вагон с консервами. Разнообразен был, особенно в условиях послевоенного времени, продуктовый перечень. Эшелон № 50 получил продукты питания из Ульяновского горторга из расчета на 12 дней: хлеб – 7000 кг; сухари – 495 кг; колбасы – 200 кг; сыр – 1785 кг;

сахар — 395,9 кг; пшено — 632,6 кг; консервы — 120 банок. Более того, в г. Орле были получены следующие продукты: хлеб — 5040 кг; рыба-лещ — 722 кг; рыба-сельдь — 113 кг; рыба копченая — 138 кг; конфеты — 131 кг; соль — 131 кг. Кроме этого питания, был еще вагон консервов — 9000 банок [3, л. 236].

Маршрут эшелона, начавшись на станции погрузки, заканчивался на приграничной станции, на которой, как правило, его встречали представители смешанной советско-польской комиссии и работники пограничной заставы. Происходил обмен денег и изъятие советских документов. Хотя имели место и негативные обстоятельства, однако, следуя изложению советских органов, обусловленные сбоями принимающей стороны [3, лл. 232, 240–241, 254].

Нет сомнения, что для политического руководства СССР репатриация польских граждан приобрела важное политическое значение, в связи с чем ее необходимо было осуществить без сбоев. Доказательством тому служат факты, зафиксированные в архивных источниках. Приведем некоторые из них. Так, в Новосибирской области лица, изъявившие желание переехать в Польшу, заранее распродав свое имущество, оказались зимой без теплых вещей. О ситуации было доложено заместителю председателя СНК СССР Л. П. Берии: «...В результате тяжелых материально-бытовых условий среди бывших польских граждан

наблюдается заболеваемость, а дети из-за отсутствия одежды и обуви не ходят в школу. ...Все это влечет рост отрицательных настроений и недовольства...». В итоге необходимая помощь нуждающимся людям была оказана. Кроме того, неслучайным является тот факт, что в отчеты местных специальных комиссий на имя А. Н. Косыгина включались слова благодарности представителей польской стороны [3, лл. 127, 265–267].

Подводя итоги массовой репатриации советских и польских граждан 1945–1946 гг. (объем миграционных потоков по совокупности превысил 4,3 млн человек), следует отметить, что в сложные послевоенные годы она была осуществлена в сжатые сроки.

Таким образом, Вторая мировая и Великая Отечественная войны — явления многоплановые, многоплановыми явились и их последствия, одним из которых стали вынужденные масштабные людские перемещения на территории континента, преимущественно в его европейской части. Возвращение населения, оказавшегося в силу разных причин за пределами своего государства, на места прежнего жительства в течение 1945–1946 гг. в сравнительно сжатые сроки требовало проведения колоссальной организационной работы, видная роль которой, применительно к СССР в частности, в отношении советских и польских граждан принадлежит переселенческим органам.

1. Вербицкая О.М. Особенности миграционных процессов в годы войны [Текст] / О.М. Вербицкая // Вторая мировая и Великая Отечественная войны. Материалы Всероссийской научной конференции. М. : МПГУ, 2010. С. 191–201.
2. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 1.
3. ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 5.
4. ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 6.
5. ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 14.
6. ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 13.
7. ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 1.
8. ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 7.
9. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 106-с. Д. 168.
10. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). Ф. 553. Оп. 1. Д. 55.
11. Евсеев И.Ф. Сотрудничество Украинской ССР и Польской Народной Республики (1944–1960). Киев, 1962.
12. Занданова Л.В. Формирование системы переселения и переселенческих органов в СССР / Л.В. Занданова // Научная программа: русский язык, культура, история. Сборник материалов научной конференции лингвистов, литературоведов, фольклористов, историков. Ч. 2. М., 1995. С. 234–254.
13. Земсков В.Н. К вопросу о судьбе советских репатриантов в СССР [Текст] / В.Н. Земсков // Вторая мировая и Великая Отечественная войны: материалы Всероссийской научной конференции. М. : МПГУ, 2010. С. 202–218.
14. Из истории поляков в Казахстане (1936–1956 гг.). Сборник документов. Алма-Ата : Казахстан, 2000. 344 с.
15. Кабузан В.М. Русские в мире: Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб. : Блиц, 1996. 352 с.
16. Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3 т. / Т. 2. 1940–1959. М. : РОССПЭН, 2001. 416 с.
17. Парсаданова В.С. Советско-польские отношения. 1945–1949 гг. М. : Наука, 1990. 192 с.
18. Пиримкулов Ш.Д. Польские школы и детские учреждения в СССР (1941–1946 гг.). Ташкент, 1990. 158 с.
19. Полян П.М. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. М. : Росспэн, 2002. 894 с.

ОГОСУДАРСТВЛЕНИЕ ПРОМЫСЛОВОЙ КООПЕРАЦИИ В СССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х гг.: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ*

УДК 33(091)

А.А. ПАСС, П.А. РЫЖИЙ

Современную социально-экономическую ситуацию в России продолжает во многом определять масштабный кризис самоидентификации. Попытки реформирования «реального» социализма, предпринятые в период горбачевской «перестройки», не смогли предотвратить ни окончательной дискредитации коммунистических идей, ни развала Советского Союза. Последовавшие вслед за этим болезненные изменения всего жизненного уклада привели к смене общественного строя в нашей стране. Однако за двадцать лет безраздельного господства либеральных установок эффективные механизмы саморазвития также созданы не были.

Это требует тщательного научного анализа альтернативных хозяйственных форм, которые, как показывает мировая практика, не сокращаются, а, напротив, все возрастают. Тем самым вновь актуализируется исторический опыт существования в России параллельных экономических структур в виде кооперативных предприятий и организаций, ранее свыше 40 лет успешно противостоявших сокрушительному натиску этатистской автократии, а теперь достаточно уверенно чувствующих себя в стихии рынка.

Непредвзятое рассмотрение сущностных основ функционирования самодеятельных производственных ассоциаций, получивших в России наименование промысловых артелей, показывает, что им свойственны, с одной стороны, традиционно-коллективистские черты, заключающиеся в извлечении экономических и социальных выгод из объединения личных средств и трудовых усилий граждан. Этим они кардинально отличаются от частнопредпринимательского и корпоративного капитализма. С другой стороны, кооперация обладает целым рядом характеристик, имманентных индустриальному обществу. Здесь и реализация индивидуальных интересов через широкое распространение обобществляемой частной собственности в товариществах, и коммерческий характер их деятельности, и возможность дрейфа кооперации, в случае достижения ею успеха,

в сторону коллективной капиталистической собственности.

Указанные обстоятельства предопределили неоднозначное отношение к практике кооперативного строительства в нашей стране. Нельзя отрицать, что с первых лет утверждения советской власти в многочисленных правительственных декретах и постановлениях провозглашалась необходимость всемерного укрепления и развития кооперативных объединений трудящихся, совершенствования социальных принципов кооперации. Вместе с тем в реальной жизни отчетливо просматривалось стремление органов государственного управления к национализации кооперативной собственности, как менее развитой, «низшей» по сравнению с «общенародной» ее формой. Именно эта тенденция в конце концов победила. Как известно, в 1960 г. промкооперация была полностью упразднена. Ее предприятия оказались в ведении местных властей, а самые крупные из них переданы совнархозам. Результатом явилась ликвидация большинства из них. Народное хозяйство лишилось существенных объемов производства товаров народного потребления, продукции, требующейся сельскому хозяйству, специфических ремесленных изделий. Были потеряны кадры специалистов, навыки и умения, высочайший профессионализм кустарей, складавающийся и воспитывавшийся поколениями мастеров и их школ; преданы забвению кооперативные, коллективистские навыки ведения хозяйства и управления производством. Госпредприятия стали безраздельными монополистами рынка, что привело к неуклонному росту цен, вымыванию дешевых товаров и полному их исчезновению. Почему политическое руководство страны приняло такое решение? Ответу на этот вопрос и посвящена данная статья.

В начале 1950-х гг. промкооперация СССР (12667 артелей и 1844 тыс. работников, 2 научно-исследовательских института, 22 экспериментальные лаборатории, 100 конструкторских бюро) выпускала 33444 наименования товаров на сумму 31,2 млрд руб. [8; 9; 15]. В ассортимент входили разнообразные

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009-2013 гг. (государственное соглашение 14.Б37.21.0001).

предметы домашнего обихода, в том числе такие сложные, как холодильники, пылесосы, стиральные машины, а также запасные части к ним и к швейным машинам, радиоприемникам, патефонам; мебель; чугунная, эмалированная и фарфоро-фаянсовая посуда; скобяные изделия; детские игрушки; культ-товары; стройматериалы; продукты питания и проч. Многие артели занимались бытовым обслуживанием населения: шили и ремонтировали одежду и обувь, держали химчистки, прачечные, парикмахерские, фотоателье, осуществляли транспортные, погрузочно-разгрузочные и иные сервисные работы. Их доля в данных видах деятельности в отдельных регионах достигала 60–80% [3].

14 апреля 1956 г. вышло постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О реорганизации промышленной кооперации». 21 мая его продублировал Совмин РСФСР [13; 17]. В нем отмечалось, что «в настоящее время многие предприятия промкооперации перестали носить характер кустарно-кооперативного производства и по существу не отличаются от предприятий государственной промышленности. Современный уровень производства этих предприятий и их техническое оснащение требуют изменения формы управления и более квалифицированного технического руководства».

В целях обеспечения дальнейшего увеличения производства товаров широкого потребления, повышения их качества и снижения себестоимости, а также лучшего использования производственных мощностей и усиления специализации наиболее крупные объекты промкооперации передавались в ведение республиканских министерств соответствующих отраслей промышленности и областных и городских Советов депутатов трудящихся, а предприятия торговли и общественного питания — в ведение местных организаций министерства торговли и потребительской кооперации. Сохраняли кооперативную природу артели инвалидов, товарищества, применявшие в основном надомный труд, народные художественные промыслы и т.д., которые по своему характеру не могли быть переданы в ведение государственных органов.

Российское правительство ориентировало Российский промысловый совет — уставную общественную организацию, осуществлявшую хозяйственное руководство артелями, — на всестороннее улучшение бытового обслуживания населения, организацию механизированных предприятий по химчистке одежды, ремонту обуви, мебели, металлоизделий и прочих предметов обихода, а также расширение сети

пунктов для приема заказов. Предусматривалось создание специализированных кооперативов по выпуску оборудования, запчастей, инструмента и материалов для внутренних нужд; заготовке, сортировке, переработке металлоотходов и вторсырья. По РСФСР национализировали 2428 артелей из 8017. Промсистема лишилась 60% всего объема выпуска стройматериалов, 70% металлообрабатывающих мощностей [18, с. 48, 49; 11].

Уральский историк П.Г. Назаров привел убедительные доказательства того, что реорганизация кооперативной промышленности уже в 1956 г. задумывалась Президиумом ЦК КПСС и Правительством СССР как поэтапная ее национализация. Только резко отрицательная и аргументированная позиция по данному вопросу руководства РПС, в частности, зампреда А.П. Заговельева, поддержанная Совмином РСФСР, на время остудила экспроприаторский пыл [7, с. 165–173].

Надо сказать, что центральные власти опасались проявлений массового недовольства среди членов артелей. Об этом свидетельствует такой факт. Отчетно-выборные собрания уполномоченных областных промысловых советов по России по уставу должны были сзываться раз в два года. Предыдущее, третье по счету, состоялось 7 мая 1954 г. Поэтому в мае 1956 г., т.е. сразу после принятия «судьбоносного» решения, готовились провести четвертое. Однако РПС разослал на места циркуляр о продлении полномочий действующих промсоветов, а заодно и правлений низовых кооперативов еще на год [31].

Редакция журнала «Промысловая кооперация» в передовой статье, напечатанной в № 5 за 1956 г., успокаивала своих читателей, убеждая их в том, что передача ряда предприятий в госпромышленность не дает никаких оснований к ликвидаторским настроениям, которые имеют место среди отдельных руководителей и работников кооперативных организаций. Напротив, освобождение от сложных забот, связанных с управлением и материальным обеспечением производственной деятельности крупных артелей, поможет им полностью сосредоточиться на бытовом обслуживании трудящихся.

Беспокойство власть предержащих было напрасным. «Реорганизация» прошла спокойно. Труженики промкооперации продолжали самоотверженно работать и выполнять задачи, поставленные перед ними партией и правительством. Поскольку итоговые цифры 1956 г. по понятным причинам не являются репрезентативными, приведем данные из отчетного доклада правления челябинского

облпромсовета о финансово-хозяйственной деятельности в новых условиях, т.е. за 1957 г. — юбилейный год 40-летия советской власти.

Промысловики искренне радовались успехам страны в науке и технике: изобретению «межпланетной» (так в документе — прим. авторов) баллистической ракеты, «самого быстроходного в мире» реактивного самолета Ту-104, запуску искусственных спутников Земли, постройке уникального атомного ледокола «Ленин» и рапортовали о своих победах. Годовой план по валу они выполнили на 110,3%, выдав продукции на 122 117 тыс. руб. Из 60 артелей только 4 не справились с заданием. По некоторым видам ассортимента прирост был весьма значительным. Так, по валенкам он составил 55%, трикотажу — 36%, коврам — 30%, кирпичу — 26%, мебели и обуви — 16%, индивидуальному пошиву — 13%, однако из 16 наименований уложились в наметки только по 11. И это — «при напряженном положении с фондовым сырьем и материалами».

Количество мастерских увеличилось с 505 до 556, было введено в строй 2 комбината и 8 павильонов бытового обслуживания общей площадью 1900 квадратных метров. Кооператоры получили от РПС 300 единиц оборудования и транспорта на 1055 тыс. руб. Производительность труда поднялась на 18,3%, выработка на 1 рабочего достигла 18270 руб. (рост на 1330 руб.) при снижении себестоимости на 3,6% (ориентир — 2,2%). В магазины области поступило 27 видов новых изделий, в том числе стулья венские, шкафы книжные, этажерки, модельный ряд дамских платьев и костюмов, обуви и т.д.

Значительно укрепилось финансовое состояние системы. Накопления выразились в сумме 18 млн руб., больше, чем ожидалось на 2,4 млн руб. Излишек оборотных средств превысил 2,3 млн руб., вдвое сократились остатки готовой продукции. Внутрисистемные поставки ресурсов выросли против плана на 21,6% [32]. Но и эти показатели отнюдь не обеспечивали товарного изобилия. В 1957 г. на душу населения в регионе производилось мебели на 25 руб., обуви 0,8 пары, валенок 0,11 пары, пива 7 л., кондитерских изделий 5 кг [33]. По-видимому, прав А.В. Иванченко, заметивший, что «потребительский минимализм», сформировавшийся как специфическая черта советской повседневности еще в начале 1930-х гг. и подразумевавший стремление населения к удовлетворению прежде всего самых насущных потребностей, даже спустя четверть века сохранял значение поведенческого императива [2].

А как же на этом фоне выглядели те «крупные и хорошо оснащенные» кооперативные предприятия, которые превратились в государственные? Ответ на данный вопрос дает анализ стенограммы II сессии Челябинского облсовета депутатов трудящихся 6-го созыва, открывшейся 25 июля 1957 г. Народные избранники рассмотрели меры по дальнейшему развитию и улучшению руководства промышленностью местного подчинения. Слово предоставили Лазареву — директору троицкой швейной фабрики, которую объединили с профильной артелью, в результате чего производственные мощности выросли в 2,5 раза.

Вот что он рассказал. Несмотря на ввод новой техники, план I полугодия фабрика выполнила лишь на 88,5%. На 800 человек персонала оказалось 4 технолога со школьной скамьи, совершенно не имеющих опыта, и ни одного механика. Промысловиков, ранее специализировавшихся на индивидуальных заказах, поставили к конвейеру на массовый пошив. Их надо было обучать, но лимитов на учеников не утвердили, и всех новичков зачислили в мастера. Как следствие — перерасход заработной платы и выпуск бракованной продукции.

Главный инженер Шутов, самоучка, кое-как справлялся с обязанностями, пока госпредприятие было малым. Управление легкой промышленности помощи в подборе кадров не оказало, но разместило объявление в газете о том, что должность главного инженера вакантна. Шутов опустил руки и совсем перестал работать. Из обкома профсоюза прибыли с проверкой и заявили о некомпетентности администрации, не способной ликвидировать простои. «Узкие места» в действительности объяснялись перебоями в снабжении подкладочными тканями, нужда в которых возросла пропорционально скорректированному в сторону увеличения заданию. В довершение всех бед возникли трудности с подключением новых мощностей к электросетям из-за нехватки проводов. С похожими проблемами столкнулись магнитогорцы. В городе закрылись популярные ателье, так как власти организовали одну большую фабрику, куда перебросили закройщиков и швей. Народ начал роптать [30].

В других регионах страны наблюдалась та же картина. В Вологодской области после передачи артелей в местпром прекратилось производство ягодных экстрактов, соков, бочко-тары, деревянных колес, предметов обихода. В Кемерово, Алтайском и Красноярском краях перестали делать смолу и пихтовое масло (сырье для камфоры), и сибирская медицина

осталась без эффективного препарата [23]. Как тут не вспомнить народную мудрость: «красиво было на бумаге, да забыли про овраги».

В феврале 1957 г. произошло очередное важное нововведение. Пленум ЦК КПСС принял решение об упразднении отраслевых министерств и переходе к территориальному принципу управления по экономическим административным районам с образованием советов народного хозяйства (совнархозов или СНХ). На майской сессии Верховного Совета СССР звучали предложения о передаче в их ведение не только заводов союзно-республиканского подчинения, но также объектов местной и кооперативной промышленности. Н.С. Хрущев эти предложения отверг, опасаясь ослабления внимания СНХ к развитию отраслей [1]. В отсутствие Минместпрома вся тяжесть непосредственного руководства райпромкомбинатами и вчерашними артелями легла на плечи областных управлений, трестов, плановых органов и исполкомов Советов.

Несмотря на то, что в структуре последних существовали профильные отделы, курировавшие их работу, заменить собой министерства и главки они не могли. Это и понятно, ведь под эгидой облисполкома летом 1957 г. уже находилось 300 предприятий с объемом производства 2200 млн руб. и 30 тыс. рабочих. Учитывая данное обстоятельство, зампред челябинского ОИК Мамонтов выступил с инициативой организации в крае аналога Совнархоза — Совета местного хозяйства (совместхоза или СМХ) с возложением на него функций по руководству региональным сектором экономики и создании при нем областного управления снабжения и сбыта. Одной из главных задач нового подразделения должно было стать «выбивание» в республиканском Госплане фондов на сырье, оборудование, капстроительство. Облсовет идею одобрил и направил ходатайство в Правительство РСФСР [29].

В недрах Совмина России быстро родился проект постановления «Об организации управления промышленностью местного подчинения». В его подготовке приняли активное участие главный плановик Н.К. Байбаков и вице-премьер Д.И. Алехин. 13 июля 1957 г. они обратились за согласованием в Бюро ЦК КПСС по РСФСР. Параллельно председатель РПС А.К. Зернов послал записку секретарю ЦК А.Б. Аристову с возражениями против реализации данного проекта. Они сводились к следующему: нарушались внутрисистемное снабжение и общность финансового хозяйства артелей (ФДК), могущие повлечь упадок производства товаров народного потребления.

Дело в том, что в промысловой кооперации имелись товарищества, например, «Завод № 15» в Кыштыме (Челябинская обл.), занимавшиеся изготовлением разнообразных станков, приспособлений, спецоснастки, которые затем по разнарядке поступали «в города и веси». То же самое касалось огромной номенклатуры вспомогательных материалов для мастерских бытового обслуживания. Зачастую поставки носили «штучный» характер, и никакой государственной «снаб», привыкший оперировать вагонами и контейнерами, выполнить бы их не смог. А кооператоры научились учитывать «мельчайшие особенности каждого местечка и каждого месяца работы» (А.В. Чаянов) и использовать для этого транзитные перевозки. Записка завершалась просьбой сохранить облпромсоветы с двойным подчинением: исполкомам и Роспромсовету, а также подтвердить полномочия РПС по материально-техническому обеспечению и планированию производства в артелях. С этими доводами в ЦК КПСС неожиданно согласились [26], хотя строптивый Зернов сразу же, по настоянию Алехина, был перемещен из Роспромсовета на хозяйственную работу в Ленинград.

Случай, прямо скажем, неординарный: председатель общественной организации «переиграл» правительственных чиновников первого эшелона! Почему так произошло, станет понятно, если принять во внимание политический контекст. В июне 1957 г. Н.С. Хрущев едва не лишился поста Первого секретаря ЦК КПСС. Против него открыто выступили члены Президиума ЦК В.М. Молотов, Л.М. Каганович, Г.М. Маленков и др., которые критиковали проводимые экономические реформы «за необдуманность и волюнтаризм». Многие обвинения являлись справедливыми. Даже один из самых верных сторонников Никиты Сергеевича — А.И. Микоян спустя годы вынужден был это признать. В своих мемуарах он писал: «...сколько же органов новых Хрущев придумал, сколько старых распустил, перестроил!.. Потом и новые распускал и создавал другие. Людям на местах, наверное, невозможно было уследить за этой чехардой. И невозможно было работать нормально. Ведь достаточно в одном учреждении постоянно менять руководителя, как оно дезорганизуется. А тут еще хуже — новые учреждения с другими правами и функциями. И, конечно, другие руководители. И так почти каждый год! Экономические меры и стимулы он серьезно не понимал, а ведь умный был человек. Но не хватало образования, политического

опыта, глубины подхода. Все его перегибы – ... результат неспособности обдумывать вопросы со всех сторон [5].

Прохрущевским силам удалось консолидироваться и на июньском Пленуме ЦК партии одержать победу над консерваторами. Следующие полгода ушли на переформатирование вертикали высшей партийной власти и удаление из нее как скомпрометировавших себя «сталинистов», так и некоторых чересчур влиятельных «сторонников», например, Г.К. Жукова. «Мелочи» типа промысловой кооперации отошли на второй план. Ранее «освобожденную» от крупных артелей систему ненадолго оставили в покое, предоставив возможность развиваться на собственной, пусть и суженной, основе.

Тем временем РПС возглавил заместитель Зернова А.П. Заговельев. В октябре 1957 г. нового председателя пригласили в качестве почетного гостя на съезд Центрального совета кооперативов Чехословакии, где присутствовали делегации соцстран, Англии, Италии, Германии. По приезду в Москву Заговельев сообщил российскому премьеру Д.С. Полянскому, что в стране, откуда он вернулся, государство, минимально контролируя деятельность промкооперации, обеспечивает ее необходимыми стандартными деталями, из которых по индивидуальным заказам изготавливаются прекрасные вещи. Продаются эти изделия по свободным рыночным ценам, т.е. достаточно дорого, но, тем не менее, моментально раскупаются населением [24].

В декабре 1957 г. новый глава Роспромсовета направил письмо стремительно набиравшему тогда политический вес кандидату в члены Президиума ЦК КПСС Ф.Р. Козлову с просьбой воспрепятствовать дальнейшей передаче артелей в госпромышленность [6]. Похоже, таким образом кооперативный лидер демонстрировал свое видение перспектив экономического развития вверенного ему сектора. К нему прислушались. Реорганизационный зуд приутих, что самым позитивным образом отразилось на деятельности промысловиков.

Это хорошо иллюстрируют южно-уральские материалы. В 1958 г. по сравнению с предыдущим годом валовое производство в Челябинском облпромсовете увеличилось на 26%, численность рабочих – на 17%, средняя выработка на 1 занятию – на 6%, прибыль – почти на 30% при снижении себестоимости на 3,1%. Из 74 артелей осталось всего 3 убыточных. Локомотивами роста стали такие отрасли, как мебельная (140%), бумажно-полиграфическая (158%), художественная (179%),

культуварная (157%), ремонтно-бытовая (121%) и др. Из 41 наименования планируемого РПС и ОИК ассортимента задание было выполнено по 30. Раскрепостилась рационализаторская мысль: 158 внедренных рацпредложений обеспечили экономию 523,2 тыс. руб. Нашли применение новые технологические решения, связанные с переходом «на поток» при изготовлении мебели и пошиве верхней одежды. Было освоено 53 новых вида изделий, среди них: люстры, комоды, ковры, оконная фурнитура, сложный садовый инвентарь, модные модели костюмов и туфель, детские игрушки. Практически прекратились рекламации от торгующих организаций [28].

Но передышка длилась недолго. Уже в апреле 1959 г. министр финансов СССР А.Г. Зверев предпринял очередную атаку на кооператоров. То, что закоперщиком выступил именно он, вполне закономерно. Взаимоотношения промысловой системы с бюджетом строились следующим образом: около 60% всех денежных поступлений изымалось в государственную казну в виде налога с оборота, подоходного налога, налога на строения и земельной ренты (получателями двух последних платежей являлись исполкомы местных советов). Оставшаяся часть, принятая за 100%, распределялась по нормативам, согласованным между СМ РСФСР и РПС.

В исследуемый период статьи расходов выглядели так: 48% – в основной фонд артелей, 20% – в централизованный фонд долгосрочного кредитования (ФДК), 6% – на физкультурно-спортивную работу, 5% – в фонд улучшения быта, 1% – в фонд премирования и 20% – распределение среди членов товариществ. В возможность использовать собственную прибыль заключалось главное преимущество промкооперации по сравнению с госпредприятиями, где без санкции высокого начальства нельзя было потратить ни рубля.

Средства ФДК к середине 1950-х гг. исчислялись огромной суммой 6,5 млрд руб. [18, с. 22]. Они хранились в Торгбанке – Всесоюзном банке финансирования капитального строительства торговых и кооперативных предприятий. Оборотные средства и амортизационные отчисления (1,9 млрд руб.) аккумулировались в Госбанке СССР. В 1956 г. передаваемым в собственность артелям (наиболее технически оснащенным!) «простили» их задолженность по ФДК перед Роспромсоветом. Последний также обязали бесперебойно оплачивать все их расходы в течение следующего года [12]. Огромные суммы росчерком пера плавно перетекали в государственный карман.

На этом присвоение кооперативных денег не закончилось. Несмотря на то, что Центропромсовет был в том же году распущен, финорганы продолжали взимать с промышленников платежи в ФДК ЦПС и использовать их теперь уже на нужды госпромышленности. А после ликвидации в конце 1957 г. Торгбанка так называемые «излишки» ФДК промкооперации России в сумме 1,2 млрд руб. и «бесхозные» деньги ЦПС (еще 2,2 млрд руб.) принудительно превратили в облигации госзайма. И, наконец, тогда же республиканский Совмин, с одной стороны, распорядился поднять зарплату кооператорам, а Минфин РСФСР, с другой стороны, запретил использовать такой источник ее повышения как плановая прибыль, рекомендовав Роспромсовету выполнить правительственное решение за счет внутренних резервов, т.е. сверхплановых накоплений [7, с. 101, 102].

Эти командно-административные «ножницы» выстригли основательные бреши в кооперативных финансах. Но жизнеспособность промсистемы просто поражала. Приспособившись к понижательному тренду в государственном ценообразовании [25] и выдержав частичную национализацию 1956 г., она подняла зарплату и пенсии своим членам и нашла способ компенсировать потери от конфискации. Своей витальностью, секрет которой крылся в органической связи с рынком, и «непрогрессивностью» (само название «промысловая кооперация» пришло, как будто, из глубины веков) она невольно провоцировала коммунистических чиновников на окончательный реванш.

Претензии Минфина к артельщикам министр А.Г.Зверев не преминул довести до сведения ЦК КПСС и СМ РСФСР. По его мнению, промкооперация утратила социальную базу для развития, поскольку необобществленных кустарей в стране больше не осталось; работая на государственных фондах, недостаточно использовала местное сырье; неудовлетворительно обслуживала население бытовым ремонтом; получала сверхприбыль, которую распределяла нерационально; олицетворяла собой противоречие между общенародным характером собственности и групповым ее использованием. Лекарство от этих бед виделось ему в окончательном упразднении производственных кооперативов и передаче их имущества в ведение государственных органов. Проекты соответствующих постановлений прилагались [19].

А.П.Заговельев отреагировал моментально. В письме премьеру России Д.С.Полянскому он

в полемической манере, оперируя конкретными цифрами, показал некорректность выдвинутых упреков. Так, по данным Центрального статистического управления за два последних года в промысловые товарищества были приняты 508 тыс. человек и, тем не менее, свыше 50% всех работ по индпошиву и ремонту одежды и обуви по-прежнему осуществлялось некооперированными кустарями-частниками. В 1958 г. продукция артелей из местного и вторичного сырья, отходов крупных заводов в валовом выражении составила 6 млрд руб. или 35%. Кроме того, до 20% объема выпуска промысловые товарищества выработали из собственных материалов, поставляемых в порядке межобластного внутрисистемного снабжения. При ликвидации кооперативных предприятий эти сложные схемы неизбежно нарушились бы.

Далее, анализируя расходование прибыли, глава РПС показал, что свыше 2/3 накоплений реинвестировались в производство, и акцентировал внимание партийного и государственного деятеля на преимуществе промкооперации, которое заключалось в возможности перераспределять ФДК в порядке взаимопомощи в те регионы, где собственные средства артелей ограничены. Именно это, по его мнению, обуславливало более высокие, чем в местной промышленности, темпы развития (за I полугодие 1959 г. — 15,1% против 9,6%).

Что же касается распределения прибыли, то даже с учетом дополнительных выплат члены кооперативов получали в среднем 545 руб. в месяц (в местпроме — 703 руб.) и облагались подоходным налогом по ставке на 10% выше той, которая применяется в отношении рабочих и служащих госпредприятий. В заключение Заговельев рассказал, как промысловики на свои деньги организовали несколько научно-исследовательских институтов и десятки образовательных учреждений, чего никогда не мог себе позволить местпром [20].

Его доводы поддержал союзный Госплан, добавив, что в промкооперации сосредоточено свыше 50 тыс. мелких цехов и мастерских, в том числе на селе, в которых, наряду со здоровыми людьми, трудятся 275 тыс. инвалидов и пенсионеров, 92 тыс. надомников [21]. В результате еще одна попытка покончить с «неправильным» укладом завершилась неудачей. Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совмин России в апреле 1959 г. отказали Министерству финансов СССР в просьбе о преобразовании промкооперации.

По-видимому, в партии на тот момент возобладал умеренно-прагматичный подход, который нашел отражение в документах

ее внеочередного XXI съезда, проходившего в Москве 27 января — 5 февраля 1959 г. В контрольных цифрах развития народного хозяйства страны на ближайшие 7 лет появился новый раздел «Производство предметов домашнего обихода». Там говорилось, что значительная роль в деле дальнейшего увеличения производства предметов народного потребления и улучшения бытового обслуживания населения принадлежит предприятиям местной и кооперативной промышленности. Они должны шире использовать местные источники сырья, совершенствовать технику и технологию производства, за счет чего резко улучшить ассортимент и качество товаров [4].

Данная директива была конкретизирована в постановлении ЦК КПСС и СМ СССР № 245 от 6 марта 1959 г. «О мерах по улучшению бытового обслуживания населения» [36]. В нем признавалось, что во многих городах и рабочих поселках сеть кооперативных предприятий недостаточна, и даже в крупных селах, удаленных от райцентров, нет никаких ремонтных, пошивочных мастерских и парикмахерских. За 1959–1961 г. предполагалось увеличить количество предприятий, предоставляющих бытовые услуги, с 79,6 тыс. до 153,3 тыс. единиц и объем работ — с 6,2 млрд руб. до 10,3 млрд руб. Артелям разрешили выкупать арендуемые ими здания, получать кредиты в Сельхозбанке с единовременными затратами до 800 тыс. руб. на срок 1–6 лет под строительство пунктов бытового обслуживания, а также приобретать в розницу инструменты, запчасти, нитки, подкладочную ткань, пуговицы, лаки, краски и проч. Ожидалось, что товарищества в массовом порядке будут готовить кадры швейников, обувщиков, мебельщиков, металлистов и широко привлекать к работе надомников [14].

Постановление отличалось взвешенностью, подчеркнутым дистанцированием от идеологизированных формулировок, и отвечало актуальным задачам совершенствования социальной инфраструктуры, отставание которой от потребностей общества приняло угрожающие размеры. Из докладной секретаря Челябинского обкома Н. Лаптева Центральному комитету партии, датированной 2 января 1959 г., явствовало, что на Южном Урале на 3 тыс. человек приходилось 1 предприятие бытового обслуживания, а на 375 душ — один мастер-«универсал». Сумма выполненных заказов в расчете на каждого жителя составляла 38,7 руб. в год, из них: индпошив одежды — 20,27 руб., ремонт мебели — 11 коп., химчистка — 37 коп., фотография — 2,94 руб.,

парикмахерская — 7,72 руб. И все! 70% указанных работ выполняла промкооперация, при этом она имела лишь 26 тыс. квадратных метров полезной площади при минимально необходимых 130 тыс. метров [27].

А ведь требовалось срочно налаживать сервис сложной бытовой техники, например, холодильников, стиральных машин, мотоциклов, личных автомобилей, которых в пользовании у граждан становилось все больше. Остро стоявшая проблема с запчастями решалась крайне медленно, к тому же отечественная промышленность к концу исследуемого десятилетия выпускала 60 марок часов, 100 типов радиоприемников, 20 разновидностей телевизоров, и к каждой вещи нужны были специальные детали. Государство в принципе не могло эффективно справляться с таким обилием ежедневно возникающих частных вопросов, и безрадостное положение в сфере обслуживания образца 1960-х — 1980-х гг. прекрасно это иллюстрирует.

Конечно, и у артельщиков хватало трудностей. О некоторых уже упоминалось выше. И все же количественные и качественные изменения к лучшему, произошедшие в повседневной жизни советских людей к концу 1950-х гг., в немалой степени объясняются тем, что в структуре экономики тех лет заметное место занимала промкооперация. Челябинские промысловики в последний календарный год своего существования план работ для населения выполнили на 102,1% (в суммарном выражении — 68670 тыс. руб., рост по сравнению с 1958 г. на 14%), открыли 105 мастерских, в том числе 10 комбинатов и павильонов бытового обслуживания, доведя их число по области до 875. С целью механизации трудоемких процессов ввели в строй 373 единицы оборудования. Ими были освоены новые виды услуг — починка в присутствии заказчика и с выездом на дом. Заявки принимались также на заводах, в учреждениях и общежитиях. Для ремонта бытовой техники к клиентам стали приезжать на специальных автомашинах передвижные бригады. Дополнительные издержки не помешали снижению прейскурантных цен на 5%. Облпромсовет подготовил на учебно-курсовой базе 500 квалифицированных портных, столяров, фотографов, парикмахеров, пимокатов и т.д. В практику вошли сезонные смотры модных моделей одежды и обуви с последующей распродажей представленных экземпляров [37].

Изменения к лучшему наблюдались повсеместно. Это дало повод А.П. Заговељеву на III съезде уполномоченных в феврале

1960 г. уверенно заявить о том, что ближайшие 15 лет будут периодом дальнейшего укрепления промкооперации, что в проекте Генеральной перспективы развития народного хозяйства до 1975 г. намечен постепенный переход к единой общенародной собственности, но не путем свертывания промышленной системы, а в результате повышения уровня ее обобществления [6].

А 20 июля 1960 г. совершенно неожиданно Пленум ЦК КПСС предписал передать все кооперативные предприятия в ведение государственных органов с одновременным упразднением Роспромсовета [10]. Документальных свидетельств о подготовке или обсуждении данного решения исследователи не обнаружили до сих пор. Интервью, взятые П. Г. Назаровым в 1990 г. у современников тех событий, бывших: председателя Центропромсовета А. Е. Петрушева, главы Мосметпромсоюза В. Г. Лосева, преподавателя Высшей школы промкооперации Е. Э. Бейлиной, позволяют заключить, что принято оно было под влиянием сиюминутного настроения. Якобы на одном из высоких партийных совещаний зашел разговор об отдельных недостатках в деятельности артелей. Слово взял А. И. Микоян и устало предложил: «А давайте совсем их ликвидируем». Предложение было сразу принято [6, с. 100]. Для промышленников это явилось полнейшей неожиданностью, о чем косвенно свидетельствует такой факт: в планово-экономическом управлении Роспромсовета в 1960 г. были составлены расчетные таблицы проектировок по валовой продукции на период 1960–1980 гг. [22].

Последнее заседание челябинского ОПС состоялось 1 октября 1960 г. На нем кооперативные предприятия со всеми активами и пассивами, текущими и дополнительными заданиями по производству, капвложениям, труду, себестоимости, материально-техническому снабжению, обязательствами по поставкам, финпланами и сметами перешли под эгиду совнархоза и областных управлений местной промышленности и бытового обслуживания ОИК. Облпромтехснаб с принадлежащими ему складами и материальными ценностями присоединили к главснабблизполкома. Члены товариществ получили на руки паевые взносы и полагающуюся им часть прибыли [34]. На этом завершилась история промышленной кооперации в Челябинской области и в Советском Союзе.

Истинные причины ликвидации промышленных кооперативов станут понятны, если учесть, что концентрация на бытовом

обслуживании — специфической отрасли народного хозяйства, рыночный характер которой невозможно было директивно «отменить», открыла перед промкооперацией новые горизонты развития. Только за два с половиной года, с апреля 1956 г. по октябрь 1958 г., объем предоставляемых кооперативами услуг вырос в денежном выражении с 8566 тыс. руб. до 14480 тыс. руб., или в 1,7 раза! И эта тенденция в дальнейшем лишь усиливалась. По данным областного финансового отдела в течение III квартала 1960 г. прибыль южноуральских артелей от хозяйственной деятельности, связанной с услугами населению, увеличилась с 13648 тыс. руб. до 20950 тыс. руб., то есть более чем на 1/2. При экстраполяции цифра должна была составить 216% в годовом исчислении! Системный характер отмеченной позитивной динамики подтверждали промышленные товарищества Магнитогорска (136%) и Златоуста (168%) [35]. Без преувеличения можно сказать, что ни одна отрасль не достигала подобной рентабельности накануне своего упразднения. Вероятно, в этом и заключается разгадка ее поспешной национализации. В пользу данного аргумента говорит и то, что именно в 1957 — начале 1960-х гг. начался очередной этап усиленного финансирования оборонно-промышленного комплекса, и государство очень нуждалось в дополнительных финансовых ресурсах [16].

Таким образом, политическая необходимость существенно поднять жизненный уровень народа при сохранении высокого градуса мобилизационного накала в экономике побудила власти активизировать работу промышленности местного подчинения, и, в частности, промышленной кооперации, что и предопределило не долгий «ренессанс» кооперативной промышленности. Однако впечатляющие успехи кооперативного сектора породили глухое недовольство и раздражение партноменклатуры. В его укреплении она увидела вызов своему безраздельному господству. Поэтому с учетом реалий того времени судьба негосударственного уклада была предрешена. Началась его поэтапная национализация.

Удивительно, но в условиях тотальной монополии коммунистической партии на власть и непререкаемого авторитета фигуры, занимающей пост ее Генерального секретаря, процесс растянулся на долгие четыре года. Это лишний раз подтверждает эффективность многоукладной и разноформатной экономики даже при догоняющей модернизации в индустриальной стадии роста. Победа тех, кто ратовал за доктринальную чистоту, оказалась пирровой.

Впоследствии она спровоцировала затяжной социально-экономический кризис потребления, который явился одной из причин крушения второй сверхдержавы мира — СССР.

Тогда, во второй половине 1950-х гг., для того чтобы обогатить политэкономия социализма концепцией «смешанной экономики», требовались недюжинные смелость и ум. Несмотря на достаточное количество эмпирических фактов, свидетельствующих о полезности и эффективности малых негосударственных предприятий, людей, интеллектуально способных к теоретическим новациям и не боящихся рисковать карьерой ради их продвижения, среди высокопоставленных функционеров «хрущевского» периода, увы, не нашлось.

После окончательного огосударствления производственных кооперативов в 1960 г. страна обрела стерильную, в смысле соответствия идеологическим стереотипам, народно-хозяйственную структуру. В итоге коллективное предпринимательство, всячески третируемое режимом, но ранее институционально терпимое, оказалось под запретом. Общественные представления о его положительных, а равно отрицательных сторонах, были утрачены. Именно это обстоятельство закрыло возможность построения в России «народного» капитализма в ходе реформ 1990-х гг. и сделало возможным «грабительскую» приватизацию, которая привела страну к всемогуществу олигархических кланов.

1. Заседания Верховного Совета СССР: стенографический отчет. М., 1957. С. 28–31.
2. Иванченко А.В. «Экономика дефицита»: основные причины дисбаланса спроса и предложения на потребительском рынке СССР [Текст] / А.В. Иванченко // Урал индустриальный: Бакунинские чтения / Материалы X юбилейной Всероссийской научн. конф. в Екатеринбурге 27–28 сентября 2011 г. Т. 2. Екатеринбург, 2011. С. 295.
3. История социалистической экономики СССР. Т. 6. М., 1980. С. 489.
4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.9. 1956–1960. М. : Политиздат, 1986. С.353.
5. Микоян А.И. Так было. Размышления о минувшем. М. : Вагриус, 1999. 632 с. // Военная литература (мемуары) / URL: <http://militera.lib.ru/memo/russian/mikoyan/05.html>. (дата обращения: 13.11.2011).
6. Назаров П.Г. История российской промысловой кооперации. 1799–1960. Челябинск, 1995. С.99.
7. Назаров П.Г. Промысловая кооперация РСФСР и экономическая политика Советского государства. 1950–1960 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М. : МГУ, 1991.
8. Плановое хозяйство. 1951. № 4. С. 53.
9. Промысловая кооперация. 1955. № 6. С. 6.
10. Промысловая кооперация. 1960. № 9. С. 1.
11. Промысловая кооперация. 1957. № 2. С. 9.
12. Промысловая кооперация: сборник руководящих материалов. М. : КОИЗ, 1958. С. 8–13.
13. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4. 1953-1961. М. : Политиздат, 1968. С. 297–302.
14. Собрание постановлений правительства СССР. 1959. № 5. Ст. 30.
15. Социалистическая кооперация: история и современность. М. : Наука, 1989. С. 188.
16. Ханин Г. Десятилетие триумфа советской экономики // Свободная мысль – XXI. – 2002. – №5. – С. 87.
17. Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. Т. 5. 1954–1956. М. : Госюриздат, 1959. С. 458–459.
18. Яковлев П.И. Промысловая кооперация СССР. М. : КОИЗ, 1957. С. 22.
19. ГАРФ. Ф.259. Оп. 42. Д.3368. Л. 27, 28, 93–98.
20. ГАРФ. Ф.259. Оп. 42. Д.3368. Л. 36, 37, 39.
21. ГАРФ. Ф.259. Оп. 42. Д.3368. Л. 8,9.
22. ГАРФ. Ф.396. Оп. 1. Д.2454. Л. 2–80.
23. ГАРФ. Ф.259. Оп. 42. Д.3368. Л. 30.
24. ГАРФ. Ф.259. Оп. 42. Д.3363. Л. 15–17.
25. РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 31. Л. 77.
26. РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 21. Д. 96. Л. 46–51.
27. РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 21. Д. 266. Л. 113, 114.
28. ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 200. Л. 14, 20, 22, 24, 25; Д. 222. Л. 129, 130, 134, 135, 147.
29. ОГАЧО. Ф. 274. Оп. 3. Д. 141. Л. 8, 108, 109.
30. ОГАЧО. Ф. 274. Оп. 3. Д. 141. Л. 177–181, 203.
31. ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 181. Л. 1.
32. ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 180. Л. 319–343.
33. ОГАЧО. Ф. 274. Оп. 3. Д. 141. Л. 94.
34. ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 251. Л. 10, 11.
35. ОГАЧО. Ф. 1029. Оп. 15. Д. 1769. Л. 81.
36. ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 219. Л. 228.
37. ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 219. Л. 228; Д. 262. Л. 48–50; Д. 238. Л. 8.

ЗАМЕТКИ О ПОСТСЕКУЛЯРНОЙ КУЛЬТУРЕ

УДК 008: [322 + 342.7]

К.В. ПАШКОВ

Наверное, не только у меня, украинского культуролога, изучающего специфику современной системы взаимоотношений между религией и культурой, возникло в последние месяцы ощущение того, что градус страстей, кипящих в интеллектуально-эмоциональном котле этих «взаимоотношений» в рамках постсоветского культурного пространства вырос до каких-то одновременно эпических и курьезных масштабов, напоминающих разве что хрестоматийные примеры из истории византийской культуры времен первых Вселенских соборов. Судите сами: сегодня стоит только включить телевизор или даже внимательно прислушаться к разговору в транспорте и магазине, как с удивлением обнаруживаешь, что все имеют и активно выражают свое очень различное мнение относительно церкви и ее роли в жизни общества, все с готовностью обсуждают неоднозначный, но имевший огромный медийный резонанс поступок «Pussy Riot» и суд над молодыми женщинами, высказывают свои соображения относительно соответствия христианским принципам реакции со стороны РПЦ и церковных людей на оскорбление и критику церкви. При этом, даже с учетом культурно-исторической дистанции между эпохой экспансии христианства и современностью, ситуация подлинной «общественной одержимости» вопросами религиозно-культурных отношений выглядит сродни той, которую применительно к Константинополю IV века иронично описал св. Григорий Нисский: «Одни, вчера или позавчера оторвавшись от черной работы, вдруг стали профессорами богословия. Другие, кажется, прислуги, не раз битые, сбежавшие от рабьей службы, с важностью философствуют о непостижимом. Всё полно этого рода людьми: улицы, рынки, площади, перекрестки» [14, с. 158].

В истории Вселенских соборов, из которой взята вышеприведенная цитата, ее предваряет замечание об уникальности позднеантичной культурной ситуации и уверение в том, что «ничего такого не было и не могло возникнуть среди других православных национальностей последующей эпохи» [14, с. 158]. Однако сегодня мы стоим перед фактом: в России, пережившей в начале XX века крах православной культурной традиции, а в конце столетия – попытку ее реставрации, сложилась ситуация, типологически близкая к ранневизантийской. вновь о сути христианства спорят зачастую несогласные как с оппонентами, так и друг с другом его сторонники и противники, правда, уже не подданные недавно крещеной языческой империи, но верующие и неверующие граждане конституционного секулярного государства.

Оставим исторические аналогии и зададимся вопросом: насколько же на самом

деле уникальный характер имеет сложившаяся сегодня в России культурная ситуация с ее ожесточенным дискутированием различных аспектов «религиозного вопроса», и можно ли говорить о том, что она в чем-то коррелирует с ситуацией в евро-атлантической культуре, переживающей сегодня, по мнению многих современных религиоведов, значительный всплеск интереса к религии?

На языке отечественной культурологии ответить на данный вопрос не так просто, как это могло бы показаться на первый взгляд. Не в последнюю очередь по той причине, что в ее терминологическом аппарате отсутствует некий базовый термин, который зафиксировал бы горизонт именно культурологической проблематизации специфического состояния современной культуры, рассматриваемой в ракурсе ее взаимоотношений с религией.

В данной статье мы рискуем предложить, что таким базовым термином должно стать словосочетание «постсекулярная культура», легитимизированное в западных «культурных исследованиях», однако не вошедшее пока в общепризнанный лексикон российской культурологии.

Стоит сразу отметить, что определение «постсекулярная», приложимое нами к культуре, является производным от термина «постсекулярность» (post-secularity), который сейчас активно используется в научных публикациях по различным дисциплинам, присутствует в выступлениях философов, деятелей культуры, политиков, руководителей религиозных общин и в сообщениях СМИ. Не будет преувеличением утверждать, что введение в научный оборот и стремительное распространение термина «постсекулярность» в публичном пространстве является прямым следствием радикальных изменений во взаимном позиционировании религии и культуры в последние десятилетия. О характере этих изменений косвенно свидетельствует факт смены теоретических парадигм в религиоведении, произошедший в последние десятилетия. Так, в противовес ситуации середины прошлого века, когда большинство ученых-религиоведов исповедовали идеи секуляризма и были твердо уверены в том, что в результате успехов модернизации и секуляризации религия обречена на вымирание, в последние годы те же ученые, на основании эмпирических исследований и статистических данных, подвергли сомнению свои же прежние прогнозы о естественном вытеснении религии за пределы публичного пространства и на периферию культуры даже на территории Западной Европы (не говоря уже о США, постсоветском пространстве или мусульманских странах). Более того, как отмечает украинский религиовед В. Еленский, «собственное

существование в будущем религии как «феномена феноменов», который конституирует человеческий опыт, как интегрального ответа на экзистенциальные вопросы, неотделимые от человеческой культуры, мало у кого вызывает сомнения» [13, с. 14].

Констатируя, что термин «постсекулярность» в его наиболее общем словоупотреблении используется для того, чтобы указать на факт специфического религиозного «ренессанса» конца XX — начала XXI в., следует также отметить, что последний не ограничивается сугубо религиозной сферой, но манифестирует себя в различных плоскостях человеческой культуры. В контексте западной интеллектуальной традиции термин «постсекулярность» уже имеет историю своих контекстуализаций и интерпретаций, о которой тут необходимо кратко упомянуть.

Если быть последовательным, то стоит начать с фиксации факта исходной тесной смысловой и идейной связки терминов «постсекулярность» и «постмодернизм», поскольку именно последний послужил образцом для конструирования первого в 80-х годах XX столетия, когда в интеллектуальных кругах Запада возникла необходимость как-то обозначить сопутствующий эпохе постмодерна феномен возникновения и распространения в глобальном масштабе новых религиозных движений так называемого New Age. Если пафосом постмодернизма было провозглашение конца эпохи Модерна и критика всех ее идеологических установок, то пафосом религиозного подъема New Age был именно «постсекуляризм», то есть опровержение религиозным «словом и делом» положения о необратимости секуляризации, всегда бывшей одной из основ модели культуры, доминирующей на Западе, начиная с эпохи Просвещения.

Для дальнейшего развития постмодернистской интерпретации «постсекулярности» знаковым событием стала его контекстуализация в академических философско-богословских дискуссиях по поводу интеллектуального и культурногенеративного потенциала религии, который секулярная мысль последовательно отрицала, а исполненная «религиозной чувствительности» постмодернистская философия 90-х годов неожиданно реабилитировала. Манифестируя этот факт, в 1998 г. даже был издан сборник статей под названием «Постсекулярная философия: между философией и теологией» [12], где был провозглашен «религиозный поворот» в современной западной философии, предтечами и инициаторами которого были признаны Э. Левинас, Ж. Деррида, Ж.-Л. Марион и Дж. Милбанк. Заметим, что труды последнего считаются ныне одним из важнейших источников теологического направления в постсекулярной теории. Прежде всего, это касается работы Милбанка «Теология и социальная теория: по ту сторону секулярного разума» (1990) [6], в которой этот английский теолог поставил себе целью проследить «генезис основных форм

светского разума таким образом, чтобы раскопать производные моменты в конструкциях их логики» [6, с. 3]. В ряде «археологических» экскурсов в историю европейской религиозной и интеллектуальной традиций, Милбанк действительно указал на произвольность тех принципов, на которых базировалось определение понятия «религия» в эпоху Нового Времени. Он также отметил искусственность появившегося в то же время понятия «секулярного», которое стало основой для развития различных версий репрессивной, по отношению к христианской теологии, секулярной социальной теории. Подчеркнем, что важным с точки зрения культурологии является утверждение Милбанка о том, что с эпохи Нового Времени секулярная мысль сама начала функционировать в качестве новой теологии, в которой места Бога и религии были замещены человеком и культурой (в последние годы этот процесс был подробно изучен в работе «Секулярная эпоха» Ч. Тейлора [10], которая заслуживает того, чтобы посвятить ей отдельную статью).

Любопытным фактом интеллектуальной истории рубежа тысячелетий можно считать то, что представители академической социологии религии отреагировали на «религиозный поворот» в философии и рост религиозной активности во всем мире в 80–90-х годах XX века введением альтернативной по отношению к «постсекулярности» категории религиозоведческого анализа современных религиозных процессов — термина «десекуляризация». Фактически констатируя, что в мире идут не «постсекулярные», а «десекуляризонные» процессы, такие патриархи современной социологии религии, как П. Бергер, в конце 90-х годов признали, что теория секуляризации ошибочна, а современный мир является не менее, а даже более религиозным, т.е. десекуляризованным, чем это было в прошлом [1].

С началом нового тысячелетия не только интеллектуальный, но и политический, социальный и культурный контексты, в которых на Западе стал функционировать термин «постсекулярность», значительно разнообразились.

Так, под влиянием события теракта 11 сентября 2001 г. патриарх современной философии Юрген Хабермас предложил оригинальную социально-политическую интерпретацию сути феномена «постсекулярности». Известный ранее своей последовательностью в отстаивании секулярной позиции, Хабермас признал факт религиозного «ренессанса» не только в исламских, но также в «постхристианских» обществах, а затем призвал граждан демократических государств стать «постсекуляристами», то есть начать, на основе секулярных принципов рационализма и здравого смысла, публичный диалог между сторонниками секулярных и религиозных ценностей. По его мнению, в результате такого диалога в демократическом обществе должен постепенно возникнуть социальный консенсус

относительно спорных вопросов политической и культурной жизни. Высказав идею о необходимости развития в рамках западной цивилизации диалогического «постсекулярного общества», то есть общества, которое понимает важность заботы «о продлении существования религиозных общин в мире, который непрестанно секуляризуется» [20, с. 119], немецкий философ лично дал пример того, как надо вести постсекулярный диалог, вступив в 2004 г. в дискуссию по проблемам политических основ демократического правового государства с нынешним Папой Римским Бенедиктом XVI [21].

В последние годы «постсекулярность» получила свою прописку не только в трудах развивающих или критикующих концепцию «постсекулярного общества» Хабермаса, но также в феминистской теории, к примеру, в работах Розы Брайдогги, которая отследила изменения в отношении феминисток к религии за последние 20 лет и указала на то, что теория постфеминизма сегодня не делает ставку на категоричное противостояние с религией, признав плодотворным для себя постсекулярную стратегию критики репрессивной, по отношению к женской субъективности, секулярной идеологии [2].

Кроме феминистской теории, постсекулярность нашла себе достойное место также в трудах исследователей, которые акцентируют внимание на «духовном измерении и содержании современного искусства» [4], а также в урбанистических исследованиях, изучающих мировые мегаполисы как мультикультурное пространство, в пределах которого возникают новые альянсы между религиозными и духовными традициями, протекает их активное взаимодействие с секулярным сегментом культуры [9].

Отметим далее, что уже с начала 2000-х годов на Западе (преимущественно в США) появляются публикации, в которых анализируется так называемая «постсекулярная революция» в научных исследованиях, рассматриваемая как ответ на «секулярную революцию», имевшую место в науке в 30-х г. XX в. Характерным признаком научной «постсекулярной революции» является то, что в США «все больше ученых начинают видеть в «религиозном факторе» ключ к пониманию экономических, политических и социальных процессов» [3]. Кроме науки, усиление религиозной ангажированности испытывает и сфера высшего образования Америки, о чем свидетельствует выход в последние годы сборников статей, которые целенаправленно посвящены размышлениям педагогов над проблемой того, «как можно лучше подготовить студентов к будущему, в котором религия будет значительно влиять на мир и их индивидуальную жизнь» [11].

Знаком того, что «постсекулярность» стала универсальным концептом для описания состояния культуры начала XXI века, стало уже отмеченное нами появление термина «постсекулярная

культура», который, например, А. Портерфилд использовала в контексте критики прогрессирующего влияния религии на американское высшее образование [8], в то время как Дж. Макклор применил его для характеристики культурного контекста, обусловившего появление анти-секулярных мотивов духовного поиска в современной американской литературе [5]. Интересной и плодотворной с точки зрения постсекулярных исследований культуры советского периода представляется также опыт чешской исследовательницы И. Нобел, рассмотревшей некоторые художественные феномены культуры Центральной и Восточной Европы 70–80-х годов (в том числе творчество советского актера и барда В. Высоцкого) как подготовившие приход современной постсекулярной культуры [7].

Завершив наш краткий обзор западной «постсекулярной» мысли, отметим, что на постсоветском культурном пространстве о «постсекулярности» заговорили относительно недавно – начиная с середины «нулевых» годов, когда в периодике появились посвященные обзору и критике западных теорий статьи российских религиоведов А. Кырлежева [16], А. Морозова [18] и Д. Узланера [19], а также переводы основных «постсекулярных» текстов Ю. Хабермаса. В последние годы российские исследователи интенсивно изучали различные варианты западной секулярной и постсекулярной теорий, занимались переводом работ теоретиков «постсекулярности» и даже имели острые публичные споры друг с другом относительно интерпретации феномена «постсекулярной» религиозности, в которой одни видели свидетельство завершения секулярной эпохи, другие – камуфляж неких современных идеологий [15], а третьи – угрозу неоязыческой революции в ближайшем будущем [17]. Специфика рецепции постсекулярных идей российскими авторами достаточно полно была проанализирована в статье А. Шишкова [22].

Возвращаясь к теме «постсекулярной культуры», мы можем сделать следующие выводы относительно ее западной модели: «постсекулярная культура» на Западе – это форма современной культуры, в рамках которой религия в ее различных вариациях после долгого периода пребывания на культурной периферии вновь легитимно (с различной степенью интенсивности в США и Европе) возвращается в эпицентр культурной жизни. Хотя общество в рамках данной культуры поляризовано на сторонников религиозных и светских ценностей, во всех отмеченных областях приветствуется уважительный диалог между ними по принципиальным вопросам и в то же время исключается возможность радикального религиозного реванша, ставящего под угрозу секулярные институты и основные демократические принципы и права человека.

Российская модель «постсекулярной культуры» может быть описана как имеющая

отдельные черты сходства и принципиальные черты различия в сравнении с западной моделью. В российском обществе, как и в западном обществе, существует поляризация граждан на сторонников секулярных и религиозных ценностей, и так же, как в западной культуре, в российской культуре может быть отмечен факт значительного влияния религии на публичную сферу, политику, искусство, образование и науку. При этом принципиальной особенностью «постсекулярной культуры» в России можно признать обусловленное особенностями ее культурно-исторического прошлого отсутствие традиций публичного и толерантного диалога между верующими и секулярными гражданами, что в условиях слабости демократических институтов привело в последние месяцы к открытому

конфликту между сторонниками и противниками тесных партнерских отношений государства и РПЦ. Скандальный молебен в Храме Христа Спасителя, последовавший затем суд, в результате которого обвиняемые были подвергнуты не административному, а уголовному наказанию за «оскорбление чувств верующих», а также бурная общественная реакция на эти два события — все это свидетельства того, что «постсекулярная культура» в России переживает сегодня пик своего развития, за которым, видимо, следует ожидать ее трансформаций либо в сторону более сбалансированной западной модели, либо в некую форму квази-теократии, пришествие которой все же кажется менее реальным и предпочтительным для многонационального и поликонфессионального государства.

- Berger P. The desecularization of the world: a global overview / P. Berger // The desecularization of the world: resurgent religion and world politics (Ed. P.L. Berger). – Washington, D.C. : Grand rapids, 1999. – P. 1–18.
- Braidotti R. In spite of the times: the postsecular turn in feminism / Braidotti R. // Theory, culture & society. – 2008. – № 25. – P. 1–24.
- Clayton M. Scholars get religion / M. Clayton // The Christian Science Monitor. – 2002. – February 26.
- King M. Art and the postsecular/ M. King. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jnani.org/mrking/writings/post2000/ArtPostsecularFull.htm>.
- McClure J. Partial Faiths: Postsecular Fiction in the Age of Pynchon and Morrison / J. McClure. – Athens : University of Georgia Press, 2007. 209 p.
- Milbank J. Theology and social theory : beyond secular reason / John Milbank. 2-nd ed. Oxford : Blackwell Publishing Ltd, 2006. 448 p.
- Noble I. Theological interpretation of culture in post-communist context: central and east european search for roots. – Ashgate : Ashgate Publishing Limited, 2010. 224 p.
- Porterfield A. Religious pluralism, the study of religion and «postsecular» culture / A. Porterfield // The American university in a postsecular age / Ed. by Douglas Jacobsen and Rhonda Hustedt Jacobsen. Oxford : Oxford University Press, 2008. P. 186–201.
- Postsecular Cities: Space, Theory and Practice / Ed. by Beaumont, J. and C. Baker. London : Continuum, 2011. 276 p.
- Taylor. Ch. A secular age / Ch. Taylor. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 2007. 874 p.
- The American university in a postsecular age / Ed. by Douglas Jacobsen and Rhonda Hustedt Jacobsen. Oxford : Oxford University Press, 2008. – 280 p.
- Post-secular philosophy: Between philosophy and theology / ed. By Ph. Blond. – L. & N. Y. : Routledge, 2001. 376 p.
- Еленський В. Хто і кому молитиметься у XXI столітті від Різдва Христового / В. Еленський // Критика. – 2009. – № 1–2. – С. 14–19.
- Карташев А.В. Вселенские соборы / А.В. Карташев. – Клин: Христианская жизнь, 2002. – 671 с.
- Костылев П. Танго для узурпатора / П. Костылев. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russ.ru/layout/set/print/pole/Tango-dlya-uzurpatora>. – Название с экрана.
- Кырлежев А. Постсекулярная эпоха: заметки о религиозно-культурной ситуации / А. Кырлежев // Континент. – 2004. – № 2 (120). – С. 252–264.
- Малер А. Постсекулярность и язычество / А. Малер [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russ.ru/pole/Postsekulyarnost-ili-yazychestvo>. – Название с экрана.
- Морозов А. Наступила ли постсекулярная эпоха? / А. Морозов // Континент. – №131. 2004. [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2007/131/mo9.html>. – Название с экрана.
- Узланер Д. В каком смысле современный мир может быть назван постсекулярным / Д. Узланер // Континент. – 2008. – № 136. – С. 339–355.
- Хабермас Ю. Вера и знание / Ю. Хабермас // Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. – М. : Весь мир, 2002. – С. 117–131.
- Хабермас Ю., Ратцингер Й. (Бенедикт XVI). Диалектика секуляризации. О разуме и религии / Ю. Хабермас. – М. : ББИ св. апостола Андрея, 2006. – 112 с.
- Шишков А. Осмысление понятия «постсекулярное» в русскоязычной периодике за последнее десятилетие / А. Шишков. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/733826.html>. – Название с экрана.

ПОВЕДЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА: ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ЭТЮД

УДК 159.923

П.Б. УВАРОВ

Статья М. В. Чекмарёва и А. С. Чупрова «Векордизм, или мироощущение как способ защиты» («Социум и власть», 2011, № 4) поднимает ряд сложных философских и культурологических проблем. Не вступая в прямую полемику с авторами, изложим наш взгляд на обозначенную социокультурную ситуацию исходя из анализа специфики поведения человека в современной культуре.

Поведение – это прежде всего мировидение, овеществленное в действии, т.е. приобретшее пространственно-динамическое измерение. В данном агрегатном состоянии оно наполняет реальность «единицами действия» (в среднем около 20 000 на человека в день [3, с. 120], которые форматируют ее принципиальные параметры, легитимизируя их в режиме непрерывного социального референдума, то есть, по существу, само пространство «исторического».

Исходя из коммуникативной теории исторического процесса [12; 13], для современных обществ характерен тип поведения, который может быть назван *ситуативным*. Данный тип поведения основывается на обслуживании интересов конкретной, самоутверждающейся личности, при этом главным критерием оказывается его результативность, достигательность. В условиях мировоззренческой неопределенности личностно эффективное поведение логически строится на постоянном учете реальной конъюнктуры пространства действия, на поведенческой мимикрии, а также на предельной эмансипации от априорных норм, ценностей, табу, снижающих операционную пластичность и социальную валентность.

Генетическим основанием формирования ситуативного типа поведения (далее – СТП) оказывается постепенная деформация религиозноцентристского «образа истинности», с его теоцентризмом, служением Абсолюту в форме богоприближения как смыслу существования и императивным типом поведения. Новый, безрелигиозный «образ истинности» базировался на антропоцентризме как эгоцентризме, служению себе в форме автономизации собственной

личности, что в приложении к реальности генерирует новый *тип поведения* со следующими присущими ему особенностями:

1. Индивидуализм. Индивидуалистический характер поведения связан с кризисом историко-культурной ориентации человека/общества из-за утраты внешней, надличностной точки отсчета и вытекающей из нее системы координат ввиду отказа от религиозноцентризма как определенностного коммуникативного формата. Пришедший ему на смену безрелигиозный (неопределенностный) коммуникативный формат связан с представлением о принципиальной невозможности общей системы координат. Один из классиков либеральной мысли Ф. А. фон Хайек сформулировал это следующим образом: «Мы не исходим из того, что человек по природе эгоистичен и себялюбив или должен стать таковым, что нам часто приписывают. Наше суждение отталкивается от того, что способности человеческого воображения, бесспорно, ограничены, что поэтому любая частная шкала ценностей является малой частицей во множестве всех потребностей общества и что, поскольку, грубо говоря, сама по себе шкала ценностей может существовать только в индивидуальном сознании, постольку она является ограниченной и неполной. <...> Индивидам следует позволить в определенных пределах следовать скорее своим собственным склонностям и предпочтениям, нежели чьим-то еще, и что в этих пределах склонности индивида должны иметь определяющий вес и не подлежать чьему-либо суду. Именно это признание индивида верховным судьей его собственных намерений и убеждений, признание, что постольку, поскольку это возможно, деятельность индивида должна определяться его склонностями и составляет существо индивидуалистической позиции» [14, с. 50–51].

Исходя из логики данного рассуждения, современный человек просто обречён оставаться «верховным судьей своих собственных намерений и убеждений», находясь в заточении в одиночной камере собственной личности.

2. Конфликтность. Конфронтационный, агональный характер СТП базируется

на достаточно очевидном умозаключении, приобретающем признаки историко-социального закона — индивидуалистическая активность вне абсолютной системы координат контррадикативна.

Вытекающий из приведенного утверждения принцип «*bellum omnia contra omnes*» задает новый вынужденный коммуникативный стиль, подмеченный еще Т. Гоббсом и объективно противостоящий солидаризму религиозноцентристского общества: «И хотя полезные блага повседневной жизни могут возрасти благодаря людской взаимопомощи, но поскольку этих благ достигнуть легче, господствуя над другими, а не в союзе с ними, то ни у кого не должно оставаться сомнений, что люди по природе своей, если исключить страх, жаждут скорее господства, чем сообщества. Следовательно, необходимо признать, что все крупные и прочные людские сообщества берут свое начало не во взаимной доброжелательности, а во взаимном страхе людей. Причина взаимного страха заключается как в природном равенстве людей, так и во взаимном желании причинить вред друг другу. <...> равны те, кто располагает равными возможностями друг против друга» [4, с. 286–287].

Неизбежность конфликта действующих вне общей системы координат эгоцентриков идеология и идеологизированная наука, начиная с XIX века, стремилась опровергнуть с помощью концепции «невидимой руки». Современный французский философ и политолог К. Руссо с иронией пишет на эту тему следующее: «Она — символ внезапной встречи (которая всех бы устроила, если б была возможной) эгоизмов, которые, не отрекаясь от самих себя, автоматически производят «общее благо» <...> Каждый делает то, что ему нравится, что ему придет в голову. Никто больше не стесняется! И в результате вовсе не наступает хаос — как тешат свое воображение мрачно настроенные люди — напротив, тут же получается милая гармония всего целого! Кто не почувствует сообщничества этого мифа с нашими тайными инстинктами?» [9, с. 32]. Но даже оппортунистический потенциал концепции «невидимой руки» не может отменить закона производства социальной конфликтности.

3. Редукция. Упрощение, сведение сложного к простому как поведенческая особенность логически вытекает из процессов примитивизации мировидения до одного

из возможных предельных допущений о реальности, доступных человеку/обществу — безрелигиозного. Эксклюзивизм безрелигиозного коммуникативного формата неизбежно воспроизводит редукционистское отношение к действительности. Данная ситуация была усугублена соответствующими ей процессами социально-психологической адаптации, которые можно назвать «травестийными». Обвальная объективная де-традиционализация новоевропейского общества сопровождалась последовательной сменой отношения к тому, чего уже нельзя было изменить. Атомизация социума, согласно травестийной стилистике, превращается в открытие «личности», «личностного начала». Разрушение культурных регуляторов поведения превращается в провозглашение культов Права, а монетизация человеческого существования — в новый знак богоизбранности в протестантизме (в приложении к новоевропейской модернизации и используя современные ресурсы выразительности русского языка, такого рода травестия должна переводиться как «переобувание»). Скрытая за «травестийными» симулякрами поведенческая стилистика все более настраивается материально-физиологическими мотивациями, актуализирующими тип личности «мимикранта».

4. Имморализм. Поведенческая мимикрия, направленная, прежде всего, на сенсорную, материально-физиологическую реальность, неизбежно сегрегирует мораль как регулятора человеческой активности. Кроме того, необходимо иметь в виду, что ситуативность новоевропейского человека была интенсифицирована аннигиляцией универсального смысла существования, распавшегося на множество локальных частных «смыслов» и спровоцировавшего выброс огромной кинетической энергии, соответствовавшей энергии панических персональных спасений в условиях тотальной неопределенности Бытия. Иллюстрацией катастрофических переживаний бессмысленности существования человека Модерна являются слова историка науки из Корнеллского университета У. Провайн: «Для человеческого общества не существует ни нравственных или этических законов, ни абсолютных принципов. Мы безразличны для Вселенной, и у нас нет конечного смысла в жизни» [1, р. 10]. Именно отсутствие универсального смысла, поддерживающего «этические законы» и «абсолютные

принципы», заставляет отказываться от них как от балласта, осложняющего оперативную мобильность «личности». С этой точки зрения эпохальность и величие макиавеллиевского «Государя» заключались в том, что он оказался блестящей по форме и содержанию экстраполяцией поведенческого компонента новоевропейского «образа истинности» в пространство реальной повседневной человеческой активности. «Государь» представляет собой универсальное руководство по ситуативному поведению для человека нового времени, т.к. при деформации традиционного «образа истинности» основные параметры поведения полностью совпадают у герцога и простолюдина, за исключением только масштаба возможностей. Макиавелли, в принципе, поведенчески «освобождает» и того, и другого. Ситуативность поведения провозглашается им в качестве залога его эффективности, именно она оказывается истинной ценностью, согласующейся с «настоящей правдой вещей»: «...Князю, желающему удержаться, необходимо научиться умению быть недоброжелательным и пользоваться или не пользоваться этим, смотря по необходимости... Ведь если вникнуть как следует во все, то найдется нечто, что кажется добродетелью, но верность ей была бы гибелью князя; найдется другое, что кажется пороком, но, следуя ему, князь обеспечивает себе безопасность и благополучие... Кто искуснее других умел действовать по-лисьему, тому и приходилось лучше. Однако необходимо уметь хорошо скрыть в себе это лисье существо и быть великим притворщиком и лицемером: ведь люди так просты и так подчиняются необходимости данной минуты, что, кто обманывает, всегда найдет такого, который даст себя обойти» [7, с. 79, 84]. Известный мыслитель и финансист Дж. Сорос откровенно указывает, насколько имморализм становится неотъемлемой чертой СТП: «Поведение, направленное на максимизацию прибыли, диктуется соображениями выгоды и пренебрегает требованиями морали. Финансовые рынки не являются ни моральными, ни аморальными; соображения морали им просто чужды. В отличие от этого, невозможно принимать правильные коллективные решения, если отсутствует четкое понимание различия между добром и злом. Мы не знаем, что считать правильным. Если бы нам это было известно, мы бы не нуждались в демократическом правительстве <...>. На высококонкурентном рынке, где ежеминутно

совершается бесконечное число сделок, забота об интересах других людей может обернуться помехой» [10, с. 227–228]. Озабоченность складывающейся ситуацией выражает и другой популярный мыслитель и финансовый практик Н. Талеб: «Видимо, самая большая сложность в моих отношениях с современной цивилизацией — увеличивающийся в ней разрыв между нравственным и законным. Бывший министр финансов США Роберт Рубин, финалист и, возможно, самый крупный вор в истории человечества, не нарушал никаких законов. В сложной системе разница между законным и нравственным постепенно растет... А потом взрывает систему» [11, с. 192]. Еще раньше американцев Сороса и Талеба ситуативный тип поведения как залог успешности отмечал отечественный писатель-эмигрант С. Довлатов, говоря об энергичных деловых людях с «высоким коэффициентом моральной неразборчивости» [5].

Если говорить о перспективах цивилизации, для которой характерен СТП, то, оставляя на потом мрачные предчувствия Н. Н. Талеба, нельзя не прислушаться к еще одному суждению Дж. Сороса: «...на рынке, основанном на сделках, в отличие от рынка, основанного на отношениях, мораль может стать обузой. В условиях высококонкурентной среды люди, озабоченные проблемами отношений с другими людьми, преуспевают меньше тех, кто не отягощен моральными соображениями. Таким образом социальные ценности претерпевают то, что можно было бы назвать процессом нежелательного естественного отбора. Беспринципные люди оказываются в выигрыше. Таков один из наиболее тревожных аспектов мировой капиталистической системы» [10, с. 217–218].

Сходные наблюдения делает и известный социолог З. Бауман в своей работе «Текущая современность»: «...правят те люди, которые умеют сохранять свои действия не связанными обязательствами, свободными от норм и поэтому непредсказуемыми при нормативном регулировании <...> действий их главных протагонистов. Люди, чьи руки развязаны, правят людьми со связанными руками; свобода первых — главная причина несвободы вторых, тогда как несвобода вторых — основной смысл свободы первых» [2, с. 130].

Более того, еще в начале XVIII в. Б. Мандевиль твердо высказывался о тех качествах человека, которые делают его социально

успешным: «...то, что делает человека общественным животным, заключается не в его общительности, не в добродушии, сострадательности, приветливости, не в других приятных и привлекательных свойствах; самыми необходимыми качествами, делающими человека приспособленным к жизни в самых больших и, по мнению всего света, самых счастливых, самых процветающих обществах, являются его низменные и наиболее отвратительные свойства» [8, с. 5].

Таким образом, с высокой степенью вероятности, можно предположить, что ситуативный тип поведения в режиме «нежелательного естественного отбора» будет наделять признаками успешности, избранности и элитарности максимально имморальных действующих лиц. Именно такие акторы в режиме агона, конкуренции, действительно обладают весомыми оперативными преимуществами. Мораль по своей природе есть ограничение, запрет, табу определенных «единиц действия». Имморальный актор, при необходимости пользующийся дивидендами морального поступка, легко дополняет их в конкурентной ситуации возможностями аморальных действий. Безусловно, что по закону больших чисел в конкурентной борьбе большого количества людей победа гораздо чаще будет оказываться на стороне тех, кто обладает в каждый момент большим репертуаром

возможностей (в немалой степени потому, что может пренебречь моралью).

Прогрессирующий имморализм в свою очередь все больше будет замыкать действующую личность на себя, ужесточая режим ее самоизоляции. Здесь уместно вспомнить слова Э. Чорана: «На какие только жертвы я бы ни пошел, чтобы только освободиться от этого жалкого «я», которое в это самое мгновение занимает во вселенной такое место, о котором ни один бог не смел и мечтать!» [15, с. 123]. Но еще в большей степени продуктивно для рассматриваемой темы размышление известного английского историка Р. Дж. Коллингвуда о ситуативном типе поведения: «...для человека, планирующего совершить какой-нибудь поступок, самое важное — продумать ситуацию, в которой он находится. По отношению к этой ситуации он отнюдь не свободен. <...> Для человека, собирающегося действовать, ситуация оказывается господином, оракулом, богом. <...> А если он не посчитается с нею, то ситуация посчитается с ним. Она не из тех богов, которые оставляют оскорбление безнаказанным» [6, с. 302–303]. Ирония истории заключается в том, что путь безрелигиозной цивилизации к освобождению человеческой личности привел ее к принципиальной несвободе, напоминающей по своему стилистическому исполнению изощренно пародийные наказания грешников в Аиде.

1. Provine W.B. Scientists, Face it!: Science and Religion are Incompatible // The Scientist. – 1988. – September 5.
2. Бауман Э. Текущая современность [Текст] / Э. Бауман. СПб., 2008.
3. Бурдые П. Практический смысл. М.; СПб., 2001.
4. Гоббс Т. О гражданине // Гоббс Т. Сочинения в 2 т. Т. 1. М., 1989.
5. Довлатов С. Письма Сергея Довлатова Тамаре Зибуновой из США [Электронный ресурс] / С. Довлатов. URL: http://www.sdelanounih.ru/dovlatov_from_us/ (дата обращения: 20.08.2012).
6. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории // Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980.
7. Макиавелли Н. Государь // Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М., 1997.
8. Мандевилль Б. Басня о пчелах, или Пороки частных лиц – блага для общества. М., 2000.
9. Руссо К. Монархия и гражданственность / Regnum aeternum. М., 1996.
10. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М., 1999.
11. Талей Н.Н. Прокрустово ложе. Философские и житейские афоризмы [Текст] // Талей Н.Н. О секретах устойчивости; Прокрустово ложе. М., 2012.
12. Уваров П.Б. Коммуникативный формат как матрица исторического процесса [Текст] / П.Б. Уваров // Традиционные общества: неизвестное прошлое. Челябинск, 2008.
13. Уваров П.Б. «Дедуктивная археология» как принцип исторического познания: сущность и когнитивные возможности реконструкции прошлого [Текст] / П.Б. Уваров // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2010. – № 3.
14. Хайек Ф.А. фон. Дорога к рабству. М., 1992.
15. Чоран Э.М. Признания и проклятия: Философская эссеистика [Текст] / Э.М. Чоран. СПб., 2004.

Павлов Б.С. Человеческий потенциал региона: проблемы воспроизводства, сбережения и использования. В статье раскрывается роль и содержание процесса воспроизводства и цивилизованного использования человеческого потенциала в рамках и средствами региона. Показана трансформация целей, мотивов и идеологии социального партнёрства региональных властных структур, бизнеса и семьи, как социального института в реализации активной демографической политики. На основе данных ряда конкретных социологических исследований, реализованных автором в 1999–2012 гг. на Среднем и Южном Урале, анализируются социально-экономические потребности, ценностные ориентации и мотивы демографического поведения семей. Раскрываются противоречия и потенциальные возможности государства и бизнеса в улучшении количественных и качественных показателей «производства непосредственной жизни» в регионе.

Ключевые понятия: воспроизводство человека, государство, демографическое поведение семьи, социальная политика, регион, человеческий потенциал.

Меняева М.П. Роль согласия в контексте конвергенции. Целью настоящей статьи является осмысление роли согласия в контексте процесса конвергенции. В статье выясняются значения термина «согласие», а также раскрывается содержание понятия «конвергенция». Кроме того, рассматривается концепция конвергенции П. А. Сорокина и приводятся свидетельства, подтверждающие справедливость его прогноза о конвергенции России и США.

Ключевые понятия: согласие, конвергенция, диалог, сотрудничество.

Шиняева О.В., Гоношилина И.Г. Социально-политические установки российской студенческой молодежи. В статье рассматриваются вопросы изменения стратегий поведения современной студенческой молодежи в социально-политической сфере. Проанализированы установки студентов высших учебных заведений относительно участия в выборах, отношения к политическим партиям, актуальных проблем российского общества и необходимости национальной идеи. Авторы сформулировали отличия протестного движения в России от европейских движений, выделили условия повышения социальной активности студенческой молодежи.

Ключевые понятия: студенческая молодежь, социально-политические установки и активность.

Руденкин Д.В. Концепт политической культуры: основания социологического подхода. В статье рассматриваются основные аспекты анализа политической культуры в социологии. Автор рассматривает основные сложности, возникающие при социологическом анализе темы политической культуры, и предлагает собственное толкование этой категории.

B.S. Pavlov. Human potential of the region: the problem of reproduction, conservation and use. The article discloses the role and the content of the reproduction and civilized use of human potential in the framework and by means of the region. It observes transformation of aims, motives and ideology of social partnership of regional authority, business and family, as social institutes in realization of active demographic policy. On the basis of some case studies, realized by the author in 1999–2012 in the Central and Southern Ural social-economic needs, value orientation and motivation of demographic behavior of families is analyzed. Contradictions and potential opportunities of the state and business in improvement of quality and quantity rates of “immediate life production” in the region are revealed.

Key concepts: human reproduction, the state, demographic behavior of the family, social policy, region, human potential.

M.P. Menyayeva. The role of consent in the context of convergence. The purpose of this article is to comprehend the role of consent in the context of convergence. The article clarifies the meaning of «consent», and describes the content of the concept of «convergence.» In addition, we consider the concept of convergence of P.A. Sorokin and providing evidence to support the validity of his prediction of convergence of Russia and the United States.

Key concepts: consent, convergence, dialog, cooperation.

O.V. Shinyayeva, I.G. Gonoshilina. Social and political attitudes of Russian students. The article examines the changes in behavior strategies of today's college students in the social and political sphere. The attitudes of university students to participation in elections, to political parties, urgent problems of the Russian society and to the need for a national idea are analyzed. The authors have formulated the differences of the protest movement in Russia from the European movements, identified the conditions for the increase of social activity of students.

Key concepts: students, social and political attitudes and activity.

D.V. Rudenkin. The concept of political culture: the basis of sociological approach. The article discusses the main aspects of the analysis of political culture in sociology. The author considers the main challenges that arise during a sociological analysis of the topic of political culture, and offers his own interpretation of this category.

Ключевые понятия: политическая культура, политическая социология, социологический подход.

Key concepts: political culture, political sociology, sociological approach.

Хвесьюк Н.Г. Социологический подход к оценке приватизации. В статье изложены основные результаты авторских социологических исследований эволюции оценок итогов приватизации общественным сознанием России. Представлена динамика изменения отношения россиян к приватизации и ее итогам. Автор дает развернутый социологический анализ отношения различных социальных и демографических групп населения четырех регионов Российской Федерации.

Ключевые понятия: приватизация, общественное мнение, социологическая парадигма, субъекты собственности и власти, социальные группы.

N.G. Khvesyuk. Sociological approach to the assessment of privatization. The article presents the main results of copyright case studies of evolution in the estimates of privatization of public conscience in Russia. The dynamics of change in the attitude of Russians to privatization and its results is presented. The author gives a detailed sociological analysis of the attitude of various social and demographic groups in four regions of the Russian Federation.

Key concepts: privatization, public opinion, sociological paradigm, subjects of property and authority, social groups.

ВЛАСТЬ

POWER

Борисенков А.А. О понятии политической культуры. В статье раскрывается сущность политической культуры, анализируются подходы к её толкованию, сложившиеся в современной политической науке. Обосновывается положение о том, что политическая культура является разновидностью общественной, объективно существующей культуры. Выясняются основные виды политической культуры, благодаря которым сформулирован закон её существования.

Ключевые понятия: политика, политическая культура, технология формирования политики, авторитарная политическая культура, демократическая политическая культура.

A.A. Borisenkov. On the concept of political culture. The article reveals the essence of political culture, examines approaches to its interpretation, the current state of political science. It substantiates the position that political culture is a kind of public, objectively existing culture, investigates the basic types of political culture, thanks to which the law of its existence is formulated.

Key concepts: politics, political culture, technology of policy-making, authoritarian political culture, democratic political culture.

Сокол В.Б. Преодоление «власти дискурса» в феноменологии Э. Гуссерля. В статье решается проблема дискурсивной состоятельности феноменологической науки Э. Гуссерля посредством дискурсивного анализа структур онтологического и гносеологического дискурсов на предмет их соответствия замыслу основателя феноменологии.

Ключевые понятия: онтологический дискурс, гносеологический дискурс, антидискурс феноменологического эпох, макроструктура и микроструктура дискурса, клауза.

V.B. Sokol. Overcoming the «power of discourse» in the phenomenology of E. Husserl. The paper solves the problem of discursive consistency of E. Husserl's phenomenological science by means of discursive analysis of ontological and epistemological discourse structures for compliance with the plan of the phenomenology founder.

Key concepts: ontological discourse, epistemological discourse, anti-discourse of phenomenological epoch, macrostructure and microstructure of discourse, clause.

Фадеечева М.А. Истина в социально-политической науке постмодерна: возможности поиска. В статье выявлены особенности социально-политической науки эпохи постмодерна. Показано влияние социальных трансформаций и научных парадигм. Автор утверждает, что изменилось отношение к научной истине. Приведен положительный пример деятельности в сфере научного поиска. Дискурс-исследования отнесены к перспективному направлению в науке.

Ключевые понятия: постмодерн, парадигма, истина, дискурс, социально-политическая наука.

M.A. Fadeicheva. Truth in the socio-political science of postmodernism: search opportunities. The article reveals characteristics of socio-political science in postmodernism. It shows the impact of social change and scientific paradigms. The author argues that the attitude to scientific truth has changed; she draws a positive example of activity in the field of scientific exploration. Discourse studies are referred to as promising area of science.

Key concepts: postmodernism, paradigm, the truth, discourse, socio-political science.

Лукин А.Н. Политическое лидерство как социально-психологический феномен. В статье проводится анализ различных взглядов на психологическую природу политического лидерства, раскрываются некоторые его сущностные черты и функции.

A.N. Lukin. Political leadership as a socio-psychological phenomenon. The article analyzes different views on the psychological nature of political leadership, reveals some of its essential features and functions.

Ключевые понятия: политическое лидерство, психология лидера.

Ермолюк А.Р. В.В. Розанов о влиянии русской классической литературы XIX века на восприятие власти обществом. В статье анализируется малоизученный аспект социальной философии В.В. Розанова — взгляды мыслителя на роль литературы в обществе. Автор приходит к выводу, что В.В. Розанов считал литературу важным фактором социальных и политических изменений.

Ключевые понятия: Василий Розанов, русская религиозная философия, русская классическая литература.

Лаврикова И.Н. Сфера праздничного — зона идеологического. Новые исследования праздника в силу неисчерпаемости дадут новые характеристики, но его универсализации добиться сложно. Внимание на последнем необходимо заострить: именно подобное постулирование позволит характеризовать феномен с точки зрения политико-идеологического.

Ключевые понятия: методология праздника, свободное время, досуг, элемент культуры, власть, воспитание личности, теория смеха.

Иванов А.С. Проявления «праздничной стороны» региональной политики в деятельности руководителя региона (на примере Республики Башкортостан). В статье уделяется внимание рассмотрению двух сторон политики: «официальной» и «праздничной». Эмпирической базой исследования являются эмпирические данные, полученные автором в ходе мониторинга новостных лент российских информационных агентств в 2008–2011 гг. Особое внимание акцентируется на праздничном аспекте региональной политики, который рассматривается на примере деятельности высших представителей исполнительной власти Республики Башкортостан. Дается его общая характеристика на основе трёх важнейших параметров: публичные письменные сообщения, участие в торжественных церемониях и поездки для участия в праздничных мероприятиях. Полученные результаты помогают осмыслить содержание «праздничности» и её проявления в региональной политике.

Ключевые понятия: мониторинг, региональная исполнительная власть, «праздничная» сторона политики, церемониальность.

Юсупов М.М. Специфика управления регионом в постконфликтной ситуации. В статье рассматриваются ценностные компоненты управления, выявляется специфика управления в постконфликтной ситуации, характеризуются типы управления, выделяются проблемные направления социальной реконструкции региона.

Ключевые понятия: ценности, управление, постконфликтная ситуация, трансформация, авторитаризм.

Key concepts: political leadership, psychology of leadership.

A.R. Ermolyuk. V.V. Rozanov, on the influence of classical Russian literature of the XIX century on the public perception of authority. The article analyzes the poorly studied aspect of V.V. Rozanov's social philosophy — the sophist's views on the role of literature in society. The author comes to the conclusion that V.V. Rozanov considered literature an important factor of social and political changes.

Key concepts: Vasily Rozanov, Russian religious philosophy, Russian classical literature.

I.N. Lavrikova. The area of the festive – the zone of the ideological. New researches of festivity in view of its inexhaustible character will bring new features, but it is difficult to achieve universality. One should pinpoint the latter: such a postulation will allow to characterize the phenomenon from the point of view of the political and ideological.

Key concepts: methodology of festivity, leisure, entertainment, culture element, authority, education of the individual, theory of laughter.

A.S. Ivanov. Manifestation of the «festive side» of regional policy in the region head's actions (case study of the Republic of Bashkortostan). The article focuses on the two sides of policy: «official» and «festive.» The empirical basis of the study is empirical data obtained by the author in the course of monitoring news feeds of Russian news agencies in 2008-2011. Special attention is paid to the festive aspect of regional policy, which is discussed on an example of the highest chief executives of the Republic of Bashkortostan. We give a general description of it on the basis of three key parameters: public written reports, participation in ceremonies and travel to participate in festivities. The results obtained help to understand the content of the «festive» and its manifestations in regional policy.

Key concepts: monitoring, regional executives, «festive» side of the policy, ceremonial character.

M.M. Yusupov. Specificity of regional post-conflict management. The article tackles the value components of management, reveals the specificity of post-conflict management, characterizes types of management and highlights problem areas of social reconstruction of the region.

Key concepts: values, management, post-conflict situation, transformation, authoritarianism.

Курносков Д.Д. Тенденции развития идеологии британского правого радикализма в 1970-е — 2000-е гг. Настоящая статья имеет своей целью проследить эволюцию идеологического профиля британских крайне правых на примере двух ведущих партий соответствующей ориентации — «Национального фронта» (НФ) 1960-х и 1970-х гг. и Британской национальной партии (БНП) начала XXI в. Автор отмечает взаимосвязь идеологических изменений праворадикалов с переменами в британской политике и обществе в целом. Анализ идеологии помогает понять тактические и стратегические цели британских крайне правых.

Ключевые понятия: Великобритания, идеология, крайне правые, радикализм.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Ряховская Т.И. «Прямое действие» в системе юридических свойств Конституции России». Автор статьи полагает, что на сегодняшний день ситуацию с прямым действием отечественной конституции невозможно признать удовлетворительной. Это связано с отсутствием правовой определенности в понимании данного легального термина. В данной работе предпринята попытка устранения указанного пробела.

Ключевые понятия: Конституция Российской Федерации, прямое действие Конституции России, конституционные нормы, юридические свойства конституции.

Андреева И.А. Основные направления полицейских реформ в европейских странах на рубеже XX–XXI вв. Реформа полиции в европейских странах в конце XX — начале XXI вв. рассматривается в статье как важнейшее условие адаптации полицейской системы к социальным изменениям. Автор анализирует главные направления реформы.

Ключевые понятия: полиция, полицейская деятельность, реформа, управление полицией, управление эффективностью деятельности полиции.

Фамиева К.И. Правовые предпосылки создания федеральной контрактной системы в Российской Федерации. Статья посвящена правовому анализу генезиса нормативного регулирования закупок с учетом исторического и международного опыта. Автор делает выводы о правовых предпосылках создания федеральной контрактной системы в Российской Федерации на основе приведенного анализа генезиса нормативного регулирования закупок.

Ключевые понятия: федеральная контрактная система, нормативное регулирование, закупки, правовые предпосылки.

Драничникова Н.В., Захарова С.А., Сергеев А.Б. Проблемы развития спортивного права в России. В статье исследованы основные проблемы спортивного права в России как самостоятельной отрасли права и как отрасли юридической науки на этапе его становления и обозначены направления их разрешения.

D.D. Kurnosov. Development trends of the ideology of British right-wing radicalism in the 1970s – 2000s. This paper aims to trace the evolution of the ideological profile of the British extreme right-wing parties on the example of the two major parties of the appropriate orientation - «The National Front» (NF) of 1960's and 1970's and the British National Party (BNP) in the beginning of XXI century. The author points out at the relationship of the ideological change of the right-wing radicals and the change in British policy and society in general. The analysis of ideology helps us understand the tactical and strategic goals of the British extreme right-wing parties.

Key concepts: Great Britain, ideology, extreme right-wing parties, radicalism.

STATE AND RIGHT

T.I. Ryakhovskaya. «Direct force» in the system of legal properties of the Russian Constitution. The author believes that the present situation with the direct effect of the national constitution can not be considered satisfactory. This is due to the lack of legal certainty in the sense of the legal term. In this paper we attempt to address this gap.

Key concepts: Constitution of the Russian Federation, direct effect of Russian Constitution, constitutional provisions, legal properties of the constitution.

I.A. Andreeva. The main directions of police reforms in European countries at the turn of XX–XXI centuries. Police reform in European countries at the end of XX - beginning of XXI century is discussed in the article as a key condition of police system adaptation to social changes. The author analyzes the key areas of the reform.

Key concepts: police, policing, reform, police administration, police performance management.

K.I. Famieva. Rightful premises of a federal purchasing system in the Russian Federation. The article is devoted to the legal analysis of the genesis of regulatory purchase control relying on the historical and international experience. The author makes conclusions about the rightful premises of a federal purchasing system in the Russian Federation on the basis of the given analysis of the genesis of regulatory purchase.

Key concepts: federal purchasing system, regulatory control, purchase, rightful premises.

N.V. Dranichnikova, S. A. Zakharova, A.B. Sergeev. Problems of development of sports law in Russia. This paper deals with the main problems of sports law in Russia as an independent branch of law and as a branch of legal science at the stage of its development, and brings out the directions of their solution.

Ключевые понятия: спортивное право, механизм правового регулирования, правосознание, отрасль права, отрасль юридической науки, спорт.

Key concepts: sports law, the mechanism of legal regulation, legal awareness, branch of law, branch of legal science, sports.

Тищенко Н. В. Развитие системы наказания и типов преступлений от эпохи Просвещения до наших дней. Статья посвящена анализу взаимосвязи между типами преступления, образом преступника и спецификой системы наказания в современной культуре. Предлагается определение преобладающего в современном обществе типа преступления, определяются возможные способы предотвращения и борьбы с ростом преступности.

N.V. Tishchenko. Development of penal system and crime types from the Enlightenment to the present time. The article analyzes the relationship between the types of crime, the offender and the specific manner of punishment in contemporary culture. A definition of the prevailing in today's society crime is given, possible methods of crime prevention and combating the rise of crime rates are defined.

Ключевые понятия: тип противозаконности, система наказания, экономические преступления, транснациональная организованная преступность.

Key concepts: type of illegality, penal system, economic crimes, transnational organized crime.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

ECONOMY AND MANAGEMENT

Коротина Н. Ю. Принципы классификации собственной доходной базы местных бюджетов. В целях управления доходной базой местных бюджетов необходима их полноценная классификация по различным признакам, поскольку существующие классификации не дают возможности в полной мере оценить реальные способности муниципального образования влиять на развитие собственной доходной базы. При проведении аналитических исследований представляется значимой предлагаемая в статье классификация по «источникам получения доходов». Данная классификация позволяет идентифицировать доходы с позиций источников, что обеспечивает муниципальному образованию возможность управлять выявленными резервами самообеспечения в целях социально-экономического саморазвития территории.

N.Y. Korotina. Principles of own revenues classification for local budgets. In order to manage the revenue base of local budgets it is needed to make their classification according to various criteria, as existing classifications do not make it possible to fully assess the real ability of a municipality to influence the development of its own revenue base. When conducting analyzes the proposed classification on the basis of «source of income» seems meaningful. This classification allows us to identify sources of revenue which provides the municipality with the ability to manage the identified self-sufficiency reserves for social and economic self-development of the territory.

Ключевые понятия: доходы бюджетов, собственные доходы местных бюджетов, классификация доходов местных бюджетов.

Key concepts: budget revenues, own revenues of local budgets, the classification of local budgets revenues.

Логачева Н. М. Развитие социальной инфраструктуры регионов как фактор повышения уровня жизни населения. В статье рассматривается актуальность и необходимость развития социальной инфраструктуры в регионах как фактор, определяющий приемлемый уровень жизни для населения. Аргументированный характер статьи позволяет автору представить мнения различных специалистов, занимающихся этой проблемой, и предложить свои подходы к выработке направлений, в которых социальная структура региона может развиваться.

N.M. Logacheva. Social infrastructure development of regions as a factor in increasing social standard of living. The article discusses the relevance and necessity of the development of social infrastructure in the regions as a factor determining the acceptable quality of life for the population. Argumentative nature of the article allows the author to provide the views of various professionals involved in this problem, and propose her own approaches to the development of ways in which social structure of the region can be developed.

Ключевые понятия: регион, социальная инфраструктура, человеческий капитал, уровень жизни в регионе, здравоохранение, образованность.

Key concepts: region, social infrastructure, human capital, quality of life in the region, public health service, education.

ИСТОРИЯ

HISTORY

Пискунов С. А. Возвращение на Родину: участие переселенческих органов РСФСР в репатриации польских и советских граждан в 1945–1946 гг. В статье анализируется деятельность переселенческих органов РСФСР, направленная на решение

S.A. Piskunov. Return home: the participation of the RSFSR migration bodies in the repatriation of Polish and Soviet citizens in 1945–1946. The article analyzes the activities of the RSFSR migration bodies, aimed at the repatriation of Polish and Soviet citizens

---

задач по репатриации поляков и советских людей в 1945–1946 гг., определены их роль и функции в реализации межгосударственных договоренностей по возвращению граждан на историческую Родину.

Ключевые понятия: война, государство, переселение, переселенческие органы, польские граждане, репатриация, советские граждане.

Пасс А.А., Рыжий П.А. Огосударствление промысловой кооперации в СССР во второй половине 1950–х гг.: причины и последствия. В статье анализируется процесс передачи кооперативных предприятий в государственную собственность, который был поэтапно осуществлен политическим руководством СССР во второй половине 1950-х гг. Определяются причины и последствия данного решения.

Ключевые понятия: промысловые артели, бытовое обслуживание населения, национализация кооперативной промышленности, концепция «смешанной экономики».

ДИСКУССИИ И ПОЛЕМИКА

Пашков К.В. Заметки о постсекулярной культуре. В статье аргументируется возможность введения термина «постсекулярная культура» в лексикон отечественной культурологии, описаны различные аспекты европейских и американских постсекулярных исследований культуры, выполнен краткий сравнительный анализ западной и российской моделей постсекулярной культуры. Статья продолжает цикл публикаций в рамках научной дискуссии по основным проблемам, изложенным в статье М.В. Чекмарева и А.С. Чупрова («Социум и власть», 2011, № 4).

Ключевые понятия: постсекулярность, секулярная культура, постсекулярная культура, постсекулярное общество, постсекулярные исследования.

Уваров П.Б. Поведение современного человека: историко-антропологический этюд. Статья посвящена анализу современной социокультурной ситуации. Автор сопоставляет различные типы поведения личности в условиях деформации ценностей традиционной культуры. В статье раскрываются качественные характеристики ситуативного типа поведения, доминирующего в современной культуре. Статья продолжает цикл публикаций в рамках научной дискуссии по основным проблемам, изложенным в статье М.В. Чекмарева и А.С. Чупрова («Социум и власть», 2011, № 4).

Ключевые понятия: поведение, мировидение, традиционная культура, индивидуализм.

in 1945-1946., defines their role and functions in the implementation of international agreements on the return of people to their historical homeland.

Key concepts: war, state, migration, migration bodies, Polish citizens, repatriation, Soviet citizens.

A.A. Pass, P.A. Rizhij. Nationalization of industrial co-operation in the Soviet Union in the second half of the 1950s: Causes and Consequences. The paper analyzes the process cooperative enterprises nationalization, which has been gradually implemented by the political authority of the USSR in the second half of the 1950s; defines causes and consequences of this decision.

Key concepts: industrial artels, consumer services, nationalization of cooperative industry, the concept of «mixed economy.»

DISCUSSIONS AND POLEMIC

K.V. Pashkov. Notes on the post-secular culture. The article sums up the possibility of introducing the term «post-secular culture» in the lexicon of Russian Cultural Studies, describes different aspects of European and American Studies of post-secular culture, makes a brief comparative analysis of Western and Russian models of post-secular culture. The article continues a series of publications in the scientific debate on the main issues set out in Article by M.V. Chekmarev and A. Chuprov («Society and Authority», 2011, № 4).

Key concepts: post secularity, secular culture, post-secular culture, post-secular society, post-secular researches.

P.B. Uvarov. Modern human behavior: historical and anthropological study. This article analyzes the contemporary socio-cultural situation. The author compares different types of individual behavior amid deformed values of traditional culture. The article describes qualitative characteristics of situational type of behavior that dominates in modern culture. The article continues a series of publications in the scientific debate on the main issues set out in Article M.V. Chekmarev and A. Chuprov («Society and Government», 2011, № 4).

Key concepts: behavior, world view, traditional culture, individualism.

АВТОРЫ НОМЕРА

Андреева Ирина Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, докторант Омской академии МВД России. E-mail: irinandreeva31812@rambler.ru

Борисенков Александр Александрович, доктор философских наук, профессор кафедры истории и политологии Государственного университета управления, г. Москва. E-mail: borisenkov_va@mail.ru

Гоношилина Ирина Глебовна, кандидат философских наук, доцент кафедры политологии, социологии и связей с общественностью Ульяновского государственного технического университета. E-mail: gkn67@mail.ru

Драничникова Наталья Владимировна, аспирант Южно-Уральского государственного университета, город Челябинск. E-mail: natalya.dranichnickova@yandex.ru

Ермолюк Айгуль Ринатовна, соискатель кафедры истории философии и философии образования Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, город Челябинск. E-mail: hadiewa@mail.ru

Захарова Светлана Александровна, заведующая кафедрой теории государства и права и конституционного права Уральского государственного университета физической культуры, кандидат юридических наук, доцент, город Челябинск. E-mail: uralgufk@mail.ru

Зырянов Сергей Григорьевич, директор Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор политических наук, профессор. E-mail: director@urags-chel.ru

Иванов Александр Сергеевич, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник отдела государственной и муниципальной службы Научно-исследовательского центра проблем управления и государственной службы Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан, город Уфа. E-mail: fijnoord@yandex.ru

Коротина Наталья Юрьевна, заведующая кафедрой экономики и финансов Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат экономических наук, доцент. E-mail: korotina@rane74.ru

Курнос Дмитрий Дмитриевич, аспирант кафедры европейских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: dd.kurnosov@gmail.com

Лаврикова Ирина Николаевна, кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Тверского филиала Московского университета МВД России. E-mail: ilavrikova@rambler.ru

Логачева Наталья Модестовна, заведующая кафедрой экономических дисциплин Уральского института экономики, управления и права, кандидат экономических наук, г. Курган. E-mail: NMLogacheva@yandex.ru

Лукин Анатолий Николаевич, кандидат культурологии, профессор кафедры государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доцент. E-mail: anlukin@mail.ru

Меняева Марина Петровна, кандидат культурологии, доцент кафедры философских наук Челябинской государственной академии культуры и искусств. E-mail: kaf-fil@chgaki.ru

Павлов Борис Сергеевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, профессор, город Екатеринбург. E-mail: pavlov_boris@mail.ru

Пасс Андрей Аркадьевич, заведующий кафедрой политических наук и связей с общественностью Челябинского государственного университета, доктор исторических наук. E-mail: pass_andrey@mail.ru

Пашков Константин Валерьевич, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии Харьковской государственной академии культуры, Украина, город Харьков. E-mail: k.pashkov2010@gmail.com

Пискунов Сергей Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и культурологии Благовещенского государственного педагогического университета. E-mail: grew5@mail.ru

Руденкин Дмитрий Васильевич, аспирант Института социальных и политических наук Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина, город Екатеринбург. E-mail: d-rudenkin@yandex.ru

Рыжий Павел Анатольевич, старший преподаватель кафедры политических наук и связей с общественностью Челябинского государственного университета. E-mail: kaftrapolit@mail.ru

Ряховская Татьяна Ивановна, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, город Новосибирск. E-mail: dnight@mail.ru

Сергеев Андрей Борисович, доктор юридических наук, профессор кафедры теории права и уголовно-правовых дисциплин Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, профессор. E-mail: sergeev_ab@bk.ru

Сокол Владимир Борисович, кандидат философских наук, доцент, докторант кафедры философии Тюменского государственного университета. E-mail: vasu108@mail.ru

Тищенко Наталья Викторовна, кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии Саратовского государственного технического университета имени Ю.А. Гагарина, доцент. E-mail: mihailovan@inbox.ru

Уваров Павел Борисович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и методики преподавания истории Челябинского государственного педагогического университета. E-mail: pbuvar@mail.ru

Фадеечева Марианна Альфредовна, доктор политических наук, доцент, главный научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, город Екатеринбург. E-mail: fm366@uralmail.com

Фамиева Карина Ильдаровна, главный специалист юридического отдела Управления муниципального заказа Администрации города Челябинска. E-mail: zvillinga@mail.ru

Хвесюк Наталья Георгиевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры философии и социологии Южно-Уральского государственного университета, город Челябинск. E-mail: public74@mail.ru

Шиняева Ольга Викторовна, заведующая кафедрой политологии, социологии и связей с общественностью Ульяновского государственного технического университета, доктор социологических наук, профессор. E-mail: olses@rambler.ru

Юсупов Муса Мовлиевич, кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социальной работы Чеченского государственного университета, город Грозный. E-mail: musa_y17@hotmail.com

---

AUTHORS OF THIS ISSUE

Irina A. Andreeva, Ph.D., Associate Professor, PhD at Omsk Academy of the Russian Interior Ministry. E-mail: irinandreeva31812@rambler.ru

Alexander A. Borisenkov, Ph.D., professor of history and political science at the State University of Management, Moscow. E-mail: borisenkov_va@mail.ru

Irina G. Gonoshilina, PhD, assistant professor of political science, sociology, and public relations of the Ulyanovsk State Technical University. E-mail: gkn67@mail.ru

Natalia V. Dranichnikova, PhD student of Southern Ural State University, Chelyabinsk. E-mail: natalya.dranichnikova@yandex.ru

Aigul R. Ermolyuk, doctoral candidate of the history of philosophy and the philosophy of education of the Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin, Chelyabinsk. E-mail: hadiewa@mail.ru

Svetlana A. Zakharova, head of the theory of law and the constitutional rights department of the Ural State University of Physical Education, PhD, Associate Professor, Chelyabinsk. E-mail: uralgufk@mail.ru

Sergei G. Zyryanov, Director of Chelyabinsk Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Doctor of Political Sciences, Professor. E-mail: director@urags-chel.ru

Alexander S. Ivanov, Doctor of Political Sciences, a leading researcher at the Department of State and Municipal Services of the Research Center for Governance and Public Service at Bashkir Academy of Public Service and Administration of the President of the Republic of Bashkortostan, Ufa. E-mail: fjiinoord@yandex.ru

Natalia Y. Korotina, Head of the Department of Economics and Finance, Chelyabinsk Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Ph.D., associate professor. E-mail: korotina@rane74.ru

Dmitry D. Kurnosov, PhD student of European Studies, School of International Relations, St. Petersburg State University. E-mail: dd.kurnosov@gmail.com

Irina N. Lavrikova, Ph.D., assistant professor of social and humanitarian disciplines, Tver branch of Moscow State University of Russian Interior Ministry. E-mail: ilavrikova@rambler.ru

Natalia M. Logacheva, head of economic disciplines department of the Ural Institute of Economics, Management and Law, Kurgan. NMLogacheva@yandex.ru

Anatoly N. Lukin, PhD in Cultural Studies, professor of public administration, legal support to state and municipal service of Chelyabinsk Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, professor. E-mail: anlukin@mail.ru

Marina P. Menyaeva, PhD in Cultural Studies, Associate Professor of Philosophy of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. E-mail: kaf-fil@chgaki.ru

Boris S. Pavlov, PhD, a leading researcher at the Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg. E-mail: pavlov_boris@mail.ru

Andrei A. Pass, head of the Political Science and Public Relations of the Chelyabinsk State University, Doctor of Historical Sciences. E-mail: pass_andrey@mail.ru

Konstantin V. Pashkov, Ph.D., Associate Professor at the Department of Culture, Kharkov State Academy of Culture, Ukraine, Kharkov. E-mail: k.pashkov2010@gmail.com

Sergey A. Piskunov, Ph.D., assistant professor of history, philosophy and culture, Blagoveshchensk State Pedagogical University. E-mail: grew5@mail.ru

Dmitry V. Rudenkin, a Ph.D. student of the Institute of Social and Political Sciences of the Ural Federal University named after B.N. Yeltsin, Yekaterinburg. E-mail: d-rudenkin@yandex.ru

Pavel A. Rizhiy, Senior Lecturer, Department of Political Science and Public Relations of the Chelyabinsk State University. E-mail: kaftdrapolit@mail.ru

Tatiana I. Ryakhovskaya, Senior Lecturer, Department of Theory and History of State and Law of the Siberian Institute of Management - a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Novosibirsk. E-mail: dnight@mail.ru

Andrey B. Sergeev, Doctor of Law, Professor of the Department of Law and Criminal Law, Chelyabinsk Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Professor. E-mail: sergeev_ab@bk.ru

Vladimir B. Sokol, Ph.D., Associate Professor, Ph.D. student at the Department of Philosophy of the Tyumen State University. E-mail: vasu108@mail.ru

Natalia V. Tishchenko, PhD in Cultural Studies, Associate Professor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Yuri Gagarin, associate professor. E-mail: mihailovan@inbox.ru

Pavel B. Uvarov, doctor of historical sciences, professor of Russian history and methodology of teaching history, Chelyabinsk State Pedagogical University. E-mail: pbuvar@mail.ru

Marianne A. Fadeicheva, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg. E-mail: fm366@uralmail.com

Karina I. Famieva, chief of legal department of the Office of municipal order in Chelyabinsk Administration. E-mail: zvillinga@mail.ru

Natalya G. Khvesyuk, Ph.D., Associate Professor of Philosophy and Sociology, Southern Ural State University, Chelyabinsk. E-mail: public74@mail.ru

Olga V. Shinyaeva, Head of Department of Political Science, Sociology and Public Affairs of the Ulyanovsk State Technical University, Doctor of Social Sciences, Professor. E-mail: olses@rambler.ru

Musa M. Yusupov, PhD in Sociology, Associate Professor of Theory and History of Social Work, Chechen State University, Grozny. E-mail: musa_y17@hotmail.com

---

Требования к оформлению статей и сообщений, представляемых в редакцию научного журнала «Социум и власть»

1. Автор направляет один экземпляр рукописи по электронной почте.

2. Текст статьи представляется на русском языке объемом не более 19.100 знаков без пробелов, включая список литературы*. Файл должен читаться в формате Word 98/2000. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал – одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи или сообщения (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью соответствующей компьютерной программы, т.е. не вручную.

3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.

4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.

5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается также в отдельный файл.

6. Название статьи указывается посередине текста 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные – строчные. В правом верхнем углу над названием статьи указывается фамилия, имя и отчество автора, место работы (учебы), занимаемая должность, ученая степень и звание (если имеются), город.

7. Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 27]), в конце статьи – библиографический список в алфавитном порядке. Количество источников не более 15.

8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

9. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция.

10. Статья должна быть классифицирована – иметь УДК.

11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.

12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (2–3 предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора;

б) ключевые понятия (не более пяти);

в) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, ученая степень, ученое звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон).

Статьи или сообщения, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию и редактированию не принимаются.

Решение о публикации направленных в журнал материалов принимается в течение трех месяцев со дня регистрации рукописи в редакции.

В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта новый вариант статьи регистрируется вновь.

Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии журнала.

Рукописи не возвращаются.

Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».

Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается.

Контактная информация автора (адрес электронной почты) в журнале указывается обязательно.

Авторские экземпляры вышедшего номера высылаются наложенным платежом в количестве, указанном в письменной заявке.

Адрес редакции: 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26, к. 308.

Тел. (351) 771-42-30

E-mail: kushtym@rane74.ru

---

* При отступлении от установленного объема статья может быть отклонена.

Requirements for articles and memos presented for publication in the «SOCIUM AND POWER» journal

1. The author will send one copy of the typescript by e-mail.

2. The article will be sent in Russian. The article will be under 19,100 characters without spaces, including the bibliography.* The file will be in Microsoft Word 98/2000 format. The font will be Times New Roman Cyr size 14 including the title. The line spacing is 1.0. The margins at all sides will be 20 mm. The text must be justified with no line breaks. The text of the article or memo (including the title) will be done in lowercase letters with paragraph indent of 1.25 cm by software means, i.e. not by hand.

3. All font highlighting will be done in light italics. All titles and subtitles will be done in bold.

4. All graphic materials (drawings, pictures, diagrams, graphs, schemes) will be done in image editing software. All images must be numbered incrementally.

5. All numerical data will be done in tables. Each table will have its number and name. The numbering of the tables is continuous. The tables will not have shortenings except for the unit names. The electronic versions of each table and image will be done in separate files.

6. The name of the article will be done centrally in size 14 font, the first letter is uppercase, and the rest are lowercase. The last name, first name and patronymic of the author, their place of work and position, academic degree and rank (if applicable), city of residence will be done in the upper right corner over the article name.

7. The literature references will be done in square brackets (e.g. [7, p. 27]), and as an alphabetized bibliography list at the end of the article. There will be fewer than 15 sources.

8. The references will be done in compliance with GOST 7.0.5–2008 requirements under «Bibliography reference. General requirements and rules.»

9. The legal acts listed will quote the initial and latest edition.

10. The article must be classified and have the UDC (Universal Decimal Classification).

11. The author will note the agenda (specialization) of the article presented for publication.

12. In addition to the text of the article the author will also present the following positions as a separate file in Russian and English:

a. Concise (2–3 sentences) annotation of the article with the name of the article, last name and initials of the author.

b. Keywords (under 5).

c. Information about the author – Name, Patronymic, Last name (full), position and place of work or study, degree, academic rank, contact information (mailing address with ZIP code, e-mail, phone number).

The articles or memos not complying with the aforementioned requirements will not be reviewed and/or published.

The publication of the received articles will be approved or declined within 3 months from the registration of the typescript at the editorial office. In case the article is declined for publication due to the expert opinion, any corrected version of the article has to be registered again.

The members of the journal's editorial board will review the articles.

The typescripts will not be returned.

The articles will be run through the "Antiplagiat" system.

By presenting the typescript of the article to the editorial, the author agrees not to publish that same article without consent of the editorial board fully or in part in any other media prior to its publication at the «SOCIUM AND POWER» journal.

No charge is collected for reviewing and publishing of the articles.

The contact information of the author (e-mail) will be quoted in the journal at all times.

The author's copies of the journal will be sent by mail order in the number specified in the application.

Editorial address: 454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26, room 308.

Tel. 7 (351) 771-42-30

E-mail: kushtym@rane74.ru

---

* A paper may be rejected if the special size requirements are not satisfied.